

ГЛАВА II.

ГЛАВНЫЯ ЧЕРТЫ ЖЕНСКОЙ ЛИЧНОСТИ ВЪ ДОПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ.

Языческое время: княгиня Ольга. Вліяніе византійской культуры. Постычскій идеалъ. Происхожденіе терема. Боярыня Морозова. Царевна Софья и значеніе царскаго дѣвичьяго терема въ концѣ XVII ст.

На предѣлахъ нашей допетровской исторической жизни, по ту и по сю сторону, стоятъ двѣ очень замѣчательныя женскія личности, которыя въ дѣйствительности пользовались общественными правами, занимая высокое общественное положеніе. Одна почти начинается нашу историческую жизнь, по крайней мѣрѣ принадлежитъ къ первымъ лицамъ, дающимъ этой жизни начальное движеніе и направленіе; другая заканчиваетъ и такъ сказать замыкаетъ древній періодъ русской жизни. Одна, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ общественная личность, носитъ въ своей дѣятельности характеръ прямыхъ, положительныхъ условій жизни, является тѣмъ, чѣмъ должна быть русская женщина — язычница, является идеаломъ, которымъ народъ выразилъ свои представленія о достоинствѣ женской личности, въ какихъ именно чертахъ это достоинство наиболее казалось ему высокимъ и желаннымъ. Другая, напротивъ, является только отрицаніемъ положительныхъ условій жизни, является вовсе не тѣмъ, чѣмъ должна быть русская женщина — христіанка, по крайней мѣрѣ по ученію и по идеаламъ вѣка. Она является плодомъ жизненной смуты, плодомъ растлѣнія положительныхъ жизненныхъ условій быта.

Мы говоримъ объ Ольгѣ — княгинѣ и Софѣ — царевнѣ.

Несмотря на мужественный типъ Ольги — язычницы, который съ такою самостоятельностью открываетъ историческую жизнь русской женщины и тѣмъ самымъ какъ бы даетъ сильный образъ для послѣдующаго развитія этой самостоятельности, мы однакожъ не видимъ въ послѣдующей исторіи, чтобы русская женщина употребила себя въ пользу это богатое наследство. Семь сотъ слишкомъ лѣтъ, которые отдѣляютъ другъ отъ друга Ольгу и Софью, не представили ни одной личности, сколько нибудь равной имъ по значенію. Семь сотъ лѣтъ такимъ образомъ протекли безъ слѣда для развитія женской личности въ смыслѣ самостоятельнаго члена общественной, а не семейной только, жизни, такъ что и самостоятельность царевны Софьи, какъ упомянуто, явилась собственно отрицаніемъ тѣхъ положеній быта, какія были выработаны этимъ семисотлѣтнимъ періодомъ русской исторіи.

Лѣтописный образъ Ольги исполненъ эпическихъ народныхъ чертаній. Она предстаетъ намъ идеализированною и какъ матерая вдова, и какъ женщина вообще, и наконецъ, какъ женщина-христіанка.

По смерти Игоря Ольга осталась вдовою съ сыномъ Святославомъ, стало быть, *матерюю* вдовою. Въ тотъ вѣкъ она имѣла естественное, положительное и ни въ чемъ неоспоримое право *сидѣть на вдовьемъ столцѣ*, какъ выражаются о такомъ правѣ даже позднѣйшіе юридическіе памятники, т. е. сидѣть на княженіи, управлять землею или по простому понятію управлять домомъ, владѣніемъ, имуществомъ умершаго князя, какимъ въ сущности и была для князей въ то время русская земля. Это былъ, по всему вѣроятію, очень старый обычай, общій для славянской земли, гораздо древнѣйшій, чѣмъ призваніе варяговъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ обычнымъ правомъ сидѣть на вдовьемъ столцѣ, Ольга, по своему положенію, какъ вдова князя, и главное вдова матерая, получаетъ общественное политическое значеніе. Она въ дѣйствительности управляетъ землею, какъ князь. Она самолично съ маленькимъ сыномъ и дружиною идетъ мстить Древлянамъ за смерть мужа и покоряетъ ихъ Кіеву окончательно, съ тою хитростью — мудростью (напр. истребленіе нарочитыхъ, лучшихъ, людей земли) какая употреблялась нѣсколько столѣтій спустя, при собираніи земель Московію. Она сама ходитъ по Древлянской землѣ, уставляя

устава и *уроки*, т. е. законодательствуя, давая порядокъ въ опредѣленіи дани и оброковъ.

Вслѣдъ за тѣмъ она сама ходитъ по всей русской землѣ, точно также, уставляя дани и оброки, устроая землю, какъ самый дѣятельный и мудрый князь. Объ этихъ земскихъ ея походахъ и уставахъ память жила еще въ XI—XII столѣтіяхъ, т. е. спустя сто—двѣсти лѣтъ. Еще тогда по всей землѣ оставались ея *знамяна*, мѣста, погосты, ловища и перевѣсища. Это значитъ, что въ XI—XII столѣтіяхъ устройство земли во многомъ и по всему вѣроятію въ самомъ главномъ, въ оброкахъ и данияхъ, оставалось еще тоже самое, какое дано было Ольгою; оставались тѣже мѣста, погосты, становища, въ которыхъ со временъ Ольги утвердились мѣстные данничи и судебные центры княжескаго управленія. Изъ лѣтописнаго разсказа видно, что народъ очень дорожилъ памятью объ этой дѣйствительно замѣчательной личности, ибо еще послѣ нея сохранились во Псковѣ ея сани.

„Ловища и перевѣсища“ указываютъ также, что Ольга въ своихъ походахъ „дѣяла ловы“, т. е. охотилась, какъ добрый князь. Въ этомъ нельзя и сомнѣваться. Если она сама ходила воевать съ Древлянами, сама въ лѣсахъ и болотахъ новгородской области уставливая дани и погосты, то почемужъ ей не ходить и на охоту, тѣмъ болѣе, что охота въ то время, кромѣ обыкновеннаго потѣшенія, составляла очень важный промыслъ даже и для князей. Форма словъ: ловища, перевѣсища, становища, показываетъ, что это были мѣста, гдѣ происходила охота или бывали остановки въ походѣ, мѣста наиболѣе выгодныя для охоты или удобныя для остановки. Припомнимъ, что хожденіе за данью, какъ и на охоту, князья предпринимали всегда въ сопровожденіи дружины и челяди — слугъ, оттого и станъ этого полка или *двора* по необходимости оставлялъ по себѣ знамяна, т. е. память и слѣды своего устройства и пребыванія. Вообще ни одинъ князь не оставилъ по себѣ такой земской и доброй памяти, какъ мудрая Ольга. За ея земскимъ ликомъ быть можетъ, сокрылись и всѣ земскія заслуги мудраго Олега, съ народнымъ идеаломъ котораго такъ родственно сливается и ея народный идеалъ, даже самое имя. Наконецъ Ольга идетъ въ Греки, въ Царьградъ, идетъ такъ, какъ обыкновенно хаживали русскіе въ греческую столицу, т. е. съ куплею, по тор-

говымъ дѣламъ, ибо съ ней вмѣстѣ находится болѣе сорока купцовъ или гостей.

Уже одинъ этотъ походъ могъ бы служить достаточною характеристикой ея необыкновенной предприимчивости и мужества. Всякое дѣло она хочетъ и знать, и дѣлать самолично. Это черта Петровская. Мы достоверно не знаемъ, какія именно прямыя цѣли влекли Ольгу въ Царьградъ, но видимо, главною цѣлью было христіанство, видимо, что она въ это время была уже христіанка въ своихъ мысляхъ и стремленіяхъ: въ походѣ съ ней находился даже и христіанскій священникъ Григорій. Она пожелала самолично видѣть христіанскій торжественный обрядъ въ самомъ Царьградѣ и тамъ просвѣтить свое поганство новымъ ученіемъ; видѣть лицомъ къ лицу лучшую жизнь.

Такимъ образомъ, дѣятельность Ольги представляетъ намъ типическій образъ всей княжеской дѣятельности перваго вѣка, олицетворяетъ идею жизни этого вѣка. Ольга дѣлаетъ то, что дѣлали всѣ первые князья, воевавшіе и торговавшіе съ Царьградомъ, покорявшіе сосѣднія племена, уставлявшіе уставы, уроки и дани. Все это было обычнымъ княжескимъ дѣломъ въ то время. Необычайно только то, что Ольга, женщина, совершаетъ эти мужскія и мужественныя дѣла. Но казалось ли это необычнымъ для ея современниковъ? Мы полагаемъ, что общее убѣжденіе вѣка находило дѣянія Ольги очень обыкновенными и весьма естественными. Въ сущности она ничего не дѣлаетъ такого, что могло бы противорѣчить ея положенію. Въ ея дѣяніяхъ ничего нѣтъ *засорнаго* для ея положенія, какъ женщины вообще и какъ матерой вдовы въ особенности. Она исполняетъ то, что была обязана исполнить именно, какъ матерая вдова, наслѣдница мужнива владѣнья, т. е. отомстить смерть мужа, потому что этого требовалъ обычай, требовала народная вѣра; ей было естественно устроить дани, уроки и оброки, вообще устроить землю, потому что неуройство именно даней, безпорядокъ, произволъ и насиліе въ ихъ собираніи привели къ тому, что мужъ былъ убитъ. Быть можетъ добрая народная память о ней потому такъ долго и сохранялась, что она привела въ порядокъ, въ ясность и опредѣленность эту важную статью княжескихъ отношеній къ землѣ. Она является только хорошою, умною, самостоятельною хозяйкою своего имущества, какою по понятіямъ старины должна быть каждая матерая вдова. Въ этомъ смыслѣ она и послужила идеаломъ для послѣдующаго

фактъ, самое дѣло жизни, которое все и оправдываетъ, въ которомъ и заключается все *ученіе* вѣка. Дѣло жизни даетъ личности неизмѣримо большую свободу, чѣмъ какая либо ея нравственная программа, ея *слово*.

Дѣло жизни прямо выдвигало женщину на богатырскіе подвиги. И вотъ народная былина рисуетъ намъ первобытную нашу женщину такою же удаюю поленицею, такимъ же удалымъ богатыремъ, нисколько не смущаясь мыслию, что это для женщины зазорно, какъ потомъ стали учить премудрыя *слова* жизни. О мужествѣ русскихъ женщинъ въ языческую эпоху засвидѣтельствовали византійскіе лѣтописцы, которые рассказываютъ, что во время войны Святослава съ греками, послѣ одной весьма жестокой битвы, когда греки стали раздѣвать убитыхъ скинговъ, то нашли, между трупами, убитыхъ женщинъ, которыя въ мужескомъ одѣяніи мужескою храбростію съ римлянами (греками) сражались¹. Такимъ образомъ, народные идеалы рисовали въ сущности народную дѣйствительность. Такъ понималъ древній вѣкъ общественное положеніе женщины, такъ идеализировалъ онъ и личность Ольги. Но въ Ольгѣ древній вѣкъ идеализируетъ также и вообще женское существо, какъ оно ему тогда представлялось. Онъ идеализируетъ Ольгу мудрою—хитрою; она хитростью побѣдила не только Древлянъ, но перехитрила и самого даря греческаго, который вздумалъ было взять ее себѣ въ жены. Таково въ глазахъ язычества свойство женской личности вообще. Хитрость въ томъ вѣкѣ являлась не только положительнымъ свойствомъ ума, но и вѣщею силою, приближавшею человека къ богамъ. Оттого всѣ женскіе типы изъ миѳической эпохи обладаютъ прежде всего именно этимъ свойствомъ ихъ существа. Такова, напр., и Февронія Муромская и типы народныхъ былинъ. Вообще языческій идеалъ присвоиваетъ женской личности существо миѳическое. Она обладаетъ даромъ гаданій, чарованій, даромъ пророчества; она знаетъ тайны естества и потому въ ея рукахъ по преимуществу хранится врачеванье отъ болѣзней, а слѣд. колдовство, вѣдовство, заговоры, заклинанія. Она въ близкихъ связяхъ съ миѳическими силами; въ ея рукахъ и добро, и зло этихъ силъ. Миѳическій змѣй становится спутникомъ ея личности. На особенную высоту вѣщаго значенія ставитъ языческій идеалъ

¹ Келринъ 2, 118.

вѣщую дѣву. Какъ ни скудны и какъ ни темны сохранившіяся свидѣтельства о такомъ значеніи дѣвичьей личности, но они все-таки и до сихъ поръ сохраняютъ ея вѣщія черты. Достаточно указать на святочные подблюдныя пѣсни, на нѣкоторые заговоры и народные обряды. Мы не намѣрены входить по этому случаю въ подробности, ибо для насъ важно лишь то, какъ языческій вѣкъ идеализировалъ женское существо ¹. Онъ видѣлъ въ этомъ существѣ миѳическія, сверхъестественныя чарующія силы.... Языческія идеализаціи коренились конечно на почвѣ дѣйствительности, а дѣйствительность здѣсь заключалась уже въ самой природѣ женскаго пола, въ дѣйствіяхъ этой природы на другой полъ. Эту-то природу язычество и олицетворяло въ поэтическихъ образахъ и въ миѳахъ, которые какъ ни были многообразны, но всѣ выговаривали одно, что въ женскомъ существѣ кроются непостижимыя демоническія силы. Чары красоты и любви были очень достаточны для того, чтобы возвысить идеалъ женщины до миѳическаго существа и вырастить на этой почвѣ цѣлый культъ очарованій во всякихъ другихъ смыслахъ.

Все это должно было ставить женскую личность въ самостоятельное отношеніе къ языческому обществу, давать ей самостоятельное общественное значеніе. Но помимо вѣроятныхъ соображеній, есть весьма положительныя свидѣтельства, о томъ что идеальный характеръ русской женщины — язычницы, какъ онъ рисуется въ эпической народной поэзіи въ пѣсняхъ, въ обрядахъ, преданіяхъ, вполне соответствовалъ тогдашней дѣйствительности, т. е. что женщина пользовалась самостоятельнымъ положеніемъ въ обществѣ, что ея общественная доля уравнивалась съ долей мужчины.

Укажемъ важнѣйшее, именно языческіе браки, гдѣ свобода и самостоятельность женской личности является уже въ томъ обстоятельствѣ, что мужчины „умыкаху жены себѣ, съ нею же кто сѣвъшася“. Бракъ, слѣд., зависѣлъ не столько отъ воли родителей, сколько отъ согласія самой невѣсты, хотя вслѣдствіе родовыхъ отношеній общества необходимо было похищать невѣсту, ибо родъ даромъ ее не уступалъ. Общее свидѣтельство лѣтописи утверждается еще болѣе нѣкоторыми частными случаями; напр. Полоцкая Рогнеда отказывается идти за мужъ

¹ См. Повѣстическія воззрѣнія славянъ на природу, г. Леонасьева: т. 1 и 2.

за робличча — Владимира, когда отецъ предложилъ ей, за кого она хочетъ: за Ярополка или Владимира.

Свобода совѣщанія о бракѣ, свобода выбора свидѣтельству-етъ вообще, что въ языческое время положеніе женщины было волюнтіе, независимѣе, чѣмъ въ послѣдующіе вѣка. Къ этому вела, какъ мы замѣтили, самая непосредственность всего народнаго быта, самое *дѣло* жизни, хотя бы и крѣпко связанной родовыми, кровными началами ея развитія. Мы выше указали какое именно *дѣло* жизни должно было уравнивать женскую личность съ мужскою.

Если все такъ было, если личность женщины дѣйствительно, наравнѣ съ личностью мужчины, пользовалась, не домашними, семейными только, но и общественными правами, т. е. правами дѣлать дѣла мужскія, если даже и въ народномъ сознаніи вовсе не существовало понятій о раздѣльности общественныхъ дѣлъ на женскія и мужскія, и женщина могла даже по богатырски вы-ѣзжать въ поле, богатырствовать съ врагомъ; если такія и подобныя женскія дѣла вовсе не принадлежали къ необычнымъ явленіямъ, а выражали только простой, естественный, самый обычный ходъ жизни; то и личность язычницы Ольги должна представляться намъ не какимъ либо исключительнымъ явленіемъ, а простымъ, естественнымъ, самымъ обычнымъ типомъ жизни. Въ чертахъ Ольги мы можемъ видѣть типъ русской женщины язычницы, выразившій въ себѣ ту весьма значительную долю свободныхъ дѣйствій, какая принадлежала по обычаю языческаго вѣка вообще женскому полу въ древнѣйшемъ Русскомъ обществѣ ¹.

Само собою разумѣется, что принятіе Христовой Вѣры должно было измѣнить положеніе вещей въ древней Руси, измѣнить характеръ ея жизненной дѣятельности, характеръ ея представителей и героевъ. Съ этого времени, подобно тому, какъ со времени преобразованія, въ русское общество постепенно начинаютъ проникать и водворяться въ немъ новыя идеи жизни, дотогдѣ невѣдомыя, новыя понятія и представленія о ея цѣляхъ и задачахъ. И умственный, и нравственный образъ русскаго человека начинаетъ мало по малу измѣняться. Св. Вѣра смиряетъ и смягчаетъ языческіе нравы и обычаи.

¹ О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго. Вит. Шульгина. *Моск.*, 1850.

Но, естественно, что ~~вѣсть~~ съ ~~благовѣстіемъ~~ евангельскаго ученія, приносится къ намъ нашими учителями греками и ихъ литературная образованность, ихъ умственная и нравственная культура въ многочисленныхъ произведеніяхъ ихъ литературы, приносится и известный, собственно византійскій складъ понятій о многихъ предметахъ жизни, и именно тотъ складъ понятій, какой въ ту эпоху господствовалъ въ умахъ византійскаго духовенства, находившагося, въ отношеніи своей проповѣди въ исключительномъ положеніи, въ слѣдствіе особеннаго воспитанія и развитія византійскаго общества. Существенною стихіею этого склада понятій, по тойже причинѣ, было всестороннее и безпощадное отрицаніе тлѣннаго или собственно растлѣннаго византійскаго міра, со всѣми его жизненными формами и обольщеніями, во многомъ напоминавшими еще языческую жизнь античной цивилизаціи, а еще болѣе жизнь растлѣннаго востока. То, что было такъ необходимо всѣми силами поднять противъ этого, дѣйствительно, въ полномъ составѣ растлѣннаго міра, это самое было поднято и противъ нашей, хотя тоже языческой, но ничѣмъ не цивилизованной, совсѣмъ дѣвственной, простодушной и непосредственной природы. Суровая, грубая, но чистая и прямая, эта природа вовсе не способна была даже и понять тѣхъ нравственныхъ утонченностей византійскаго развитія, какими по необходимости исполнены были литературные памятники Византіи, послужившіе для насъ и литературными образцами, и источниками образованія, источниками и умственной, и нравственной культуры. Дѣйствіе такого отношенія этой учительной литературы къ нашему обществу незамедлительно обнаружилось. Сильнѣе, чѣмъ на мужчину, литературныя учительныя идеи стали дѣйствовать на женщину, т. е. вообще на домашній, такъ сказать, сидячій бытъ народа, и тою собственно стороною, которая изображала этотъ міръ — міромъ гибели и прославляла удаленіе отъ него. Былъ ли въ самомъ дѣлѣ древній русскій житейскій міръ, выросшій въ чистой непосредственности и дѣтской наивности, настолько погибеленъ, объ этомъ учительное слово конечно не могло разсуждать; ибо оно отрицало вообще существо житейскаго міра, а слѣд. и всякую его форму, хотя бы и чисто дѣтскую, виновную только въ томъ, что она невинна. По его воззрѣнію все мірское, житейское было *поганымъ*, было ли то дѣйствительное язычество, т. е. проявленія самого языческаго вѣрованія, или это былъ простой нравъ и обычай

жизни, простые явленія и дѣйствія вообще человѣческой нравственной природы.

Такое отрицаніе конечно служило великимъ и единственнымъ благомъ для растлѣнной византійской цивилизаціи. Тамъ отрицаніе само собою выросло, какъ единый путь къ спасенію. Тамъ оно было священнымъ дѣломъ cadaго нравственнаго ума, ибо въ дѣйствительности велика была погибель тамошняго человѣчества, печально и окончившаго свою исторію. Но сила столь же цѣльнаго отрицанія на нашей непосредственной почвѣ, только что начинавшей жить, только что возродившейся для жизни и свѣта, — на такой почвѣ отрицаніе должно было произвести совсѣмъ иное дѣйствіе.

Отрицаніе житейскаго міра выразило свои идеалы главнымъ образомъ въ аскетизмѣ. Въ томъ обществѣ на самомъ дѣлѣ иного пути для спасенія и не было. Въ томъ обществѣ потребенъ былъ аскетизмъ беспощадный и всесторонній. Онъ необходимъ былъ для ума, исполненнаго всевозможныхъ философскихъ вѣтровъ, всевозможныхъ оттѣнковъ ереси, ума, совсѣмъ заблудившагося въ софистическихъ извитіяхъ мысли, погибавшаго въ темной области совопрошеній и словопреній. Онъ еще необходимъ былъ для нрава, исполненнаго самыхъ разнообразныхъ восточныхъ пороковъ. копившихся цѣлое тысячелѣтіе, пороковъ непомерной роскоши, непомернаго пресыщенія, непомерной праздности, непомернаго униженія человѣческаго достоинства во всѣхъ видахъ и образахъ. Ясно, что только аскетическій идеалъ могъ хотя сколько нибудь обуздывать эти погибельныя стихіи общественнаго разложенія. Ясно, что только монашескій идеалъ и могъ стать исключительнымъ идеаломъ высоко-нравственной жизни. Но аскетизмъ, идя послѣдовательно, приводилъ къ отрицанію и такихъ силъ жизни, безъ которыхъ невозможно самое существованіе человѣческаго общества. Отрицая нескончаемые пороки ума, онъ отвергъ самую науку. И вотъ духъ этого отверженія вносится и къ намъ, въ молодое общество, умъ котораго не только не былъ зараженъ пороками празднаго и сварливаго умствованія, но обрѣтался еще въ полномъ дѣтствѣ и именно науки-то и требовалъ для своего здороваго развитія. Тоже должно сказать и о нравѣ. Не испорченность нрава, или старческій его развратъ, а напротивъ его младенческое развитіе ставило въ этомъ отношеніи наше общество какъ бы въ параллель съ византійскимъ и давало легкую

и полную возможность отрицать его формы и порядки. Тамъ старость, дожившая до дѣтства, и потерявшая знаніе и сознаніе истинныхъ началъ жизни; здѣсь, настоящее дѣтство, еще не выросшее до пониманія этихъ началъ. Видимая форма той и другой стороны, конечно, заключалась въ крайнемъ рабствѣ и неподвижности ума, отчего безобразною являлась и самая жизнь общества.

Отвергая и отрицая наши младенческія формы жизни, аскетизмъ вмѣстѣ съ тѣмъ и здѣсь отвергъ цѣлую область эстетическихъ силъ народа, народную поэзію въ полномъ ея составѣ, не принеся въ замѣнъ того никакихъ общечеловѣческихъ началъ для эстетическаго воспитанія народныхъ нравовъ, безъ котораго всегда черствѣютъ, грубѣютъ и развращаются эти нравы, что осязательнѣе всего доказала между прочимъ и наша исторія.

Въ Византіи особенное вниманіе нравственныхъ умовъ обращало на себя поведеніе женщины; ея публичная роль, которую она легко себѣ присвоивала въ обществѣ, преданномъ сластолюбію и роскоши; ея, можно сказать, господство надъ этимъ обществомъ, чего, конечно, никакъ не могли выносить аскетическіе и особенно восточные умы. Въ самомъ дѣлѣ, византійская женщина прославляла себя даже на императорскомъ престолѣ такими дѣлами и дѣяніями, которыя требовали самаго безпощаднаго, суроваго осужденія. Поэтому въ литературѣ она становится предметомъ самыхъ жестокихъ и сильныхъ обличеній, рисовавшихъ ее пластически во всѣхъ чертахъ ея грѣховной жизни. Вырастаетъ образъ *злой*, вообще грѣховной, *жены*, типъ всякаго нравственнаго безобразія, или вѣрнѣе типъ аскетическаго омерзенія вообще къ женскому существу, какъ къ существу великаго, неисчерпаемаго соблазна для аскетической мысли. Могло ли и явиться что либо другое въ эпоху, когда аскетическая идея, вызванная и выращенная полнымъ растлѣніемъ общества, господствовала не только во всѣхъ нравственныхъ умахъ, но и въ самомъ вѣроученіи, выражалась въ каждомъ литературномъ памятникѣ, была, какъ мы сказали, единымъ путемъ спасенія въ виду общей гибели, и единою исходною точкою сознанія о нравственномъ совершенствѣ чловѣка.

Основная идея, въ которой главнымъ образомъ таилось начало всякихъ обвиненій, обличеній, даже поношеній женской личности въ образѣ *злой жены*, а вмѣстѣ съ тѣмъ таился и аске-

тическій страхъ вообще предъ женскимъ существомъ, а стало быть и аскетическая неугасимая вражда противъ него, — основная идея всего этого заключалась въ убѣжденіи, что „отъ жены начало грѣху и тою всѣ умираемъ“. Словомъ сказать, и по библейскому, и по аскетическому воззрѣнію женская личность сама по себѣ уже являла образъ соблазнительнаго грѣха, отъ котораго надо было бѣжать, неоглядываясь, какъ отъ Содома и Гомора. Вотъ причина, почему въ ученіи, обращенномъ къ ея лицу, мы находимъ самое широкое отрицаніе всего того, въ чемъ сколько нибудь выражалась эта, по мнѣнію вѣка, обольстительная грѣховность.

Красота лица, вмѣстѣ съ красотою наряда, не говори уже о кокетствѣ, которое называется вообще *лукавствомъ* и нисколько не различается отъ настоящаго лукавства, являлись для аскетическихъ умовъ самыми вопіющими предметами соблазна и грѣха и преслѣдовались съ ожесточеніемъ, свойственнымъ одному только аскетизму.

Такія-то идеи, которыми пропитана была литература Византии, переносятся вмѣстѣ съ грамотностью и на нашу литературную почву и воспитываютъ умъ и нравъ нашего младенчествующаго общества. Поправляя и передѣлывая по этимъ идеямъ наши нравы, очищая ихъ отъ мнимыхъ грѣховъ непосредственнаго язычества, византійская литература переноситъ къ намъ, въ наши дѣтскіе умы и дѣйствительные, чисто византійскіе грѣхи, безчисленные грѣхи всяческаго суевѣрія и суесвятства, которые съ теченіемъ вѣковъ разрастаются у насъ въ тучную ниву и производятъ неисчислимыя плоды, выражаются во многихъ жизненныхъ типахъ.

Принесенныя къ намъ литературныя, аскетическія и вообще восточныя, азіатскія представленія, совсѣмъ чуждыя, ни мало ни свойственныя нашей сѣверной природѣ, и физической, и нравственной, въ духѣ своемъ клонились и стремились къ тому, чтобы поставить женскую личность въ самое невидное мѣсто общественной организаціи, чтобы вовсе отдалить ее изъ общества, какъ великую помѣху для нравственныхъ дѣлъ и дѣяній мужнины, какъ воплощенную человеческую слабость и шатость права. Если духъ этихъ представленій не въ силахъ былъ совсѣмъ покорить своимъ цѣлямъ византійскую женщину, то ему, по многимъ причинамъ, очень легко было покорить себѣ умы и нравы нашей русской женщины. Его авторитетъ являл-

ся въ такой одеждѣ, которую простые, непосредственные умы и нравы, жаждавшіе вѣры, жаждавшіе свѣта и истины, должны были принять благоговѣнно. Восточная идея о великомъ неравенствѣ существа женскаго съ существомъ мужскимъ, о великомъ превосходствѣ мужскаго существа предъ женскимъ, осязательнѣе всего чувствовалась, напр., въ физиологическомъ фактѣ, что для женщины наставали въ извѣстное время дни очищенія. Эти-то дни и послужили быть можетъ началомъ для всѣхъ „восточныхъ“ представленій о существѣ женской личности. Эти дни становятся для женщины днями изгнанія.... Въ эти дни она является существомъ нечистымъ, поганымъ.... и въ представленіяхъ книжныхъ умниковъ вѣка возбуждаетъ вопросъ: а что если случится, платью женскій въ одежду вшиты попу, можетъ ли онъ въ той одеждѣ служить? ¹ Вопросъ, конечно разрѣшается увѣреніемъ, что жена не погана; но тѣмъ не менѣе, простая, неизхитренная различными ученіями, мысль не можетъ отойти отъ убѣжденія, что всетаки въ женскомъ существѣ есть нѣчто поганое, ибо святость иначе свѣтлость, чистота всетаки воспрещаетъ ей многія дѣйствія, которыя открыты для мужскаго существа, воспрещаетъ ей, когда она бываетъ *скверна*, даже въ церковь лѣзти. Простой непосредственный умъ, не завитый въ книжныя утонченности, не можетъ иначе понять этого дѣла. Природная и потому всегда вѣрная послѣдовательность его соображеній, не можетъ вмѣстѣ въ себя тѣ вопіющія противорѣчія, какими всегда такъ богата книжная изворотливость. Непосредственный умъ опираетъ свои соображенія на самое дѣло, по которому и создаетъ свои убѣжденія и вѣрованія. Хитрое сплетеніе словъ для него мудрость недовѣдомая. Дѣло говоритъ ясно, что женское существо бываетъ погано и потому отвергается отъ общенія съ тѣмъ, что пребываетъ чистымъ и свѣтлымъ — святымъ ². Какъ же послѣ того умнику-мужчинѣ не возымѣтъ понятія, высокаго о себѣ и низменнаго о женщинѣ.

Уже однихъ представленій о чистотѣ было достаточно, чтобы отдалить женскую личность отъ общенія съ свѣтомъ, т. е. съ

¹ Вопросы Кирриа.

² Въ которыхъ храмъ (комнату) мати дѣти родить, недостойнѣ влзати въ него по три дня; потомъ помыють всюду и молитву сотворять, которую творять надъ освященными сосудомъ, и такъ влзати. (Вопросы Кирриа).

обществомъ, отвергнуть въ ней смыслъ лица самостоятельнаго, полноправнаго, для жизни общественной.

Духъ восточныхъ представленій отдѣляетъ ей въ храмѣ на общественномъ богослуженіи особое мѣсто, *омуюю*. Тамъ она становится на лѣвой сторонѣ, иногда едва допускается только въ притворъ или на полати — хоры; скрывается отъ чистыхъ глазъ за занавѣсами. „Женскій убо полъ, стояху (въ Царь-градѣ, въ церкви Св. Софіи) на полатахъ за шидяными запонами и *лицъ ихъ и украшенія прелестнаго и жертвеннаго* никому же отъ народа видѣти....“

Женица пріобщается св. Таинъ не изъ царскихъ а „изъ другихъ дверей, что противу жертвенника“ (Акты Ист. I, 18) съ той лѣвой стороны, гдѣ опредѣлено ей стоять. Невѣстою при вѣчаніи она получаетъ перстень желѣзный, въ то время, какъ жениху подають золотой. Женою, она должна покрыть свои волосы и до гроба носить этотъ покровъ. Даже случайно открытые волосы являли грѣхъ и срамъ неизобразимый. Народная культура обозначила свое пониманіе такого срама до сихъ поръ еще живущимъ выраженіемъ: *опростоволоситься*.

Вдовою она должна носить платье *смирныхъ, вдовыхъ* цвѣтовъ, т. е. темныхъ, траурныхъ, ибо „вдовья бѣда (доля) горчѣ всѣхъ людей“. Она на всю жизнь печальная сирота. Самыя матеріи, употребляемыя на одежду, получали наименованіе вдовьихъ, такъ напр. въ XVII ст. были въ продажѣ *тафты вдовьи*.

„Пытайте ученъя, которое говоритъ: женѣ не велю учить, ни владѣти мужемъ, но быти въ молчаніи и въ покореніи мужу своему. Адамъ прежде созданъ бысть, потомъ Ева сотворена, и Господь рече: азъ ты бехъ сотворилъ равно владычествовати съ мужемъ, но ты не умѣ(ла) равно господствовать, буди обладаема мужемъ, работающи ему въ послушаніи и въ покореніи вси дни живота твоего.... Да будутъ жены *домодержецы*.... да покоряются во всемъ своимъ мужемъ, и мужи да любятъ жены своя, и жены да послушаютъ во всемъ мужей своихъ, яко рабъ господина. Рабъ бо разрѣшится отъ работы отъ господскіи, а женѣ нѣтъ разрѣшенія отъ мужа, но егда мужъ ея умретъ, тогда свободна есть законнаго посягнути.... Глава есть мужеви Христосъ, — женѣ глава — мужъ. Нѣсть сотворенъ мужъ жены дѣля, но жена мужа дѣля, того дѣля имати власть мужъ надъ женою, а не жена надъ мужемъ. Не мози, сыну, возвести главы женскія выше мужни, али то Христу наругаешися.

Того ради не подобаетъ жены звать *госпожею*, но и лѣпо женѣ мужа звать господиномъ; да имя не хулится въ васъ, но и паче славится. Кій властель подъ собою суща зоветъ господою, или кій господинъ зоветъ раба господиномъ, или кія госпожа зоветъ раба господиномъ, или кія госпожа зоветъ рабу госпожею? Не прельщайтесь во свѣтъ семъ: имамъ бо великого свѣтилника Христа Бога нашего, главу надъ всѣми главами. Да не срамлянисте же мужскія главы, ои то Христа срамѣлъ есть. Рече: егда на земли ходихъ, плоть нося, тогда кто укорилъ мя или что хульно или крестное дерзновеніе, то тому прощу я; а иже нынѣ кто похулитъ, ли укоритъ, то и не прощенъ будетъ, ни въ сій вѣкъ, ни въ будущій“¹.

Въ этомъ текстѣ заключается вся философія восточныхъ воззрѣній на женскую личность вообще.

Само собою разумѣется, что вліяніе византійской культуры должно было подѣйствовать на самое устройство брака и мы видимъ, что, вмѣсто туземнаго языческаго брака, по обоюдному согласію, „съ нею же кто сѣвѣщевашеся“, возникаетъ, какъ положительный выводъ восточныхъ воззрѣній на женщину, бракъ малолѣтнихъ: являются *десятилѣтніе* мужья (Святославъ Игоревичъ въ 1181 г.) и *восмилѣтнія* жены (Верхуслава, дочь Суздальскаго Всеволода, отданная за четырнадцатилѣтняго Ростислава, въ 1187 г.). На востокъ и въ Византію совершеннолѣтіе для брачующихся полагалось для мужчинъ 14 лѣтъ (подобаетъ уношамъ въ *науся* быти возрастомъ, 14 лѣтъ), для дѣвицъ 12 лѣтъ; но обрученіе могло совершаться и раньше. Законъ воспрещалъ однакожъ обрученіе для отроковъ *менше семи* лѣтъ возрастомъ, стало быть, бывало и то, что обручались чуть не младенцы. У насъ Верхуслава была повѣнчана восьми лѣтъ и безсомнѣнія это не былъ примѣръ единственный. Естественно, что такой бракъ становился исключительно дѣломъ родительской воли или вообще воли старшихъ родичей. Родовой духъ здѣсь долженъ былъ торжествовать. Онъ дѣйствительно въ своемъ смыслѣ и растолковалъ себѣ чуждое, нестыдливое ни климату, ни понятіямъ страны, законоположеніе о возрастѣ обрученія, установивъ его днемъ самаго брака. Изъ византійскихъ законоположеній о бракѣ родовой духъ хорошо по-

¹ Рукописная Копія: толкъ Козмы Халкидонскаго, яко не подобаетъ женамъ госпожею звать.

имѣлъ только одно, именно то, что женская личность отдается ему по закону въ полную опеку, какъ личность малолѣтняя. Съ этою идеею свою опеку надъ женщиною онъ передавалъ всецѣло и ея мужу, который, становясь мужемъ, по понятіямъ вѣка, становился уже и возрастнымъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи жены, не смотря на то, что ему самому было только 10—14 лѣтъ. Родовой духъ, воспользовавшись ученіемъ закона, обошелъ мимо различныя ограниченія родовой власти, существовавшія въ томъ же законѣ, и въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ разсматривалъ бракъ, какъ такое дѣло, которое никакъ не могло быть совершено безъ воли и опеки старшихъ, распространяя понятіе о дѣтствѣ молодыхъ и на всякаго въ дѣйствительности уже возрастнаго и потому *самовластнаго* распоряжаться собою, чего не отрицалъ и византійскій законъ. Непосредственность родовыхъ понятій освятилась такимъ образомъ писаннымъ и уже по этому одному только освященнымъ правиломъ — закономъ, и получила еще большую силу для своихъ дѣйствій и вліяній. Отсюда, изъ этого новаго жизненнаго положенія, сама собою выросла цѣлая группа новыхъ отношеній, совершенно измѣнившихъ судьбу женской личности. Она, какъ ребенокъ становится предметомъ самыхъ неустанныхъ заботъ, которыя естественнымъ образомъ и приводятъ ее въ *теремъ*, какъ въ такое мѣсто, гдѣ береженіе неразумнаго дитяти вѣрнѣе и полнѣе достигаетъ своихъ цѣлей.

Съ какого именно времени вообще жены знатныхъ и богатыхъ людей стали скрываться въ удаленныхъ отъ людскаго глаза хоромахъ, съ какого именно времени является въ русской жизни этотъ *теремъ*, и какъ особая постройка, и какъ особая жизненная идея, сказать опредѣлительно мы не можемъ. По всему вѣроятію это началось съ перваго же вѣка по водвореніи въ нашей землѣ византійскихъ понятій и византійскихъ обычаевъ. Если бы теремъ, и не былъ принесенъ къ намъ прямо византійскими руками, какъ особая форма жизни, вмѣстѣ съ какою либо формою постройки, одежды, головного убора, и т. п., то во всякомъ случаѣ онъ самъ собою родился бы въ нашемъ обществѣ по той простой причинѣ, что была принесена изъ Византіи и водворена въ нашей землѣ его идея. Всякая идея неизмѣнно и неминуемо рождаетъ свой плодъ, создастъ себѣ свою форму. Теремъ, по крайней мѣрѣ въ русской землѣ, былъ плодомъ постнической идеи, дѣйствіе которой, и въ

довольно сильныхъ чертахъ, обнаруживается въ нашемъ древнемъ обществѣ очень рано. Монашескій идеалъ въ княжескомъ родѣ является господствующимъ уже при внукахъ Св. Владимира и первыми его подвижниками являются дѣвицы, дочери Всеволода и сестры Мономаха, Янка (Анна) и Евпраксія. Янка, *двоею суми*, постригается, собираетъ черноризицъ и пребываетъ съ ними по монастырскому чину, въ монастырь, который, безъ сомнѣнія, для нея же и устроенъ былъ ея отцомъ въ 1036 г. Черезъ три года, когда въ Кіевѣ умеръ митрополитъ, „иде Янка въ греки и приведе митрополита Іоана скопчину; его же видѣвше людье, вси рекоша: это мертвецъ пришелъ“. Идеалъ княжны нашелъ себѣ живое олицетвореніе. Черезъ годъ Іоаннъ померъ. Лѣтописецъ говоритъ, что былъ сей мужъ не книженъ, но умомъ простъ и просторѣкъ“¹.

Янка такимъ образомъ подаетъ благочестивый образецъ постничества и иночества для княжескихъ дочерей, указываетъ имъ путь подвижничества, самостоятельный и независимый отъ мірской жизни. За нею скоро слѣдуетъ ея сестра, Евпраксія, которая постригается въ Печерскомъ монастырь.

Въ послѣдующихъ поколѣніяхъ идеалы дѣвства и иночества распространяются въ женскомъ быту все больше и больше. Не смотря на то, что знаменитый братъ этихъ первыхъ инокинь-княженъ, Владимиръ Мономахъ, пишетъ своимъ дѣтямъ: не монашество спасетъ васъ, а добрыя дѣла, — его дочь Марица все-таки уходитъ въ монастырь (1146 г.). Къ этому же почти времени, немного поздиѣ, принадлежитъ и замѣчательное подвижничество Евфросиніи Полоцкой, которая устроила также монастырь и постригла двухъ своихъ сестеръ, родную Гориславу и двоюродную Звениславу, и двухъ племянницъ. Вообще съ XI вѣка „иноческій образъ“ становится высшею цѣлью жизни не только для женщинъ, княгинь и княженъ, которыя въ немъ одномъ находятъ себѣ настоящій путь жизни, но и для мужчинъ — князей, которымъ само духовенство толковало, что Богъ имъ велѣлъ *такъ* быть, правду дѣлать на этомъ свѣтѣ, въ правду судъ судить, т. е. оставаться князьями, ибо и безъ того велика и священна ихъ обязанность предъ Богомъ; и которые однакожъ всѣми силами стремились избавиться отъ суетнаго, мимо-

¹ П. С. Р. Л. I, 82, 89.

текущаго и мятежнаго житія сего ¹, и постригались въ монахи и даже принимали скиту, покрайней мѣрѣ на склонѣ дней или же предъ самою смертію. Чтоже касается княгинь, то напр., въ одномъ московскомъ княжескомъ колѣнѣ, мы встрѣчаемъ изъ нихъ цѣлый рядъ инокинь, заслужившихъ даже соборной памяти: Ульяна, супруга Калиты; Александра — Марья, супруга Семена Ив.; Евдокія, супруга Донскаго; Софья, супруга Василія Дм.; Марья, супруга Темнаго ². Тоже находимъ и въ другихъ великокняжескихъ родахъ, Суздальскихъ, Тверскихъ, Рязанскихъ и т. д.

Какъ Анна Всеволодовна являлась образцомъ для южныхъ княгинь, такъ Марья, супруга Суздальскаго Всеволода Юрьевича, стала идеаломъ постнической жизни для княгинь сѣверной Руси. Она постриглась въ 1256 г., по случаю восьмилѣтней, вѣроятно неизлечимой болѣзни, еще при жизни мужа. Со многими слезами провожали ее въ монастырь самъ князь, сынъ и дочь, епископъ, игуменъ — отецъ ея духовной и другія игуменьи, и всѣ чернецы, и всѣ бояре и боярыни, и черницы изъ всѣхъ монастырей, и всѣ горожане. Не можно было видѣть общей скорби, замѣчаетъ лѣтописецъ, потому что до всѣхъ была добра „преизлѣха“. Съ дѣтства въ страхъ Божию любила правду, воздавая честь епископамъ, игуменамъ, чернецамъ, пресвитерамъ; „любяше черноризецъ и подаваше требованіе имъ“. Была нищелюбца, страннолюбца, печальныхъ, скорбныхъ и больныхъ всѣхъ утѣшала и подавала имъ „требованіе“ ³. Своею добродѣтельною жизнью княгиня надолго оставила по себѣ святую память. Позднѣйшій лѣтописецъ, описывая благочестивыя подвиги Евдокіи Донской, говоритъ между прочимъ: „постави на Москвѣ церковь камену зѣло чудну (Вознесенскій монастырь) и украси ю съсуды златыи и серебрянными.... и сотворила паче всѣхъ княгинь великихъ, развѣ точью Марья княгини Всеволода, иже въ Володимірь....“

Лѣтописцы ни о какихъ другихъ женскихъ подвигахъ и не рассказываютъ, какъ о постриженіи, о построеніи монастырей и церквей, потому что въ ихъ глазахъ эти-то подвиги одни только и заслуживали и памяти, и подражанія.

¹ Исторія Рус. Церкви Е. Р. Ф. I, 238.

² Визлосе VI, 443 и дал.

³ П. С. Р. Л. I, 178.

Съ особенною приверженностію устремлялось къ иноческому идеалу честное вдовство, такъ что изъ вдовъ — княгинь и особенно бездѣтныхъ, почти каждая оканчивала свою жизнь инокинею, а часто и схимницею. Это становилось какъ бы закономъ для устройства вдовой жизни. „А княгини моя, говоритъ Володимерь Васильковичъ Галицкій, по моемъ животѣ, оже восхочеть въ черницѣ пойти поидетъ; аже не восхочеть ити, а како ей любо, мнѣ не воставши смотреть, что кто иметь чинити по моемъ животѣ“¹. Здѣсь князь вначалѣ указываетъ честному вдовству обыкновенный путь; но затѣмъ освобождаетъ княгиню, отдаетъ ей на свою волю идти и не идти въ монастырь, замѣчая, что не смотрѣть же ему, какъ будутъ жить послѣ его смерти. Еслибы вдова-княгиня была, по мнѣнію вѣка, совершенно свободна въ дѣйствіяхъ, то князь не сталъ бы и говорить о томъ, какъ ей нужно жить во вдовахъ.

Въ лѣтописяхъ читаемъ слѣдующее, вполне типическое сказаніе о такомъ обычномъ подвигѣ честнаго вдовства: въ 1365 г. „преставися князь (Нижегородскій) Андрей Константиновичъ въ чернцѣхъ и въ схимѣ“, которую принялъ въ несомнѣнной чести кончины. „Княгиня же Василиса много плакаше по князи своемъ; пребысть вдовою 4 лѣта; пострижена бысть отъ Діонисія архимандрита печерскаго и наречено бысть имя ей Теодора. — Бысть ей тогда отъ рожденія лѣтъ 40, и раздавала все имѣніе свое церквамъ и монастырямъ и нищимъ, а слугы своя и рабы и рабыни распустила на свободу, а сама нача жити въ монастырѣ у св. Зачатія, иже сама создала при князи своемъ; живище же въ молчаніи, тружаяся руководльемъ, постомъ, поклоны твоя, молитвами и слезами, стояніемъ нощнымъ и не спаніемъ; многожды и всю нощь безъ сна пребываше; овогда чрезъ день, овогда чрезъ два, иногда же и пять дней не ядаше; въ мовню не хожаше, въ срачицѣ не хожаше, но власяницу на тѣлѣ своемъ ношаше; пива и меду не пьаше, на пирѣхъ и на свадьбахъ не бываше, изъ монастыря не исхожаше, злобы ни на кого же не держаше, ко всѣмъ любовь имѣаше. Таковое же доброе и чистое житіе ея видѣвше, многи боярыни, жены и вдовицы и дѣвицы постригашася у ней, яко бысть ихъ числомъ и до девяносто, и вси общее житіе живяху.

¹ П. С. Р. Л. 2, 215.

Княгиня же Василиса, поживши въ черницахъ восемь лѣтъ и поболѣвши нѣколико днѣй, преставися ко Господу“¹.

Мы увидимъ ниже, что тотъ же идеалъ жизни, буква въ букву, воплощался въ благочестивомъ вдовствѣ и въ концѣ XVII ст.

Само собою разумѣется, что онъ господствовалъ и въ частномъ не княжескомъ быту, особенно въ знатномъ и боярскомъ, который всегда пользовался матеріальною возможностью осуществлять постническую жизнь въ полной мѣрѣ. Московскій лѣтописецъ записалъ между прочимъ, что въ 1393 г. „преставися игуменья Алексіевская (Алексѣевского монастыря) Ульяна, отъ града Ярославля, дщи нѣкоего богата родителя и славна; сама же зѣло богобоязлива, чернечествовавши лѣтъ болѣ 30 и игуменья бывши 90 черницами, и общему житію женскому начальница сущи, и многимъ дѣвицамъ учительница бывши, и за премногую добродѣтель любима бысть отъ всѣхъ и почтена всюду....“²

Такъ высокъ и силенъ былъ идеалъ иночества и постничества въ нравственной жизни нашего древняго общества. Весьма естественно, что онъ, какъ идеалъ лучшей жизни, вносилъ свои стремленія, а съ ними и свои порядки и въ обыкновенную повседневную мірскую жизнь, устраивалъ эту жизнь по своимъ образцамъ и правиламъ.

Женская среда, какъ среда исключительно домашняя, еще сильнѣе должна была подчиняться уставамъ этого идеала. Женщина была *домодержецъ*; дѣятельность ея исключительно распространялась на устройство дома, даже ограничивалась только этимъ устройствомъ. Воплощая наилучшій идеалъ жизни въ дѣлахъ и отношеніяхъ дома, она, съ теченіемъ времени, мало по малу, незамѣтнымъ образомъ, одною лишь нравственною стихіею этого идеала, должна была изъ своего дома создать монастырь или нѣчто такое, что по своимъ нравственнымъ уставамъ очень напоминало чинъ жизни монастырской. Если древнѣйшій домострой, обращаясь къ мужчине — главѣ дома, указывалъ ему идеалъ игумена, говоря: вы есте игумени во своихъ домахъ; то здѣсь, вмѣстѣ съ указаніемъ домовнаго идеала, опредѣлялся только идеалъ повелѣвающей власти. Воплощеніе же этого идеала въ самой дѣйствительности, во всѣхъ его нрав-

¹ Карамз. V, пр. 4.

² Карамз. V, пр. 254.

ственныхъ и формальныхъ подробностяхъ всетаки главнымъ образомъ лежало на женщинѣ; ея мыслию, ея душею онъ приводился въ дѣло, ея постоянною заботою онъ неизмѣнно поддерживался. Мы, разумѣется, говоримъ здѣсь о женщинѣ не въ единичномъ какомъ либо смыслѣ, а говоримъ вообще о женской нравственной многовѣковой дѣятельности. Мы хотимъ сказать, что монастырскій устрій домашней жизни выработанъ многовѣковою нравственною дѣятельностью женской личности, конечно, при постоянномъ и непрестанномъ воздѣйствіи поученія, которое проповѣдовалъ исключительно только мужчина.

Что устройство домашней жизни, по крайней мѣрѣ въ достаточномъ, т. е. господарскомъ быту, имѣло дѣйствительно своимъ высшимъ идеаломъ устройство монастырское, это въ полной мѣрѣ подтверждаетъ Домострой XVI вѣка, записавшій лишь то, что искони существовало или искони должно было существовать, какъ наилучшій порядокъ и образецъ частной жизни.

По уставу Домостроя (глава XII), „по вся дни утре, вставъ, Богу молитися, и отпѣти заутрення и часы, а въ недѣлю (воскресенье) и въ праздникъ — молебень.... и святымъ каждение. Въ вечеръ — отпѣти вечерня, павечерница, полунощница, съ молчаніемъ и со вниманіемъ и съ кроткостояніемъ, и съ молитвою и съ поклоны. Пѣти внятно и единогласно. (Павечерница, и полунощница, и часы, въ дому своемъ всегда, по вся дни пѣти: то всякому христіанину Божій долгъ). Послѣ *правила* (т. е. послѣ этой вечерней службы) отнюдь, ни пити, ни ѣсти, ни молвы творити, всегда — всему тому наукъ.... А ложася спать всякому христіанину по три поклона въ землю предъ Богомъ положить. А въ полунощи, всегда, тайно вставъ, со слезами прилежно къ Богу молитися, елико вмѣстимо, о своемъ согрѣшеніи....“ Въ другой главѣ, XIII, Домострой прибавляетъ: „а дома всегда павечерница и полунощница и часы пѣти; а кто прибавитъ *правила* своего ради спасенія, ино то на его воли: ино болѣ мзда отъ Бога.... Всегда четки въ рукахъ держати и молитва Іисусова во устѣхъ непрестанно имѣти, и въ церкви и дома, и въ торгъ ходя, и стоя, и сѣдя, и на всякомъ мѣстѣ“.

„Въ домовномъ обиходѣ и вездѣ, всякому челоуѣку, государю или государыни, сыну, дочери, или служкѣ, мужеска полу и женска, стару и малу — всякое дѣло начати, или ѣсти, или пити, или ѣства варити, или печи — всякое рукодѣліе и всякое мастер-

ство, — устроивъ себя, прежде святымъ поклоняться трижды въ землю, или понуждѣ до пояса; кто умѣетъ (молитву) „Достойно“ проговорити да *благословяся у настолащаю*, да молитву Іисусову проговоря, да перекрестяся, молвя: „Господи благослови, Отче“ тоже, такъ начати всякое дѣло, ино тому Божія милость поспѣшествуетъ, ангелы невидимо помогаютъ, а бѣси отбѣгнутъ.... А дѣлати съ молитвою и съ доброю бесѣдою или съ молчаніемъ; а дѣлаючи что нибудь, начнется слово праздное или хульное, или съ роптаніемъ, или смѣхи, или кошуны, или скверныя и блудныя рѣчи, или пѣсни бѣсовскія и игры — отъ такова дѣла и отъ таковыя бесѣды, Божія милость отступитъ, ангелы отидутъ скорбни и возрадуются нечестивіи демони.... (гл. XIX). Егда трапезу предпоставляеши, вначалѣ священники Отца и Сына и Святаго Духа прославляютъ, потомъ Богородицу; и Пречистой хлѣбъ вынимаютъ и, по отшествіи трапезы, Пречистымъ хлѣбъ воздвизаютъ и отпѣвъ: „Достойно“, вкушаютъ и чашу Пречистымъ пѣютъ....“ Это особый монастырскій обрядъ возношенія хлѣба въ честь Богородицы, который дѣйствительно совершался за обѣдомъ и въ царскомъ и въ боярскомъ быту. Мы не станемъ приводить новыя выписки, ибо всѣ наказы и поученія Домостроя сводятся къ одной цѣли, чтобы сдѣлать домашнюю жизнь непрерывнымъ моленіемъ, непрерывнымъ подвигомъ молчанія и отверженія отъ всякихъ мірскихъ удовольствій и веселостей, непрерывнымъ, чисто аскетическимъ отрпцаніемъ всего того, чего сама жизнь отвергнуть не въ силахъ.

Такимъ образомъ. если благочестивый домъ древней Руси, т. е. самый лучший домъ, во многомъ по своей жизни уподоблялся монастырю, то появленіе въ такомъ дому терема было простымъ, такъ сказать, естественнымъ условіемъ благочестивой жизни, по преимуществу для среды малолѣтнихъ, неразумныхъ, какими наравнѣ съ дѣтьми почитались и взрослые дѣвицы, да и вообще женщины. Словомъ сказать, появленіе терема было воплощеніемъ благочестивыхъ воззрѣній на женскую личность, какъ на соблазнъ міра, а потому онъ долженъ былъ явиться еще въ то время, когда такіа воззрѣнія достаточно уже укрѣпились въ обществѣ. Мы видѣли, что уже въ XI вѣкѣ стремленіе къ терему обнаружилась въ сестрахъ Мономахъ. Они дѣвами приняли иноческій чинъ и такимъ образомъ засвидѣтельствовали, что и передъ тѣмъ ихъ жизнь была отдана идеаламъ постничества и удаленія отъ міра.

Итакъ теремъ былъ произведеніемъ „древняго благочестія“, прямымъ и непосредственнымъ выводомъ всего нравственнаго поученія нашей древности. Само собою разумѣется, что вначалѣ, въ первые вѣка, онъ не могъ быть распространенъ въ такой силѣ, какъ это было въ XVI и XVII ст., т. е., что въ первые вѣка женщинѣ вообще было свободѣе, чѣмъ въ вѣка послѣдующіе. Но какъ велика была эта свобода, мы не знаемъ. Можемъ догадываться, что она была незначительна, и въ обществѣ женщина всетаки не имѣла своего мѣста. Въ лицѣ жены или въ лицѣ матерой вдовы она имѣла мѣсто на пиру и на свадьбѣ; на свадьбѣ имѣла свое мѣсто и дѣвица. Но вотъ и всѣ ея свободные шаги. Другихъ свободныхъ и въ собственномъ смыслѣ общественныхъ ея движеній, общественныхъ ея отношеній, мы не примѣчаемъ, и лѣтописи, какъ и другіе памятники, не сказываютъ намъ ничего такого, почему возможно было бы заключать, что женская личность пользовалась между людьми значеніемъ самостоятельнаго и независимаго члена общественной дѣятельности. Ни одного событія, ни одного женскаго подвига, въ которомъ выразился бы такой именно смыслъ женскаго лица. Исключительными и единственными женскими подвигами являются подвиги любви къ иночеству, подвиги усердной и самой ревностной набожности во всѣхъ ея видахъ. „Ни на чтоже иное упражняшеся, но токмо о церковныхъ потребахъ и о милостиваніи укоренныхъ, маломощныхъ и всѣхъ бѣдующихъ“, говоритъ лѣтописецъ о княгинѣ Аннѣ, женѣ Рюрика Кіевскаго¹. Одними только этими подвигами и украшается женская личность въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. А это показываетъ, что исключительной формою женской и особенно дѣвичьей жизни во всѣ эти вѣка былъ непремѣнно теремъ, созданный иноческимъ же идеаломъ.

Сидитъ она за тридевятью замками,
Да сидитъ она за тридевятью ключами,
Чтобы и вѣтеръ не завѣлъ, да и солнце не запекло,
Да и добры молодцы, чтобъ не завидѣли....

Сидитъ Аѳросинья въ высокомъ терему
За тридцать замками булатными;
А и буйные вѣтры не вижнутъ на ее,
А красное солнце не печетъ лице....

¹ П. С. Р. Л. II, 153.

Дочь прекрасная Опракса королевична,
Сидитъ она во теремѣ въ золотѣ верху;
На ню красное солнышко не опекеть,
Буйные вѣтрушки не овѣютъ,
Многіе люди не обгалятся.... ¹

Еще по уставу Ярослава Великаго, взятому съ византійскаго номоканона, женская личность, наравнѣ со всѣми *церковными людьми*, т. е. съ людьми, по особому смыслу своей житейской доли, выдѣленными отъ міра-общества ², отдается въ покровительство церковнаго суда, который, такимъ образомъ, является исключительнымъ, привилегированнымъ ея защитникомъ, охранителемъ и оберегателемъ ея чести, ея личнаго достоинства. Церковный судъ, какъ извѣстно, отдѣлилъ въ свою область всѣ дѣла домашней, семейной жизни, взялъ на свое попеченіе и въ свой непосредственный надзоръ *дома*, какъ особую нравственную среду со всѣми ея движеніями. Вотъ почему и женщина, какъ человекъ по преимуществу домовный, отдѣлилась отъ суда общаго, мірскаго. Не княжій, а святительскій судъ преслѣдовалъ ея оскорбителя; стало быть, не общество, а церковь подавала ей руку защиты. Какъ было прежде, мы не знаемъ; но съ того времени, какъ началъ дѣйствовать такой номоканонъ, женская личность, по самому смыслу закона, уже отстранялась отъ міра-общества, являлась членомъ не свѣтскаго, общественнаго, а домашняго только міра, который въ добавокъ усиленно и неумолимо строился по монастырскому идеалу. Таково положеніе, указанное женщиной, безъ сомнѣнія еще въ первый вѣкъ, самую церковь. Идея этого положенія и была тою нравственною и въ полномъ смыслѣ органическою силою, которая, какъ изъ зародыша, развила изъ себя всѣ послѣдствія, т. е. всѣ идеальныя и матеріальныя формы женскаго быта, со всею нравственною и даже умственною его выработкою.

¹ Былины: Кирѣевскій III, 64, 71; Рыбниковъ I, 187. — *Галитъся-глазѣтъ, смотрѣтъ; волочитьъ; также смѣяться, издѣваться*. Област. Словарь.

² Каковы были: вообще духовный и иноческій *чинъ* и всѣ, которые работали церкви; затѣмъ *общественныя сироты*, которые жили, существовали, *прислуживались*, кормились и питались церковью, т. е. вообще, люди, не имѣвшие въ міру-обществѣ самостоятельнаго значенія, не находившіе тамъ мѣста, не уходившіе отъ міра; нищіе, слѣпцы, хромцы, странники, вдовицы бездѣтныя и всякіе *изгои*, или сироты въ общественномъ смыслѣ.

Женщина постепенно удалилась от общества, и являлась въ немъ уже только въ силу нѣкоторыхъ жизненныхъ обстоятельствъ, требовавшихъ неминуемо ея присутствія или же дававшихъ ей самостоятельное вотчинное значеніе. Такъ, мы упоминали уже, что только *матеря* вдова пользовалась правомъ стоять въ извѣстныхъ случаяхъ наравнѣ съ мужчиною и занимать соотвѣтственное своему значенію мѣсто въ обществѣ. По крайней мѣрѣ, общество не смущалось присутствіемъ женщины, пріобрѣтавшей мужескія черты вслѣдствіе своего, хотя и вдовьяго, но тѣмъ не менѣе отческаго, или вѣрнѣе сказать вотчинническаго значенія. Такъ, мы встрѣчаемъ новгородку, боярыню Марѳу Борецкую, пирующую въ обществѣ мужчинъ, новгородскихъ бояръ¹. Мы видимъ также, что *матеря* вдовы — в. княгини, въ Москвѣ Евдокія, Софья; въ Твери Евдокія, Настасья, въ Рязани Анна, въ Суздаль Елена, и т. д., при малолѣтнихъ или молодыхъ сыновьяхъ получаютъ большое самостоятельное значеніе; онѣ сидятъ на *вдовьемъ столѣ*, т. е. на отчинномъ владѣннѣ своихъ мужей, слѣд. по необходимости являются дѣятелями общества, принимаютъ участіе въ мужскомъ обществѣ, сидятъ въ думѣ — совѣтѣ съ боярами, принимаютъ пословъ, имѣютъ даже *своихъ* особыхъ *бояръ*², и вообще своею личностью заступаютъ во многихъ случаяхъ мѣсто княжеской мужиной личности. Это особенно обнаруживается въ XIV и XV ст., когда

¹ Описатель житія преп. Зосимы Соловецкаго рассказываетъ, что однажды преподобный былъ позванъ на пиръ къ боярынь Марѳѣ Борецкой, которая пожелала благословиться у него, потому что прежде ссорилась съ нимъ за блѣморскія свои земли. На пиру его встрѣтили съ радостью. Боярыня съ дочерью благословила у него; «и посади его посреди пиршества». Преподобный по своему обычаю кушалъ мало и сидѣлъ молча. Взглянувъ на сидѣвшихъ бояръ, онъ изумился своему видѣнію: шесть мужей сидѣли предъ нимъ безъ головъ. Взглянулъ въ другой и въ третій разъ, — предъ нимъ тоже видѣніе. Преподобный покачалъ головою, вздохнулъ, прослезился, оставилъ пищу и поникъ на землю. Сколько ни просили его продолжать трапезу, онъ оставался недвижимъ. По окончаніи стола и «по воздвизаніи святаго пречистаго хлѣба (Богородицы)», поклонившись и получивъ многія дары въ свой монастырь, преподобный удалился. Боярыня послѣ спрашивала его ученика Данила, отчего преподобный не сталъ участвовать въ пиршествѣ. Ученикъ рассказалъ ей о страшномъ видѣніи. Оно потомъ подтвердилось и событіемъ. В. К. Иванъ Вас., взявши Новгородъ, казнилъ Дмитрія Исакова (Борецкаго), Губу Селезнева, Кипріяна Арзубьева и иныхъ трехъ, именно тѣхъ самыхъ бояръ, о которыхъ было видѣніе преподобному Зосимѣ.

² Напр. мать тверскихъ князей Евдокія. — Лѣт. Никон. IV, 297.

вотчинное начало въ княжескомъ быту совсѣмъ окрѣпло и всюду распространилось.

Нельзя, конечно, отвергать предположенія, что самостоятельность матерой вдовы, своими общественными отношеніями, могла бы современемъ выработать для женской личности покрайней мѣрѣ извѣстную долю свободныхъ дѣйствій и вообще открыть двери терема. Но мы знаемъ, что княжеская вотчинность повела къ развитію самовласти, а потомъ самодержавія и единодержавія. Въ борьбѣ за самовластіе, самъ мужчина принужденъ былъ держать себя съ осторожкою. Что же оставалось для женщины?

Ея затворничество становится уже рѣшительною необходимостью, какъ наилучшая мѣра безопасности отъ всякаго лиха. Она мало по малу лишается даже и той малой доли свободныхъ дѣйствій, какою обладала прежде.

Въ XV вѣкѣ в. княгиня еще принимаетъ къ себѣ иноземныхъ пословъ. Въ 1490 г. вел. кн. Софья Палеологъ въ своей средней повалушѣ принимаетъ цесарскаго посла Юрьи Делатора. Этотъ случай можно было бы объяснить тѣмъ, что Софья сама была иноземка и потому не измѣняла своимъ обычаямъ. Но мы знаемъ, что такой обычай существовалъ и у нашихъ княгинь. Въ 1483 г. в. к. Иванъ Васильевичъ женилъ своего сына Ивана на Еленѣ Волошанкѣ и по этому случаю послалъ къ Тверскому в. к. Михаилу Борисовичу посла Петра Заболотскаго съ радостью, т. е. съ свадебными дарами: Михаилу мѣхъ вина, его матери, матерой вдовѣ, Настасѣ Александровнѣ мѣхъ вина; его женѣ, Софѣ мѣхъ вина и по два убрусца жемчугомъ сажены. Хотя въ лѣтописи и не говорится, что посолъ подносилъ дары в. княгинѣмъ лично; но это разумѣлось само собою. Вслѣдъ затѣмъ, тотъ же лѣтописецъ рассказываетъ, что, когда у новобрачныхъ супруговъ родился сынъ Дмитрій, в. князь опять послалъ въ Тверь *съ поклономъ* Владиміра Елизарьева, но тверской князь не принялъ поклона и выслалъ его вонъ изъ избы, и „къ матери ему идти не велѣлъ, къ в. княгинѣ Настасѣ“, слѣд. посолъ долженъ былъ къ ней идти, какъ велось въ обычай. Въ 1502 г. в. князь посылалъ къ Аграфенѣ княгинѣ рязанской поклонъ и слова, которыя посолъ по необходимости долженъ былъ передавать лично ¹.

¹ Тверская Лѣтопись, стр. 499. Карамз. V, пр. 563.

Такия посольства къ в. княгинямъ, особенно къ матерымъ вдовамъ, были обыкновеннымъ и даже неизбѣжнымъ дѣломъ въ княжескихъ отношеніяхъ до XVI в. Вотчинная независимость ставила въ независимое, самостоятельное положеніе и женскую личность. Ибо одна только вотчина, вообще собственность, и всякому лицу давала смыслъ самостоятельнаго члена въ общественномъ союзѣ. Но какъ скоро это положеніе, всетаки, случайное для женщины, сдѣлалось уже невозможнымъ при утвержденіи единодержавія и соединеніи всѣхъ отдѣльныхъ княжескихъ вотчинъ въ одно государство, то въ княжескомъ быту женщина осталась снова въ своемъ терему.

Развитіе ея общественныхъ правъ прекратилось, а домашняя жизнь стала еще тѣснѣе по причинамъ, которыя указаны нами выше. Теремъ сдѣлался не только монастыремъ, но и крѣпостью, которая защищала уже не отъ однихъ грѣховъ, но и отъ всякихъ лиходѣевъ и враговъ. Въ началѣ XVI вѣка затворничество женщинъ было дѣломъ окончательно уже рѣшеннымъ и не подлежащимъ никакому сомнѣнію и колебанію. Такъ напр., мы видимъ, что извѣстный Домострой, хотя и не даетъ строгихъ наставленій держать женъ и дочерей взаперти, но его молчаніе показываетъ, что этотъ обычай былъ такъ силенъ въ господарскомъ кругу, что не требовалъ уже особыхъ наставленій. Домострой и не предполагаетъ, чтобы жены, не говоря уже о дочеряхъ, могли ходить въ мужскія бесѣды. Онъ застаётъ жизнь терема ужъ въ полномъ цвѣтѣ. Онъ даетъ только совѣты женѣ, какъ вести себя въ гостяхъ, у другихъ женъ, какъ вести себя съ гостями дома, причемъ строго наказываетъ, „коли юстыи случатся, то питіе и ѣству и всякій обиходъ, приносить (въ комнату) одинъ человекъ *сверстной*, кому приказано; а *мужески* *мол* тутю, и рано и поздно, отнюдь, *никакоже, ни какими дѣлами, не былъ бы*, кромѣ того, кому приказано, *сверстному человеку*, что принести или о чемъ спроситься, или о чемъ ему приказать, и всего на немъ пытать: и безчинія и невѣжества; а иному никому тутю дѣла нѣтъ“.

„Состояніе женщинъ говоритъ Герберштейнъ (еще въ началѣ XVI вѣка) самое плачевное: женщина считается честною тогда только, когда живетъ дома взаперти и нигде не выходитъ; напротивъ, если она позволяетъ видѣть себя чужимъ и постороннимъ людямъ, то ея поведеніе становится зазорнымъ.... Весьма рѣдко позволяется имъ ходить въ храмъ, а еще рѣже

въ дружескія бесѣды, развѣ уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, когда онѣ не могутъ навлекать на себя подозрѣнія“.

Такою свободою, какъ мы видѣли, пользовались однѣ только *матери вдовы*. Въ отношеніи дружескихъ бесѣдъ, Домострой между прочимъ замѣчаетъ: а въ гости ходити, и къ себѣ звати: ссылатца съ кѣмъ *велитъ мужъ*.... По свидѣтельству Бухау, въ половинѣ XVI в., знатные люди не показывали своихъ женъ и дочерей не только постороннимъ людямъ, но даже братьямъ и другимъ близкимъ родственникамъ и въ церковь позволяли имъ выходить только во время говѣнья, чтобы приобщиться св. таинъ или иногда въ самые большіе праздники.

Только самыя дружелюбныя отношенія хозяина дома къ своимъ гостямъ растворяли иногда женскій теремъ и вызывали отсюда на показъ мужскому обществу его сокровище — хозяйку дома. Существовалъ обычай, по которому личность женщины и именно жены хозяина, а также жены его сына или замужней дочери, чествовалась съ какимъ то особымъ, точно языческимъ поклоненіемъ.

Этотъ обычай, по свидѣтельству Котошихина, заключался въ томъ, что, когда на праздникъ или въ другое время собирались гости и начинался обѣдъ или честной пиръ, хозяинъ дома приказывалъ женѣ выйти поздороваться съ гостями. Она приходила въ столовую комнату и становилась въ большомъ мѣстѣ, т. е. въ переднемъ углу; а гости стояли у дверей. Хозяйка кланялась гостямъ *малымъ обычаемъ*, т. е. до пояса, а гости ей кланялись *большимъ обычаемъ*, т. е. въ землю. Затѣмъ господинъ дома кланялся гостямъ *большимъ же обычаемъ*, въ землю, съ просьбою, чтобъ гости изволили его жену цѣловать. Гости просили хозяина, чтобъ напередъ онъ цѣловалъ свою жену. Тотъ уступалъ просьбѣ и цѣловалъ первый свою хозяйку; за нимъ всѣ гости, одинъ за другимъ, кланялись хозяйкѣ въ землю, подходили и цѣловали ее, а отошедъ, опять кланялись ей въ землю. Хозяйка отвѣчала каждому пояснымъ поклономъ, т. е. кланялась *малымъ обычаемъ*. Послѣ того, хозяйка подносила гостямъ по чаркѣ вина двойного или тройного съ зелья, а хозяинъ кланялся каждому (сколько тѣхъ гостей ни будетъ, всякому по поклону), до земли, просилъ ихъ выкушать. Но гости просили, чтобъ пили хозяева. Тогда *хозяинъ* приказывалъ пить напередъ женѣ, потомъ пилъ самъ, затѣмъ обносилъ съ хозяйкой гостей, изъ которыхъ каждый кланялся хозяйкѣ до земли, пилъ вино и отдавши чарку, снова кла-

нялся до земли. Послѣ угощенія, поклонившись гостямъ, хозяйка уходила на свою половину, въ свою женскую бесѣду, къ своимъ гостямъ, къ женамъ гостей. — Въ самый обѣдъ, когда подавали круглые пироги, къ гостямъ выходили уже жены сыновей хозяина или замужнія его дочери или жены родственниковъ. И въ этомъ случаѣ обрядъ угощенія виномъ происходилъ точно также. По просьбѣ и при поклонахъ мужей, гости выходили изъ за стола къ дверямъ, кланялись женамъ, цѣловали ихъ, пили вино, опять поклонялись и садились по мѣстамъ; а жены удалялись на женскую половину.

Дочери-дѣвицы никогда на подобныя церемоніи не выходили и никогда мужчинамъ не показывались. Иностранцы свидѣтельства присовокупляютъ къ этому, что жены являлись угощать виномъ гостей только въ такомъ случаѣ, когда хозяинъ желалъ гостямъ оказать особенный почетъ и когда дорогіе гости настоятельно просили о томъ хозяина; что цѣловались не въ уста, а въ обѣ щеки; что жены къ этому выходу богато наряжались и часто перемѣняли верхнее платье во время самой церемоніи; что они выходили уже по окончаніи стола и при томъ въ сопровожденіи двухъ или трехъ сѣнныхъ дѣвицъ, т. е. вѣроятно также замужнихъ женщинъ или вдовъ изъ служащихъ въ домъ боярскихъ боярынь; что, подавая гостю водку или вино, онъ напередъ сами всегда пригубливали чарку.

Этотъ обрядъ, подтверждая самымъ дѣломъ всѣ рассказы о затворничествѣ русскихъ женщинъ, о раздѣльности древнерусскаго общества на особыя половины, мужскую и женскую; вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что личность замужней женщины, хозяйки дома, пріобрѣтала для дружескаго домашняго общества высокій смыслъ домо-держицы и олицетворяла своимъ появленіемъ и угощеніемъ самую высокую степень гостепріимства. Въ этомъ обрядѣ выразилась также чисто русская форма уваженія къ женской личности вообще, ибо земные поклоны, какъ мы уже замѣтили, были первою формою наиболѣе высокаго чествованія личности.

Итакъ затворничество женской личности, ея удаленіе отъ мужскаго общества явилось жизненнымъ выводомъ тѣхъ нравственныхъ началъ жизни, какія были положены въ нашъ бытъ восточными, византійскими, но не татарскими идеями. Не у татаръ мы заимствовали нашъ теремъ, а онъ сложился мало по малу самъ собою, ходомъ самой жизни, какъ реальная форма

тѣхъ представленій и ученій о женской личности, съ которыми мы познакомились еще въ самомъ началѣ нашей исторіи и которыя въ теченіи вѣковъ управляли воспитаніемъ, образованіемъ, всѣмъ развитіемъ русской женщины.

Съ одной стороны, представленіе о нескончаемомъ ея дѣтствѣ, хотя и выросшее изъ своеземныхъ родовыхъ опредѣленій, но вкорененное главнымъ образомъ ученіемъ пришлою восточной культуры; съ другой стороны, вкорененное тою же культурою, представленіе о низменномъ достоинствѣ женскаго существа вообще, представленіе древнезміиннаго соблазна, который является какъ-бы прирожденнымъ качествомъ въ женской личности, — все это вмѣстѣ, невидимыми путями, самымъ духомъ этихъ представленій, помогло создать для женской личности положеніе, такъ выразительно описанное Котошихинымъ.

Когда старая наша жизнь должна была свести свои счета, обнаружить, что именно ею сдѣлано въ теченіи вѣковъ, къ какимъ итогам пришли всѣ начала, положенныя въ ея бытовую почву, въ это время, т. е. въ концѣ XVII ст. и женская личность должна была выразить себя во всей полнотѣ, высказать все, что она могла сказать. Въ это время она дѣйствительно и высказываетъ все, чѣмъ было исполнено ея развитіе. Но разнovidныя типическія черты, въ какихъ обозначилась женская личность допетровской Руси, сплетаются въ одинъ идеальный образъ, который господствуетъ надъ всѣми остальными и служить, если не всегда основою, то всегда неизбѣжнымъ покрываломъ каждаго женскаго характера. Это образъ *постницы*, образъ иноческаго благочестія въ міру, иноческой чистоты и строгости нрава, иноческаго освященія всѣхъ помысловъ и всѣхъ поступковъ, всякаго движенія душевнаго и тѣлеснаго. Въ этомъ только образѣ познавалась нравственная красота женской личности.

Но, само собою разумѣется, какъ всегда бываетъ въ общественной культурѣ, идеалъ становился очень часто только драпировкою личности и вовсе не обозначалъ того, что онъ долженъ былъ обозначать въ дѣйствительности. Въ сущности, это была лишь внѣшняя форма достойной жизни, форма тогдашней образованности, типъ изысканныхъ нравовъ, по понятіямъ и представленіямъ вѣка; это былъ нравственный костюмъ, безъ котораго возможно было показываться въ обществѣ, предъ людьми. По ну очень часто въ такомъ костюмѣ являлись личности, вовсе

и не помышлявшія о нравственныхъ обязательствахъ, какія на нихъ налагалъ этотъ костюмъ, и жившія въ немъ, какъ себѣ любо. Но зато являлись нерѣдко и такія личности, которыя съ неумолимою послѣдовательностію доводили задачу этого идеала до его желаннаго конца. Къ такимъ именно личностямъ принадлежитъ, напр., извѣстная постница боярыня Морозова, урожденная Соковнина, біографія которой послужить для насъ самымъ нагляднымъ и полнымъ изображеніемъ теремной жизни вообще, а въ особенности вдовьей жизни въ боярскомъ быту; изображеніемъ тѣхъ стремленій, въ которыхъ женская личность допетровской Руси полагала высшее достоинство и высшую красоту нравственной жизни.

Боярыня Ѳедосья Прокопьевна Морозова была супругою Глѣба Ивановича Морозова, одного изъ первыхъ бояръ при царѣ Алексѣѣ Мих. Онъ былъ родной братъ знаменитаго царскаго дядьки, царскаго пѣстуна и кормильца Бориса Ивановича, котораго молодой государь почиталъ вмѣсто отца роднаго, и который одно время, въ первые годы Алексѣева царствованія, управлялъ государствомъ съ полною властью. Въ молодыхъ лѣтахъ оба брата были сверстниками царя Михаила, государева отца, были его спальниками, слѣд. домашними, комнатными, самыми приближенными людьми. Въ этомъ чинѣ они значатся уже съ 1614 г., т. е. почти съ перваго года его царствованія ¹.

Борисъ былъ пожалованъ въ бояре въ 1634 г. (генв. 6), вмѣстѣ съ назначеніемъ въ дядьки къ царевичу Алексѣю. Глѣбъ получилъ боярство въ 1637 г. дек. 25.

Возвышеніе старшаго брата поднимало, конечно, на приличное мѣсто и младшаго, человека по видимому ничѣмъ особенно не замѣчательнаго. На Ѳедосьѣ Прокопьевнѣ Глѣбъ женился уже вторымъ бракомъ. Первая супруга его была Авдотья Алексѣевна (изъ чьего рода, неизвѣстно), на которой онъ женился еще въ 1619 г. генв. 18 ². Съ нею онъ жилъ болѣе 30 лѣтъ.

¹ А. О. П. №№ 717, 915, 948.

² Тогда, по старому обычаю, на другой день свадьбы, 19 генваря, новобрачные пріѣзжали во дворецъ къ царю Михаилу челомъ ударить и получили отъ государя и его матери, иноки Марѣи Ивановны «благословеніе» и подарки.

Царь «пожаловалъ стольника Глѣба Ивановича Морозова, какъ пріѣзжалъ

Въ генварѣ 1648 г., на свадьбѣ царя Алексѣя съ Милославскою, Авдотья Алексѣевна была посаженою матерью у государя, а самъ Морозовъ въ то время, вмѣстѣ съ царскимъ тестемъ Ильею Данил. Милославскимъ, оберегалъ сѣнникъ или спальню новобрачныхъ. Такіе свадебные *чины* ясно указываютъ, какимъ довѣріемъ и почетомъ пользовалась чета Морозовыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они же свидѣлствуютъ, что Морозовъ, какъ и его жена, были тогда уже люди не совсѣмъ молодые. Неизвѣстно скороли послѣ того Морозовъ овдовѣлъ. Въ 1654 г. февр. 12, женою его была уже Ѳедосья Прокопьевна. Въ этотъ день она находилась въ числѣ *пріѣзжихъ* боярынь, приглашенныхъ царицею къ родинному столу царевича Алексѣя Алексѣевича и занимала въ порядкѣ званыхъ пятое мѣсто, слѣд. одно изъ передовыхъ, разумѣется соотвѣтственно мѣсту своего мужа. Такимъ образомъ, замужство Морозовой относится ко времени между 1648 и 1654 гг.

Но боярыня Ѳедосья Прокопьевна не по мужѣ только была близка къ царскому Двору. По всему вѣроятію она и замужъ

на завтра своей свадьбы государю челомъ ударить, благословилъ его: образъ Живоначальныя Троицы, окладъ серебрянъ золоченъ басмянной, вѣнцы сканные; да кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею на высокомъ стоянцѣ, по кубку и по стоянцу ложечки короткія, подъ пузомъ у кубка на дрѣвѣ стоитъ мушкетъ литой въ правой рукѣ топоръ поднялъ въ верхъ; на кровлѣ у кубка подъ пузомъ и по стоянцу травки спускныя бѣлы; на кровлѣ травка съ нацѣты. Вѣсу гривенна 40 золотникъ. (Взять съ поставца у погребново ключника у Ѳедора Красново). — Да 10 аршинъ бархату червчатого, цѣна по рублю по 20 алт. аршинъ. 10 аршинъ отласу желтого, цѣна по рублю по 10 денегъ аршинъ; 10 аршинъ камки кустерю лазоревого, цѣна по рублю аршинъ. Сорокъ соболей, цѣна 25 рублей.

Отъ государыни и великой старицы иноки Марѣы Ивановны стольнику Глѣбу Ивановичу Морозову благословеніе: образъ Бориса и Глѣба, обложенъ серебромъ, вѣнцы сканные; 10 аршинъ отласу червчетового по рублю аршинъ; да сорокъ соболей цѣна 20 рублей.

Отъ государя царя и в. к. Михаила Ѳедоровича в. р. стольника Глѣба Ивановича Морозова женѣ Овдотѣ Алексѣевнѣ благословеніе: образъ Спасенъ обложенъ серебромъ; 10 аршинъ камки кустерю червчатого, цѣна по рублю по 3 алт. по 2 денги аршинъ; 10 арш. камки адамашки лазоревой, цѣна по 25 алтынъ аршинъ. Сорокъ соболей, цѣна 20 рублей.

Отъ государыни Великія старицы иноки Марѣы Ивановны Глѣбовой женѣ Овдотѣ Олексѣевнѣ благословеніе: образъ Пречистыя Богородицы женъ серебромъ; 10 арш. камки адамашки желтой по 26 алт. по 4 д. — алт.; да сорокъ куницъ, цѣна 12 рублей. (Арх. Ор. Пал. № 909, 1648 г.).

выдана изъ Дворца, отъ царицы, или по крайней мѣрѣ при особенномъ ея покровительствѣ. Она была дочь окольничаго Прокопья Ѳедоровича Соковнина, человека очень близкаго и безсомнѣнія родственника царицы Марьи Ильичны. Московскій дворянинъ П. Ѳ. Соковнинъ является при дворцѣ въ свадьбу царя Алексѣя съ Марьею Ильичною. Въ это время онъ вводится въ составъ свадебныхъ чиновъ и занимаетъ едва видное, предпоследнее мѣсто въ числѣ *сверстныхъ*, т. е. близкихъ или родственныхъ дворянъ, назначенныхъ идти для береженья за саними царской невѣсты. Тогда же и сынъ его Ѳедоръ, стольникъ, находится также предпоследнимъ въ числѣ стольниковъ — повъзанъ. Другой сынъ, Алексѣй, вѣроятно еще малолѣтний, опредѣляется вскорѣ послѣ свадьбы, въ стольники къ самой царицѣ и занимаетъ послѣ Милославскаго, Голохвастовыхъ, Ѳед. Мих. Ртищева и Еропкина, тоже предпоследнее мѣсто ¹.

Черезъ мѣсяцъ послѣ царской свадьбы мы находимъ отца Прок. Соковнина уже во дворецкихъ у царицы ². Это значило, что онъ сидѣлъ за поставцемъ царицына стола, т. е. отпускалъ для ея особы ѣствы, — должность весьма важная и вліятельная въ домашнемъ обиходѣ царей. Черезъ три съ половиною мѣсяца, 1650 г. марта 17, въ именины царя, онъ жалуется въ окольничіе. Сынъ его Ѳедоръ идетъ въ своихъ повышеніяхъ за нимъ слѣдомъ. Точно также, вѣроятно по старости или по болѣзни отца, онъ садится въ 1668 г. за царицынъ поставецъ и въ 1670 г. получаетъ думное дворянство; но въ томъ же году онъ теряетъ это званіе, вѣроятно по случаю царской опалы на сестру. Кромѣ двухъ братьевъ, Ѳедосья Прокоп. имѣла еще сестру, младшую, Евдокію, которая была за князь Петромъ Семеновичемъ Урусовымъ, тоже весьма приближеннымъ къ царю человекомъ. Онъ былъ крайчимъ (съ 1659 г.), т. е. подавалъ государю за столомъ питія и ѣствы ³.

Изъ всего этого видно, что семейство Соковниныхъ принадлежало къ обществу домашнихъ людей царскаго дворца. Оно

¹ Дворц. Разр. т. III, 81, 83.—Арх. Оп. Пол. № 991, расходная записка 1648 г. марта 26. — Что касается Алексѣя Прокофьевича Соковнина, то извѣстно, что, бывши уже окольничимъ, въ 1697 г., онъ виѣстъ съ Цыклеронъ, поднималъ заговоръ на убійство Петра и за то былъ казненъ на Красной площади.

² Арх. Оп. Пол. № 990.

³ *Крайчій*, безсомнѣнія отъ слова: *кроить*, рѣзать. Этому чину соответствуетъ теперешнее измѣненное названіе должности, оберъ-форшнейдеръ.

счумѣло воспользоваться своимъ положеніемъ, распространявъ свои родственныя связи и съ знатнымъ боярствомъ, каковы были, напр., Морозовы.

Федосья Прокоп. вышла за мужъ 17 лѣтъ. Мы видѣли, что Глѣбъ Морозовъ былъ уже человекомъ пожилымъ, такъ что при вступленіи во второй бракъ на Соковниной онъ имѣлъ по крайней мѣрѣ лѣтъ 50. Неравенство лѣтъ не могло конечно остаться безъ вліянія на жизнь молодой боярыни. Мы не знаемъ обстоятельствъ ея замужней жизни, но имѣя въ виду общій складъ тогдашняго домашняго быта бояръ, можемъ предположить, что домъ такого степеннаго, богобоязненнаго и тихаго боярина, какимъ дѣйствительно былъ Глѣбъ Ивановичъ, скорѣе чѣмъ другіе, долженъ былъ служить наиболѣе полнымъ выраженіемъ идеаловъ Домостроя. Недаромъ Глѣбъ Ивановичъ былъ спальникомъ царя Михаила, недаромъ онъ назначенъ былъ оберегать и спальню новобрачнаго царя Алексѣя. Въмѣстѣ съ тѣмъ близость обоихъ супруговъ ко дворцу также способствовала, и очень много, къ устройству этого дома въ порядкѣ и въ духѣ чтимой старины; ибо въ дворцѣ упомянутые идеалы, особенно на женской половинѣ, являлись уже неизмѣнными установленіями благообразной и такъ сказать образцовой жизни. Всѣ поученія: како вѣровати и како жити богоугодно, во всѣхъ своихъ мелкихъ подробностяхъ соблюдались здѣсь съ неизмѣнною строгостью.

Но важнѣе всего было то, что духовникомъ Федосьи Прокопьевны, какъ и ея сестры Евдокьи, былъ знаменитый протопопъ Аввакумъ. Въ свое время онъ очень близокъ былъ къ царскому духовнику Стефану Вонифатьевичу. „Тогда (въ 1650-хъ годахъ) и я при духовникѣ въ тѣхъ же полатяхъ шатался, яко въ безднѣ мнозѣ“, свидѣтельствуетъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій¹. Не мудрено, что многіе изъ приближенныхъ къ этимъ палатамъ, и въ томъ числѣ Соковнины, имѣли его духовнымъ отцомъ. Ясно также, какому духовному настрою подчинялись въ то время умы дворцоваго общества.

Духовная дочь Аввакума, Федосья Прокопьевна, видимо была душа крѣпкая и вѣрующая и рано обнаружила свою привязанность къ добродѣтельной постнической жизни по тому идеалу, какой тогда господствовалъ въ умахъ, искавшихъ спасенія.

¹ Слово платанно и отвѣтъ на крестоборную ересь.

Для нея не были чужды вопросы такой жизни и быть может за то самое ее очень любилъ знаменитый братъ ея мужа, Борисъ Ивановичъ Морозовъ. Сказаніе о ея жизни ¹ говорить, что Борисъ многіе часы проводилъ съ ней, бесѣдуя духовно, что, когда она приходила къ нему, самъ встрѣчалъ ее любезно и говаривалъ: „пріиди другъ мой духовный, пойди радость моя душевная“; а провожая послѣ бесѣды прибавлялъ: „насладился я паче меда и сота словесъ твоихъ душеполезныхъ“. Стало быть, боярыня еще въ молодую свою пору была уже достаточно знакома съ постническимъ уставомъ жизни, такъ что могла вести разумныя бесѣды съ однимъ изъ разумнѣйшихъ людей царскаго синклита. Вообще все показываетъ, что она была настолько развита, хотя и односторонне, что вопросы жизни для нея не были вопросами только хозяйства или домашней порядки, а были вопросами духовныхъ стремленій найти самую правду жизни, что она вовсе не была способна сдѣлаться „подъ фарисейскимъ только видомъ постницею“, какихъ было довольно въ то время.

Необходимо замѣтить, что въ это самое время въ русскомъ обществѣ, въ его мыслящей или сколько нибудь знающей, начитанной средѣ, совершался великій, и нравственный, и социальный поворотъ отъ стараго Домостроя къ новинѣ Петровской, отъ востока къ западу. Имя этому повороту было: *Никонъ*; потому что Никонъ патріархъ смѣлою рукою формально коснулся наиболѣе завытнаго начала жизни, именно ея невѣжественнаго застоя. И прежде его думали и говорили тоже, какъ онъ потомъ сталъ дѣлать; не онъ первый и не онъ одинъ желалъ сдвинуться съ мѣста. Первымъ былъ въ этомъ случаѣ самъ государь. Но на Никона все должно было обрушиться по той причинѣ, что его начинъ касался области, въ которой застой невѣжества былъ очевиднѣе и осязательнѣе, и при томъ всегда освящался авторитетомъ святѣйши, а потому давалъ широкія средства отстаивать его противъ малѣйшаго движенія умной новины, давалъ, кому это было нужно, широкія средства авторитетомъ Вѣры спутать и замѣшать понятія общества. И вотъ имя Никона явилось знаменіемъ времени, стало

¹ Мы пользовались спискомъ этого сказанія еще изъ библіотеки покойнаго И. Н. Царскаго, принадлежащей теперь гр. Уварову (по каталогу г. Строева № 474, прежній № 392) Г. Тихонравовъ ознакомилъ уже читателей съ этимъ сказаніемъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1865 г. № 9, по списку, ему принадлежащему.

ежеминутно повторяться въ домашнихъ бесѣдахъ, во всякихъ сборищахъ, въ тишинѣ домашней вѣти и на шумныхъ стогнахъ града. Въ народѣ поднялось великое и многое *размышленіе* и соблазнъ, а въ иныхъ мѣстахъ и расколы. Судили и редили о томъ, гдѣ правда. Говорили: „вотъ поютъ, вмѣсто: благословенъ грядый, обрѣтохомъ вѣру истинную. И то ихъ нововводное пѣніе на великое поношеніе и укоризну російскому государствію и православной нашей вѣрѣ. Будто они никоніанцы обрѣли намъ истинную вѣру, а до сей поры мы и отцы наши и тѣ святые русскіе чудотворцы, отъ Владимірова крещенія лѣтъ 700 будучи, будто истинныя вѣры до нихъ не знали на землѣ?... Да они же имя Сыну Божію переимѣнили, печатаютъ по новому съ приложеніемъ излишней буквы Іисусъ; и тѣмъ учинили великій расколъ и смуту, и отъ иныхъ государствъ вѣчный поносъ и укоризну. Будто мы и отцы наши отъ Владимірова крещенія, толико лѣтъ будучи, имени Сыну Божію не знали.... Вѣдь, если и въ царскомъ имени кто сдѣлаетъ переимѣну (описку), такъ того казнятъ, какъ же дерзнуть нарушить имя Сына Божія“.

„Къ сему же и звоны церковные переимѣнили, звонятъ къ церковному пѣнію дрянью, аки на пожаръ гонятъ или всполохъ бьютъ; и тѣмъ велѣ поруганіе и православнымъ соблазнъ и возмущеніе; и въ уставахъ того, чтобъ дряннымъ обычаемъ по пожарному звонити, нигдѣ не указано“.

„Иноки ходятъ въ церковь Божію и по торгамъ безъ мантий, безобразно и безчинно, какъ иноземцы или кабацкіе пропойцы; и тѣмъ своимъ безчиніемъ иночеству конечное творятъ поруганіе, какого и въ мирскихъ отнюдь не бываетъ; потому что, если и мирянинъ кто, отъ благоговѣйныхъ и честныхъ, такъ будетъ творить, что безъ верхняго одѣянія, въ фerezяхъ и въ полукафтанахъ, въ церковь Божію или посреди торговища дерзнетъ войти, — не всѣ ли зрящіи посмѣются ему и пьяницу суща или ума изступивша почтутъ быти. Если срамъ есть и безчестіе мирскимъ такъ творить, кольми паче инокомъ.... а они и прочее одѣяніе иноческое все переимѣнили и возлюбили иныхъ *земель* платья и обычаи ихъ и нравы. Вмѣсто рясокъ, носятъ *иноземные* широкіе кафтаны, а вмѣсто скуфей иноческихъ, носятъ черные колпаки.... Также и вмѣсто клобуковъ возлагаютъ на главы своя странно некое ихъ инообразное подобіе, *блaзaнa* ради и душевныя пагубы: нельзя очи имѣть *ипмaлo*

непокровенными, паче же юнымъ и безбрачнымъ, до конца соблазнительно и стыдно. А прежде въ русской землѣ этого не бывало и странныхъ этихъ иноземскихъ обычаевъ вводить не смѣли....“

„Попущеніемъ Божиимъ умножися въ нашей Русской землѣ иконнаго письма неподобнаго.... Пишутъ Спасовъ образъ Емануила — лицо одутловато, уста червонныя, власы кудрявыя, руки и мышцы толстыя, персты надутые, такоже и у ногъ бедра толстыя и весь — яко нѣмчинъ, брюхатъ и толстъ учиненъ; лишь сабли-то при бедръ не писано.... А все то Никонъ врагъ умыслилъ: *будто живыя писать*. А устрояетъ все по фряжскому, сиричь по нѣмецкому.... Охъ! Охъ! бѣдная Русь! Чего то тебѣ захотѣлось нѣмецкихъ поступокъ и обычаевъ? А Миколъ чудотворцу имя нѣмецкое — Николай! Въ нѣмцахъ нѣмчинъ былъ Николай, а во святыхъ нѣтъ нигдѣ Николая....“ Далѣе: перстосложеніе, аллилуія и очень многое, тому подобное — все это и подверглось великому народному размышленію и разсужденію, особенно между духовными отцами и ихъ дѣтьми. Не смотря однакожъ на разнообразіе предметовъ размышленія все дѣло сводилось къ одному концу: стоять ли за старое или идти за новымъ. Въ обществѣ произошло раздѣленіе, главною причиною котораго было крайнее невѣжество этого самаго общества, воспитаннаго въ самой тѣсной опецѣ, въ средѣ безчисленныхъ запрещеній, отреченій и анаемъ; у котораго отнята была наука, закрѣпощена мысль, которое, по этому, не имѣло способовъ само повѣрять дѣйствія своихъ руководителей и учителей и по необходимости шло за ними, какъ бы на привязи. Очень понятно, что въ такомъ обществѣ всякое наглое, самоувѣренное слово, а тѣмъ болѣе всякій фанатизмъ, даже фанатизмъ юродиваго долженъ былъ почитаться за возглашеніе самой истины.

Фанатизмъ всегда и является неизбѣжнымъ плодомъ умственной тѣсноты и умственной ограниченности. И въ самомъ дѣлѣ, очень трудно было въ это время Русскому человеку узнать, на какой сторонѣ правда.

Въ самомъ дворцѣ умы колебались и многіе втайнѣ стояли, разумѣется, за старое, за уставы Домостроя и помогали всѣми дворцовыми путями и средствами своимъ единомышленникамъ. Тамъ старое могло приобрести еще большую силу отъ того, что многіе, особенно близкіе, къ царю, находили въ старыхъ

порядкахъ точку опоры для борьбы съ новыми людьми, которые нерѣдко переступали старымъ дорогу.

Само собою разумѣется, что старый уставъ жизни, ея буква, обрядъ, нигдѣ не долженъ былъ имѣть такой силы, какъ именно на женской половинѣ дворца, которая долго и послѣ реформы сохраняла привязанность къ старымъ порядкамъ быта.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда обычнымъ путемъ шли лѣта замужества молодой и знатной боярыни. Богъ далъ супругамъ сына Ивана по ихъ молитвѣ и явленію чудотворца Сергія, какъ говоритъ сказаніе о жизни Морозовой, что достаточно свидѣтельствуетъ о благочестивой ея набожности. Но въ 1662 г. Глѣбъ Ивановичъ умираетъ и она остается вдовою. Случай рѣшительный въ жизни Морозовой. Съ этихъ поръ ея постническое набожное настроеніе мыслей получаетъ широкій просторъ для своихъ дѣйствій, для стремленій къ завѣтнымъ идеаламъ. Должно полагать, что въ это время ей было не болѣе 30 лѣтъ, ибо всего замужества едва ли было лѣтъ 12; тогда и сынъ остался послѣ отца лѣтъ десяти.

Первые годы вдовства шли однакожъ обыкновеннымъ порядкомъ. Она жила, какъ слѣдуетъ большой и богатой боярыней, ныѣзжала во дворецъ и къ роднымъ и знакомымъ съ подобающею боярскою обстановкою и держала свой домъ въ подобающемъ устройствѣ.

Объ этомъ времени ея вдовства пусть разскажетъ намъ самъ Аввакумъ, ея духовный отецъ и учитель. „Знаю, другъ мой милый, Феодосья Прокопьевна, пишетъ онъ къ ней въ одномъ изъ своихъ писемъ, жена ты была боярская, Глѣба Ивановича Морозова, вдова честная, въ Верху чина царева близъ царицы: въ дому твоёмъ тебѣ служило человѣкъ съ триста, крестьянъ у тебя было 8000, имѣнія въ твоёмъ дому было на 200 или на 250 тысячъ; друзей и сродниковъ въ Москвѣ множествомного; ѣздила ты къ нимъ въ каретѣ дорогой, украшенной мусією и серебромъ, на аргамакахъ многихъ, по 6 и 12 запрягали, съ гремичими цѣпями; за тобою слугъ, рабовъ и рабынь, шло человѣкъ по 100 и по 200, а иногда и 300, оберегая честь твою и здоровье. Предъ ними красота твоего лица сіяла, какъ древле во Израили вдовы Іюдифы, побѣдившей Навходносорова князя Олоосерна. И знаменита была ты въ Москвѣ, какъ древняя Девора въ Израили, Есѣпръ, жена Артаксеркса“.

Но вдова по понятіямъ и убѣжденіямъ вѣка уже носила въ своемъ положеніи смыслъ монахини. Честное вдовство само собою уже приравнивалось къ обѣту иноческому. Поэтому вся жизнь вдовы со всею ея обстановкою естественнымъ и незамѣтнымъ путемъ преобразовывалась въ жизнь монастырскую. Также точно, естественнымъ и незамѣтнымъ путемъ, устраивалась и жизнь честнаго дѣвства, напр. жизнь царевенъ. Не первая и не послѣдняя была Феодосія Прокопьевна, устроившая свой домъ по монастырски. Таковъ былъ господствующій идеалъ для женской личности, свободной отъ супружества.

Боярыня строго исполняла правило церковное и келейное, не оставляла его и тогда, когда бывала въ Верху, у царицы или сестеръ государя, ибо и тамъ всѣ правила, т. е. извѣстныя церковныя службы, молитвы и моленія, тоже исполнялись строго. Утромъ послѣ *правила* и книжнаго чтенія, обыкновенно святаго житія на тотъ день или поучительнаго слова, боярыня занималась домашними дѣлами, разсуждая домохозяевъ и деревенскія крестыанскія нужды, заботясь объ исправленіи крестьянскомъ, иныхъ жезломъ наказуя, а иныхъ любовію и милостію привлекая на дѣло Господне. Это продолжалось до 9-го часу дня и больше, т. е. до полудня и больше, по нашему счету. Остальное время посвящалось добрымъ, богоугоднымъ дѣламъ, въ числѣ которыхъ, первое и самое важное мѣсто принадлежало дѣламъ милосердія. Въ тотъ вѣкъ добродѣтельному и благочестивому сердцу были, какъ воздухъ, необходимы нищіе, странные, убогіе, калѣки, юродивые, старцы и старицы. Добродѣтельное и благочестивое сердце не имѣло въ то время другаго, болѣе чтимаго, выхода на путь добрыхъ дѣлъ. Вотъ почему, въ то время каждый зажиточный, а тѣмъ болѣе богатый домъ собиралъ у себя эту братію не только въ извѣстныя, опредѣленные церковными обычаями, дни, но и давалъ ей въ своемъ домѣ мѣстожительство.

Составитель Домостроя поучаетъ: церковниковъ и нищихъ, и маломощныхъ и бѣдныхъ и скорбныхъ и *странныхъ* пришельцовъ, призывай въ домъ свой и по силѣ накорми и напой и согрѣй; и милостыню давай, и въ дому и въ торгу и на пути; тою бо очищаются грѣси, тѣ бо ходатаи Богу о грѣсѣхъ нашихъ. Чадѣ! люби мнишескій чинъ, и *странные пришельцы* *всегда бы въ дому твоёмъ питались*, и въ монастыри съ мило-

стынею и съ кормлею приходи; и въ темницахъ и убогихъ и больныхъ посѣщай и милостыню по силѣ давай.

Федосья Прокопьевна въ дому своемъ держала пятерицу инокъ *измывающихъ*, и радовалась — зря въ нощи на правилъ себя съ ними стоящую и на трапезѣ ихъ съ собою ядущихъ....“ А иныхъ въ дому своемъ гнойныхъ держала — Феофота Стефановича и прочихъ: имъ своими руками служила, язвы гнойныя измывала и въ уста ихъ пищу подавала.... Домъ ея былъ отворенъ юродивымъ и нищимъ и сиротамъ, которые „невозбранно въ ея ложницахъ обитали и съ нею ѣли съ одного блюда“¹.

Въ числѣ юродивыхъ, которые невозбранно приходили въ домъ къ Морозовой, были два ревнители древняго благочестія Феодоръ и Кипріанъ. Феодоръ ходилъ въ одной рубашкѣ, мерзъ на морозѣ босой, въ день юродствовалъ, а ночь всю стоялъ на молитвѣ со слезами. Аввакумъ рассказываетъ о немъ: „много добрыхъ людей знаю, а не видалъ такого подвижника; зѣло у него во Христа вѣра горяча была.... не на басняхъ проходилъ подвигъ.... Пожилъ у меня съ полгода на Москвѣ, а мнѣ еще не моглось; въ задней комнатѣ двое насъ съ нимъ. И много часть другой полежитъ, да и встанетъ, тысячу поклоновъ отбросаетъ, да сядетъ на полу, а иное — стоя, часа съ три плачетъ. А я таки лежу, иное сплю, а иное не можется. Когда ужъ наплачется гораздо, тогда ко мнѣ приступитъ: „долго ли тебѣ, протопопъ, лежать того? образумься, вѣдь ты попъ: какъ сорома нѣтъ?... И мнѣ не можется, такъ меня подымаетъ, говоря! „встань, миленькой батюшко! Ну таки вытащитъ какъ нибудь меня.... сидя, мнѣ молитвы велитъ говорить, а онъ за меня поклоны кладетъ: то-то другъ мой сердечной былъ!“ За старовѣрство онъ отданъ

¹ По свидѣтельству Курбскаго, знаменитый Адашевъ десять нѣтъ проваженныхъ въ дому своемъ, тайно питающе и обмывающе ихъ руками своими. (Кар. IX, пр. 20). Онъ же упоминаетъ о знатной вдовѣ Маріи, которая: „во святомъ вдовствѣ превозсіающа, яко на преподобномъ тѣлѣ ея носили ея вериги тяжкіе“ (IX, пр. 31). Подобные подвиги и обеты исполнила и боярыня Морозова. Татищевъ свидѣтельствуется, что «дворъ царицы Прасковьи Федоровны отъ набожности былъ *госпиталь на уроковъ, юродовъ, ханжей и маломовъ*: между многими такими былъ знатенъ Тимошей Архиповичъ, сумасбродный подъячій, котораго за святаго и пророка суевѣрцы почитали... Онъ меня не любилъ, прибавляетъ Татищевъ, за то, что я не былъ суевѣрцемъ и руки его не цѣловалъ». (Исторія Росс. I, 46). Стало быть, цѣлованіе руки принадлежало къ обыкновеннымъ знакамъ чествованія такихъ юродивыхъ.

былъ подъ начало рязанскому архіепископу Иларіону, терпѣлъ тамъ муки и наконецъ бѣжалъ въ Москву. Объ этомъ побѣгѣ, облекая его, разумѣется, въ форму чуда, онъ рассказывалъ Аввакуму: былъ я на Рязани подъ началомъ у архіепископа на дворѣ и зѣло онъ, Иларіонъ, мучилъ меня: рѣдкой день, коль плетью не бьетъ, и скована въ желѣзахъ держалъ, принуждая къ новому антихристову таинству. И я уже изнемогъ. Въ нощи моляся, плачу, говорю: Господи! аще не избавишь мя, осквернятъ меня и погибну; что тогда мнѣ сотворишь!... И вдругъ, батюшко, желѣза всѣ грянули съ меня и дверь, и отперлась, и отворилась сама. Я, Богу поклонясь, да и пошелъ. Къ воротамъ пришелъ, и ворота отворены. Я по большой дорогѣ къ Москвѣ напрямикъ.... Къ тебѣ спроситься прибѣлъ: „туда ли мнѣ опять мучиться пойти или, платье вздѣвъ, жить на Москвѣ“. Протопопъ велѣлъ ему вздѣть платье и ухоронилъ его на время у себя. Послѣ его сослали на Мезень и тамъ будто бы повѣсили.

Объ отношеніяхъ этого юродиваго къ Морозовой узнаемъ нѣчто изъ письма къ ней Аввакума: „поминаешь ли Θεодора? пишетъ онъ къ ней. Не сердись ли на него? Поминай Бога для, не сердитуй! онъ не больно предъ вами виноватъ былъ. Обо всемъ мнѣ предъ смертію покойникъ писалъ: „Стала де ты скупа быть, не стала милостыни творить, и имъ на дорогу ничего не дала“. И съ Москвы отъ твоей изгони съѣхалъ, и кое что сказывалъ. Да уже Богъ васъ проститъ; нечево старова поминать. Меня не слушала, какъ говорилъ, а послѣ пеняешь мнѣ. Да что на тебя дивить? *У бабы волосы долги, а умъ коротокъ!* прости же меня, а тебя Богъ проститъ во всемъ“.

Другой юродивый, Кипріянь извѣстенъ былъ даже самому государю, слѣд. могъ бывать даже и въ царскомъ дворцѣ и тѣмъ болѣе, что во дворцѣ, въ числѣ „верховыхъ богомольцевъ“, находились также и юродивые. Кипріянь не разъ и государя молилъ о возстановленіи древняго благочестія; ходилъ по улицамъ и по торжищу, свободнымъ языкомъ обличая новины Никоновы. Подконецъ онъ былъ сосланъ въ Пустозерской острогъ и тамъ казненъ за свое упорство.

Идея юродства не была, конечно, самобытнымъ созданіемъ русской жизни. Она явилась, какъ неизбежное послѣдствіе тѣхъ культурныхъ началъ, какіе были принесены къ намъ изъ Византіи и которыя создали и постоянно создавали, произраждали множество соотвѣствующихъ этому явленій жизни. Византіецъ

Кедринъ, объясняя себѣ юродство, говоритъ между прочимъ: „такъ повелѣлъ Богъ и Исаи ходить нагу и необуванну: и Іереміи обложить чресленникъ о чреслѣхъ, и иногда возложить на выю клади и узы, и симъ образомъ проповѣдывать; и Осіи повелѣлъ пояти жену блуженія и паки возлюбити жену любящую зло и любодѣйцу; и Іезекіилю возлежать на десномъ боку чотыредесять и на лѣвомъ сто пятьдесятъ дней, и паки прокопать стѣну и убѣжать и плѣненіе себѣ приписать и иногда мечъ изострить и имъ главу обрѣть и власы раздѣлить на чотыре части. Но да не вся глаголю, смотритель и правитель словесъ повелѣлъ каждому изъ сихъ быть того ради да не повиновущіися слову, возбуждятся зрѣлищемъ страннымъ и чуднымъ. Новость бо зрѣлища бываетъ довлѣтельнымъ ученія залогомъ“¹. Юродивый, такимъ образомъ, въ идеѣ своей, всегда носилъ смыслъ пророка, обличителя грѣховной жизни, обличителя всякой ея неправды. Самою выразительною силою его обличеній и былъ его подвигъ, всегда исполненный или крайняго цинизма жизни или безграничнаго отверженія ея мирскихъ требованій, вообще подвигъ уродства жизни, что какъ необычайное и чудесное, одно только и могло возбуждать застоявшіеся, неподвижные умы вѣка.

Собирая около себя такое убогое общество, поучаясь его подвигами и словесами, Морозова и свой досугъ употребляла на руководѣльные труды также въ пользу нищихъ и убогихъ. Иногда руки ея „пряслицѣ касались“, садилась она за прялку, готовила нити и тѣми нитяти шила рубахи, и ввечеру, съ одною изъ старицъ, домоходицею Анною Амосовною, одѣвшись сама въ рубище, ходила по улицамъ и по стогнамъ града, по темницамъ и по богадѣльнямъ, и одѣляла рубахами нищихъ; раздавала имъ деньги, овому рубль, а иному 10, а индѣ 50 рублей и мѣшокъ сотной.

Монахъ Симонова монастыря, Трифилій, крѣпкій старовѣръ, происходившій также отъ благороднаго корени, указалъ ей богоговѣйную инокиню Меланію. Она призвала ее и, слышавъ ея словеса, очень возлюбила; избрала ее себѣ матерью, съ иноческимъ смиреніемъ отдалась ей подъ начало, сдѣлалась ея послушницею, и до самой смерти ни въ чемъ не ослушалась ея заповѣдей. Съ тою Меланіею они также по темницамъ тайно

¹Ирмеев: Дѣянія цери. и гражд. Часть I, 97.

ходили, пѣшими ногами, носили милостыню; обтекали чудотворныя мѣста, соборы, монастыри и церкви,нося жертвы, какъ достойно.

Все это было въ то время дѣломъ обыкновеннымъ, дѣломъ необходимымъ для благочестиваго и богобоязненнаго житія, все это вполнѣ согласовалось съ общими обычаями, съ общими потребностями нравственной, добродѣтельной жизни и особенно съ идеалами и стремленіями честнаго вдовства. Такъ именно добрая вдова жила въ теченіи всего стараго вѣка нашей исторіи. Но мы замѣтили, что время, въ которое жила Морозова, было особенное время: умы были въ размышленіи, наставлялъ конецъ старому вѣку, наставало свѣту переставленіе; почва колебалась, нужно было искать спасенія, искать, гдѣ правда жизни. Оставаясь въ средѣ Домостроя, дыша его духомъ, Феодосія Пр. конечно не могла очень сочувствовать разнымъ новинамъ или въ сущности разнымъ обличеніямъ и исправленіямъ застарѣвшихъ и укоренившихся ошибокъ. Авторитетъ преданія былъ такъ великъ въ ея глазахъ, былъ такъ великъ въ глазахъ всѣхъ, кто хотѣлъ строгаго и точнаго исполненія преданныхъ уставовъ, что и одно прикосновеніе къ его буквѣ, даже къ одной четрѣ этой буквы, казалось своевольнымъ высокоуміемъ, опаснымъ вольнодумствомъ, противъ котораго, какъ противъ антихристовой напасти, слѣдовало бороться всѣми силами. Такъ были и воспитаны и настроены тогдашніе убѣжденные, размышляющіе и разсуждающіе умы. Но Морозова въ добавокъ имѣла руководителемъ извѣстнаго юродиваго — фанатика Аввакума и постоянную поддержку въ обществѣ своихъ старицъ, нищихъ и юродивыхъ, особенно матери Меланіи или Маланьи, безсомнѣнія такого же Аввакума, только въ женскомъ образѣ, слѣд. съ чертами болѣе мягкими; да видимо она не отвергалась въ своихъ мысляхъ и на женской половинѣ двorca.

Такимъ образомъ, ей очень трудно было увидеть истинный путь къ правдѣ. Она по необходимости явилась защитницей старой жи и, какъ натура крѣпкая и прямая, провела свою защиту до конца, безъ колебаній. Для женской личности требовалось мужественное дѣло. Ни на какое другое дѣло эта личность не была приготовлена. Она была воспитана аскетическимъ идеаломъ; она и не задумалась отдаться ему вся. Здѣсь во всей полнотѣ обозначился только положительный выводъ ученій Домостроя, выразилась неумолимая ихъ послѣдовательность.

Ревнуя за истину, которую въ понятномъ ослѣпленіи видѣть вовсе не могла, Морозова очень горячо принимала тогдашніе вопросы дня, — эти размышленія общества о перестановкѣ на новые старыхъ обычаевъ и привычныхъ порядковъ; и вездѣ, и у себя дома при гостяхъ, и на бесѣдахъ, гдѣ сама бывала, крѣпко отстаивала старину. „На бесѣдахъ Никоніанъ мужеска полу и женска безпрестанно обличая.... вездѣ имъ являшеся, яко левъ лисицамъ“, говоритъ Аввакумъ. Прежде всего конечно обсужденіе этихъ вопросовъ открывалось между родственниками. Ѳеодосія Прокопьевна легко убѣдила въ своихъ мысляхъ родную сестру Евдокью, княгиню Урусову, жену царскаго кравчаго кн. Петра Семеновича, которая тоже сдѣлалась духовною дочерью Аввакума. Обѣ сестры жили какъ бы „во двою тѣлесѣхъ едина душа“, и Евдокья точно также отдалась въ повиновеніе и послушаніе матери Меланьи, умоляя ее чтобы попеклась о спасеніи ея души. Соковнины были въ родствѣ съ Ртищевыми; тѣ и другіе происходили изъ Лихвинскихъ городскихъ дворянъ, а въ это время стали близкими собесѣдниками дворца. Царскій постельничій, а потомъ окольничій Мих. Алекс. Ртищевъ, отецъ знаменитато Ѳед. Мих. Ртищива, приходился молодой вдовѣ дядею. Ртищевы стояли за Никона, покровительствовали кievскимъ ученымъ, т. е. вообще наукѣ. Они ближе были къ царю, который былъ исполненъ стремленій исправить и украсить жизнь по новымъ образцамъ. Соковнины стояли за Аввакума, за старое благочестіе, потому что были блпже къ царицѣ, въ быту которой знали только одни старые уставы и потому крѣпко за нихъ держались.

Мих. Ал. Ртищевъ вмѣстѣ съ дочерью Анною, двоюродною сестрою Морозовой, желая ее поколебать и на свой разумъ привести, много разъ начинали выхвалять Никона и его реформы. Отверзала уста Прокопьевна и говаривала: „поистинѣ, дядюшка, вы прельщены врагомъ, а потому и похваляете *римскія* ереси и ихъ начальника“. Тогда продолжалъ сѣдовласый старецъ: „о чадо Ѳеодосія! что ты это дѣлаешь, за чѣмъ отлучилась отъ насъ. Посмотри, вотъ наши дѣти: обѣ нихъ намъ надо заботиться и, смотря на нихъ, радоваться и ликовать, жить общеою любовью. Оставь распрю, не прекословь ты великому государю и всѣмъ властямъ духовнымъ. Знаю, прельстилъ и погубилъ тебя злѣйшій врагъ, протопопъ (Аввакумъ). Не могу безъ ненависти и вспомнить о немъ. Сама ты его знаешь“.

Съ улыбкою сожалѣнія и тихимъ голосомъ отвѣчала Морозова: Нѣтъ, дядюшка, не такъ; не правду вы говорите, горькимъ сладкое называете; отецъ Аввакумъ истинный ученикъ Христовъ, *потому что страдаетъ онъ за законъ Владыки своего*; а потому, кто хочетъ Богу угодить, долженъ послушать его ученія⁴. Слова, имѣющіе глубокий историческій смыслъ. Вотъ, стало-быть, гдѣ должно искать главной причины ослѣпленія Морозовой, главнѣйшей причины ослѣпленія и помраченія многихъ, начиная отъ царскаго дворца и до убогихъ крестьянскихъ кляттей. И какъ это совпадаетъ со всѣми идеалами, какими былъ исполненъ умъ того вѣка, какими было напитано воображеніе людей, сколько нибудь коснувшихся тогдашняго книжнаго ученія. Потому что онъ страдаетъ, потому что его гонятъ — вотъ мысль, которая и во всякую другую эпоху всегда возбуждаетъ доброе сердце къ сочувствію, а въ нашей старинѣ эта мысль по многимъ историческимъ, культурнымъ, умственнымъ и нравственнымъ, причинамъ всегда и неизмѣнно привлекала къ себѣ общее сочувствіе, которое, не входило въ тонкое разбирательство, за какое дѣло кто страдаетъ; но, видя страданіе, шло за нимъ; относилось съ милосердіемъ ко всякому страдающему. Оттого гонимые, особенно если еще замѣшивалась тутъ какая либо государственная или церковная тайна, всегда пріобрѣтали у насъ необъяснимый успѣхъ. Идеалы же Морозовой, доведенные ея фанатизмомъ до своихъ послѣднихъ выводовъ, должны были даже требовать именно этого послѣдняго акта ея аскетической жизни. Все было готово въ идеѣ: оставалось только воплотить эту идею, это *слово* жизни, въ самое *дѣло*.

Однажды Анна Михайловна Ртищева стала ей говорить: „Охъ сестрица, голубушка, съѣли тебя старицы бѣлевки¹, проглотили твою душу! Какъ птенца, отлучили тебя отъ насъ. Не только насъ ты презираешь, но и о сынѣ своемъ не радишь; одно у тебя чадо, а ты и на того не глядишь. Да еще какое чадо-то! Кто не подивится красотѣ его.... Подобало бы тебѣ и на соннаго-то на него любоваться; да поставить бы надъ красотою его свѣчи отъ чистѣйшаго воска, и не вѣмъ каковую лампаду возжечь, да и зрѣть доброты лица его и веселиться, что такое чадо драгое даровалъ тебѣ Богъ. Вѣдь сколько разъ и

¹ Старицы изъ города Бѣлева, а можетъ быть, и изъ Бѣлицы, ходившія въ бѣлецынскіе, мірскіе платья.

самъ государь, и съ царицею удивлялись красотѣ его, а ты его ни во что полагаешь и великому государю не повинуюешься. Ужъ когда нибудь за твое прекословіе придетъ на тебя и на домъ твой огненпальная ярость царева, и повелитъ домъ твой разграбити. Тогда и сама многія скорби подымешь и сына своего сдѣлаешь нищимъ. А все будетъ твоимъ немилосердіемъ.

Морозова отвѣтила: „неправду ты говоришь. Не прельщена я, какъ ты говоришь, отъ бѣлевскихъ старицъ. Но по благодати Спасителя моего чту Бога Отца дѣлымъ умомъ; а Ивана я люблю и молю о немъ Бога беспрестанно и радѣю о полезныхъ ему, душевныхъ и тѣлесныхъ. Если же вы думаете, чтобы мнѣ изъ любви къ Ивану душу свою повредить, или своего жалѣючи, отступить благочестія и этой руки знаменной (перстосложенія), — то сохрани меня Сынъ Божій отъ этого неподобнаго милованія. Не хочу, не хочу, любя своего сына, себя губить, хотя онъ и одинъ у меня: но Христа люблю болѣе сына. Знайте, если вы умышляете сыномъ меня отвлекать отъ Христова пути, то ни какъ этого не сдѣлаете. Вотъ что прямо вамъ скажу! Если хотите, выведете моего сына Ивана на Пожаръ (площадь въ Китай городѣ, гдѣ казнили) и отдайте его на разтерзаніе псамъ, устрояя меня, чтобы отступила отъ вѣры.... но не помыслию отступить благочестія, хотя бы и видѣла красоту, псами разтерзанную. Я знаю одно: если до конца во Христовой вѣрѣ пребуду и сподоблюсь вкусить за это смерти, то никто не можетъ отнять у меня моего сына“.

Слышавши это, Ртищева ужаснулась, какъ грома, этихъ страшныхъ словъ и много дивилась такому *крѣпкому мужеству и непреложному разуму*, замѣчаетъ повѣствователь житія Морозовой.

Безъ всякаго сомнѣнія еще болѣе укрѣпилось ея мужество и совѣсть помрачился разумъ, когда (въ 1662 г.) въ Москвѣ снова явился изъ ссылки Аввакумъ. По его разсказу, онъ былъ принятъ радушно. „Видятъ они, что я не соединяюсь съ ними, вотъ и приказалъ государь уговаривать меня Родіону Стрѣшневу, чтобы я молчалъ. И я потѣшилъ его: даръ, то есть, отъ Бога учиненъ и добренекъ до меня. Чаялъ, либо по маленьку справится. А се посулили мнѣ Симеонова дни съѣсть на Печномъ дворѣ, динги править; и я радъ сильно: мнѣ то надобно *лучше и духовничества*. Пожаловалъ (царь), ко мнѣ при-
10 рублевъ денегъ, царица 10 рублевъ денегъ; Лука,

духовникъ (царскій) 10 рублей же, Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублей же, а *дружище* наше Ѳеодоръ Ртищевъ (двоюродный братъ Морозовой), тотъ и 60 рублей казначею своему велѣлъ въ шапку мнѣ сунуть; а про иныхъ нечего и сказывать! Всякъ тащить да несеть всячиною. У свѣта моей Ѳеодосіи Прокофьевны Морозовы *не выходя, жила во дворѣ*, понеже дочь мнѣ духовная; и сестра ея княгиня Евдокія Прокофьевна дочь же моя. Свѣты мои мученицы Христовы! А у Анны Петровны Милославскія¹, покойницы, всегда же въ дому былъ, и къ Ѳеодору Ртищеву браниться съ отступниками (кіевскими учеными) ходилъ, да такъ-то съ полгода жилъ“.

Если въ самомъ дѣлѣ таковы были отношенія многихъ знатныхъ москвичей къ Аввакуму, хотя, видимо, онъ много и прибавляетъ, то какимъ же образомъ Морозова могла отстать отъ своего духовнаго отца. Равнодушной она не была къ вопросамъ Вѣры, а прямое и непосредственное вліяніе на нее имѣлъ лишь одинъ Аввакумъ съ своими единомышленниками.

Естественно, что она все больше и больше укрѣплялась въ истинѣ своихъ размысленій и мнѣній и горячо ихъ защищая по бесѣдамъ, бесомнѣнія наученіемъ и словами самого Аввакума или матери Меланьи, обратила наконецъ на свои подвиги вниманіе царя. Была къ ней присылка по повелѣнію цареву, приходили испытывать ее Іоакимъ, чудовской архимандритъ и Петръ, соборный ключарь. Узнавъ ея крѣпкое мужество и непреложный разумъ, и готовность даже умереть за правду, государь повелѣлъ отписать у ней на свое имя половину вотчинъ. Но опала продолжалась, вѣроятно, не долго. Во дворцѣ у ней была сильная рука. 1 Октября 1666 года государь возвратилъ ей отписанныя вотчины „для прошенія государыни царицы Марьи Ильичны и для всемирныя радости рожденія царевича Ивана Алексѣевича“². Получивъ, послѣ такого искушенія, малую слабу, Морозова еще дѣятельнѣе предалась своимъ подвигамъ, „раздавала многую милостыню, многое имѣніе расточила неимущимъ, многихъ съ правезу (за долги и другія взысканія) выкупала, монастырямъ довольная подавая, пустыни-

¹ Вѣроятно это Анна Ильична Милославская, родная сестра царицы Марьи Ильичны и вдова боярина Бориса Ив. Морозова. Она умерла 26 Сентября 1667 г.

² Тайнаго приказа записка о всякихъ дѣлахъ 175 г.

никовъ многихъ потребными удовлетворяя, прокаженныхъ въ дому своемъ упокоивая.... Чѣмъ больше тѣнили эту душу, тѣмъ глубже она уходила въ свои завѣтные стремленія.

Федосія Прокопьевна начала мыслию „на большее прости- раться, т. е. болѣе и болѣе приближаться къ цѣли своего идеала, желая ангельскаго образа.... Она надѣла власнилицу.... „подъ одѣяніемъ ношаше на срачицѣ, устроена отъ скота власовъ бѣлыхъ, кратко рукава“ — и очень печалилась о томъ, когда этотъ ея подвигъ случайно былъ замѣченъ ея снохою, женою Бориса Морозова, Анною Ильичною Милославскою, родною се- строю царицы. Аввакумъ разсудилъ тогда ея печаль, что „не хотѣніемъ сотворилось, Богъ проститъ“.

Во дворцѣ, конечно, все знали, что дѣлается у Морозовой; хорошо знали образъ ея мыслей и всѣ ея рѣчи и подвиги; но въ первое время, когда еще тянулось дѣло Никона, она могла оставаться въ покоѣ, ибо, какъ видно, и для самого царя не- совсѣмъ еще было ясно, въ чемъ именно заключался настоя- щій смыслъ всей этой смуты умовъ. Морозова, наконецъ, при- ступила къ матери Меланьи, лобызая ея руки и поклоняясь на землю, и умоляя, чтобы облекла ее во иноческій чинъ. Разум- ная мать отказывала по многимъ причинамъ. Невозможно это- го въ дому утаить и если узнаютъ у царя, многимъ людямъ многія будутъ скорби по случаю розысковъ и допросовъ, кто постригъ. Если и въ дому можно утаиться, то приспѣетъ время сына бракомъ сочетать, тогда необходимо будетъ много забо- титься, хлопотать, уряжать свадебные чины, а инокамъ это дѣ- лать не въ лѣпоту. Наконецъ должно будетъ уже стать до кон- ца *мужески* и, откинувъ и малое это лицемѣріе и приличіе, совсѣмъ уже не ходить въ церковь. Морозова не оставляла своего намѣренія — „зѣло желаше насытною любовію иноче- скаго образа и житія“. Когда Аввакумовцы увидѣли, какъ твердо и неизмѣнно стоитъ въ своемъ желаніи ихъ вѣрная послушница, то рѣшились исполнить ея просьбу. Она была пострижена старовѣромъ, бывшимъ Тихвинскимъ игуменомъ Досифеемъ, наречена Феодорою и отдана въ послушаніе той же матери Меланьи. Стало быть совершился только торжествен- ный обрядъ того, что уже существовало на самомъ дѣлѣ.... Формальное постриженіе только дальше подвинуло это дѣло. Прокопьевна, зря на себѣ иноческій чинъ, начала вдаваться большими подвигамъ, посту и молитвѣ и молчанію, а отъ до-

мовныхъ дѣлъ ото всѣхъ начала уклоняться, сказывая себя больною, и всѣ судныя дѣла въ домѣ приказала вѣдать своимъ вѣрнымъ людямъ. По всему вѣроятію это событіе случилось въ то время, какъ умерла царица Марья Ильична (1669 г. мартъ), а съ ея смертію потеряла свой вѣсъ и значеніе и партія Милославскихъ съ ихъ родичами, вообще сочувствовавшая старовѣрству. 1 Сентября 1668 г. Морозова еще являлась во дворецъ на праздничный званый обѣдъ. Царица очень любила Морозову и очень была къ ней милостива да вѣроятно не совсѣмъ чуждалась и ея мыслей, — тѣмъ чувствительнѣе была эта потеря для Морозовой. Весьма понятно, что послѣ того дворецъ ей опостылѣлъ, ибо не осталось уже тамъ корней для поддержки стараго „благочестія“, а напротивъ съ каждымъ днемъ входило туда новое „благочестіе“. Въ Генварѣ 1671 года царь вступилъ во второй бракъ съ Натальею Кириловною Нарышкиныхъ.

Морозовой, по старшинству ея дворскаго положенія, слѣдовало въ свадебномъ чину стоять во главѣ другихъ боярынь и титу царскую говорить. Она отказалась отъ этой чести, отговариваясь, что „ногами зѣло прискорбна, не могу ни ходити, ни стоять“. Царь понялъ причину ея отказа и прогнѣвался, отозвавшись: „Знаю, она загордилася!“ Морозова тоже очень хорошо знала, что царь это дѣло просто не покинетъ. Но она шла все дальше и дальше къ своимъ задушевному идеаламъ и такъ далеко отошла отъ прежняго своего міра, что онъ сталъ ей казаться нечистымъ. Она не хотѣла идти во дворецъ за тѣмъ, что въ царскомъ титу приходилось ей наименовать государя благовѣрнымъ и руку его цѣловать, да нельзя было избыть и благословеній архіерейскихъ.... Она рѣшилась лучше страдать, чѣмъ съ ними сорбщаться. Царь до времени оставилъ ее въ покоѣ и только осенью въ томъ же году послалъ къ ней поговорить боярина Троекурова, котораго одинъ иностранецъ характеризуетъ такъ: „при дворѣ онъ играетъ пустую ролю и назначенъ болѣе для увеселенія царя, чѣмъ для совѣщаній въ государственныхъ дѣлахъ“. Вѣроятно, это былъ человѣкъ недалекій, но набожный. Въ бояре онъ пожалованъ въ 1673 г. Такимъ образомъ значеніе посла соответствовало самому предмету посольства. Спусти мѣсяцъ къ ней явился другой посолъ, болѣе ей близкій, кн. Петръ Урусовъ, царскій крайчій и мужъ ея сестры Евдокіи. Этотъ принесъ ей выговоръ, чтобъ покорилась и приняла всѣ новонаданные ихъ законы; если же не

она и получала надобныя свѣдѣнія. Когда было узнано, что время приближается, Ѳеодосья Прокопьевна разсталась съ своими старицами: „Матушки мои, время мое пришло“, — сказала она имъ — идите всѣ вы, можетъ быть Господь васъ гдѣ сохранитъ, а мнѣ благословите на Божіе дѣло и помолитесь обо мнѣ, чтобъ укрѣпилъ меня Господь *страдати* безсомнѣнія о имени Господни“. Тотъ же князь Урусовъ, который приходилъ къ Морозовой съ царскимъ выговоромъ, предупредилъ жену, что на бѣдную ея сестру скорби великія идутъ, государь неукротимымъ гнѣвомъ содержишь и рѣшаетъ на томъ, чтобъ скоро ее изъ дому изгнать. Не высказывая, вѣроятно изъ боязни, своего мнѣнія о царской волѣ, онъ однакожь прибавилъ: „Послушай, что я скажу тебѣ и внимай моимъ словамъ. Христосъ въ Евангеліи глаголетъ: предадутъ бо васъ на сонмы и на соборищахъ ихъ бьютъ васъ; предъ владыки же и цари ведены будете, мени ради, во свидѣтельство имъ. Глаголю же вамъ, другомъ своимъ, не убойтесь отъ убивающихъ тѣло и потомъ не могущихъ больше что сотворити. Слышишь, княгиня, самъ Христосъ глаголетъ! А ты внимай и памятуй“. Княгиня радовалась такимъ словамъ мужа¹ и на утро, когда онъ поѣхалъ во дворецъ, отпросилась у него опять къ сестрѣ. „Иди, да не оставайся тамъ долго, отвѣтилъ мужъ, я думаю, что сегодня же присылка къ

¹ Съ какою цѣлью говорилъ такъ князь Урусовъ, т. е. возбуждалъ фанатизмъ жены, неизвестно. Но все можно думать. Можно думать, что онъ самъ тайно придерживался древняго благочестія, и не обнаруживалъ своихъ мыслей съ цѣлью сохранить за собою весьма вліятельное при дворѣ мѣсто трапчого, которое онъ и сохранилъ до самой смерти царя Алексѣя, а при Ѳеодорѣ былъ пожалованъ даже въ бояре. Но, въ такомъ случаѣ, за что же онъ подводилъ свою бѣдную жену подъ явную опалу. Собесѣдникъ царской Души, онъ всегда могъ спасти жену, выгородить даже въ опасныхъ обстоятельствахъ, не говоря уже о томъ, что она и не вышла бы изъ его воли, изъ его благоразумныхъ совѣтовъ. Они имѣли уже дѣтей. Мы увидимъ, что онъ нисколько и не заботился выручить жену изъ бѣды. Все это заставляетъ полагать, что или слова Урусова сочинены описателемъ житія, или Урусовъ дѣйствовалъ такъ съ тайнымъ намѣреніемъ избавиться приличнымъ образомъ отъ нелюбимой жены, что въ боярскомъ быту иногда бывало. Аввакумъ въ своей автобіографіи говоритъ между прочимъ: а боярину ту Ѳеодосью Морозову и совѣтъ разорили, и сына у нея уморили и ее мучать; и сестру ея Евдокію, бывше батогани, и отъ дѣтей отлучили и съ мужемъ развели; и его князя Петра Урусова на другой женили, да что вѣдь дѣлать? пускай ихъ миленькихъ мучать, небеснаго жениха достигнуть ...“

ней будетъ“. Княгиня однакожь осталась у сестры до ночи. Онѣ вѣсть ожидали „гостей“.

Во второй часъ ночи (т. е. по закатѣ солнца) отворились большія ворота на дворъ Морозовой. Ужаснулась Ѳеодосья Прокопьевна, понявши, что идутъ ея мучители. Отъ страха ослабли ея ноги и она приклонилась на лавку. Княгиня подкрѣпила ее: „матушка, сестрица, дерзай. Съ нами Христось! не бойся, встань, положимъ начало“. Совершили онѣ семь поклоновъ приходныхъ, одна у другой благословились свидѣлствовать „истину“. Морозова въ постельной своей комнатѣ легла на свой пуховикъ, близъ иконы Богородицы Ѳеодоровской. Княгиня ушла въ чуланъ, родъ алькова, устроенный въ той же спальнѣ для наставницы Меланіи, и тамъ легла на постель. Сестры видимо хотѣли показать, что онѣ собрались уже опочивать. Въ постельную съ великою будто бы гордостію, дерзко, вошелъ чудовскій архимандритъ Іоаннъ въ сопровожденіи думнаго дьяка Даріона Иванова и, увидѣвъ возлежащую Морозову, объявилъ ей, что посланъ отъ царя спросить ее; чтобъ встала и стоя или и сидя, если не можетъ, дала бы отвѣтъ противу царскихъ повелѣнныхъ словъ. Морозова не встала. „Какъ крестился и какъ молитву творишь? спросилъ ее архимандритъ. Морозова, сложа по своему персты, перекрестилась и произнесла молитву! „Такъ я крещусь, такъ же и молюсь“. Второе: „старица Меланія, а ты ей въ дому своемъ имя нарекла: Александра, гдѣ она теперь, сказывай скорѣе?“ Морозова отвѣчала: „по милости Божіей и молитвами родителей нашихъ, по силѣ нашей, въ убогомъ нашемъ дому ворота были отворены для странныхъ рабовъ Христовыхъ. Когда было время, были и Сидоры и Карпы и Меланія и Александры. Теперь же никого нѣтъ изъ нихъ“. Думный дьякъ ступилъ въ чуланъ, но въ чуланѣ не было свѣта; разглядѣвъ тамъ человѣка, лежащаго на постели, онъ спросилъ: „Кто ты?“ „Я князь Петра жена, Урусова, отвѣчала сестра Морозовой. Дьякъ, вовсе не ожидая найди здѣсь такую знатную особу, испугался своей дерзости и тотчасъ выскочилъ изъ чулана. Удивленный архимандритъ воскликнулъ: „княгиня Евдокія Прокопьевна, князь Петра Урусова! Спроси ее, како крестится“. Дьякъ отказывался, объясняя, что они посланы только къ боярынь Ѳеодосьѣ Прокопьевнѣ. „Слушай меня, возразилъ архимандритъ, я тебѣ повелѣваю, спроси ее“. Дьякъ повиновался и далъ вопросъ. Лежа на постелѣ, облокотившись

на лѣвую руку, княгиня сложила персты: великій палецъ со двема малыми, указательный же съ велико-среднимъ, протянувши ихъ и показывая дьяку, произнесла молитву: „Такъ я вѣрую, сказала. — Неожиданная встрѣча княгини Урусовой и ея заявленіе своего старовѣрства заставили архимандрита тотчасъ же донести объ этомъ царю. Оставивъ у сестеръ дьяка, онъ поспѣшилъ во дворецъ. Царь сидѣлъ посреди бояръ въ Грановитой Палатѣ. Приблизился къ государю архимандритъ и пошепталъ ему на ухо, что не токмо боярыня стоитъ мужески, но и сестра ея княгиня Евдокія, обрѣтенная у нея въ дому, также ревнуетъ своей сестрѣ, и твоему повелѣнію сопротивляются крѣпко. Государь замѣтилъ, что княгиня „смиреньъ обычай имѣетъ и не гнушается нашей службы, а вотъ люта эта сумазбродка!“ Архимандритъ отвѣтилъ, что и княгиня не только уподобляется во всемъ сестрѣ своей старѣйшей, но и злѣе ея ругается надъ нами. „Если такъ, то возми и ту“, сказалъ государь. Князь Петръ тутъ же стоялъ и слышавъ царскія слова, будто бы опечалился, но помочь дѣлу не могъ. Архимандритъ возвратился въ домъ Морозовой, и приступилъ къ испытанію ея рабынь.

Сопровождавшій архимандрита черный дьяконъ Іоасафъ указалъ особенно на двухъ, Ксецію Иванову и Анну Соболеву. Когда объ *укрѣпились* (въ перстосложеніи), ихъ поставили на (правую) сторону особо; прочіе всѣ убоялись и не пошли на сторону укрѣпившихся, остались ошуюю. Тогда архимандритъ обратился къ боярынь съ слѣдующею рѣчью: „Понеже неумѣла ты жить въ покореніи, но въ прекословіи своемъ утвердилась, а потому царское повелѣніе постигаетъ тебя, и изъ дому твоего ты изгоняешься. Полно тебѣ жить на высотѣ, сниди долу, встань и иди отсюда“. Морозова не трогалась, видимо она выдерживала роль, что больна ногами, ни стоять, ни ходить не можетъ. Ее посадили въ кресла и понесли изъ комнатъ. Сынъ Иванъ Глѣбовичъ провожалъ свою мать до средняго крыльца и поклонился ей въ слѣдъ. Она не видала его. Наложили на обоеихъ сестеръ желѣза конскія и посадили ихъ въ людскія хоромы, въ подклѣтѣ, приказавъ людямъ беречь ихъ подъ стражею.

Черезъ два дня снова явился къ нимъ думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ, снялъ съ ногъ желѣза и велѣлъ идти, куда поведутъ. Морозова не захотѣла идти (пѣшкомъ); дьякъ велѣлъ нести ее. Слуги принесли сукна (носила), посадили и понесли

въ Чудовъ монастырь. Княгиня Евдокія была ведена за нею пѣшкой. Войдя въ одну изъ палатъ вселенскихъ (соборныхъ) и по обычаю образу Божію поклонившись, Морозова, сидѣвшимъ тамъ властямъ „сотворила мало и худо поклоненіе“. Въ палатѣ предсѣдалъ Павелъ, митрополитъ Крутицкій, знакомый уже намъ Іоакимъ архим. Чудовскій, думный дьякъ и иные. Она не захотѣла говорить предъ ними, стоя; сѣла на мѣсто и не вставала, не смотря на ихъ неоднократное требованіе. Митрополитъ началъ ее увѣщевать тихо и кротко, вспоминая честь ея и породу. „Все это натворили тебѣ, сказалъ онъ, *старцы* и *старцы*, тебя прельстившіе, съ которыми ты водилась и слушала ихъ ученія и довели тебя до этого поношенія, что приведена твоя честность на судище“. И красоту сына ея вспоминалъ, чтобъ пожалѣла его и своимъ прекословіемъ не причиняла бы раззореніе его дому. Противъ всѣхъ словъ она давала отвѣты: что истинному пути и благочестію навыкла не отъ старцовъ и старицъ, а отъ истинныхъ рабовъ Божіихъ. „О сынъ же перестаньте мнѣ много говорить. Обѣщалась Христу, моему свѣту, и нехочу обѣщанія измѣнить да послѣдняго вздоха; ибо Христу живу, а не сыну“. Видя непреклонное ея *мужество*, и бесполезность кроткихъ увѣщаній, власти рѣшились ее пострадать. „Коротко тебя спрашиваемъ, сказали они ей: по тѣмъ служебникамъ, по которымъ государь царь причащается и благовѣрная царица и царевичи и царевны, ты причащались?“ „Нѣтъ не причащусь, потому что знаю, что царь по развращеннымъ Никонова изданія служебникамъ причащается“. — „Какъ же ты объ насъ обо всѣхъ думаешь, стало быть мы всѣ еретики?“ — „Ясно, что вы всѣ подобны Никону, врагу Божію, который своими ересями, какъ блевотиною наблевалъ, а вы теперь то скверненіе его подлизываете“.

Въ отвѣтъ ей сказали, что послѣ того она не Прокопьева дочь, а бѣсова дочь. Морозова защищалась, говоря, что проклинаетъ бѣса, что по благодати Господа, она, если и не достойна, всетаки, дочь Христа. Преніе продолжалось отъ 2 часа ночи и до десятаго, (считая отъ солнечнаго заката). Княгиня Урусова точно также „во всемъ мужество показала“. Ихъ тѣмъ же порядкомъ возвратили домой подъ стражу въ тотъ же людской подлѣтъ. Морозову опять несли на носилахъ. „Если насъ разлучатъ и заточатъ, сказала она княгинѣ, предугадывая ходъ дѣла, молю тебя, поминай меня убогую въ своихъ молитвахъ“.

Утромъ на другой день пришелъ думный дьякъ, принесъ цѣпи со стулами, и снявши съ ногъ желѣза, сталъ возлагать на шею имъ эти цѣпи. Морозова перекрестилась, подѣловала *оторліе* цѣпи и сказала: „Слава тебѣ Господи, яко сподобилъ мя еси Павловы узы возложить на себя“. Дьякъ повелѣлъ посадить ее на дровни и везти конюху. Ее повезли черезъ Кремль.

Когда ее везли Кремлемъ, мимо Чудова монастыря, подъ царскіе переходы, она, полагая, что на переходахъ смотритъ царь на ея повѣздъ, часто крестилась двуперстнымъ знаменіемъ, высоко поднимая руку и звеня цѣпью; показывая царю, что не только не стыдится своего поруганія, но и услаждается любовію Христовою и радуется своимъ узамъ.

Ее посадили на подворье Печерскаго монастыря подъ крѣпкій караулъ стрѣльцовъ.

Княгиню Евдокью, подобнымъ же образомъ обложивъ желѣзными „юзами“, отвели въ Алексѣевскій монастырь и отдали подъ крѣпкое начало съ повелѣніемъ водить ее въ церковь. Но она, противясь этому повелѣнію, такое *мужество* показала, что дивился весь царствующій градъ ея храбрости и тому, какъ доблестно сопротивлялась она волѣ мучительской. Доблестные подвиги ея заключались въ томъ, что она всѣми силами сопротивлялась, когда нужно было идти въ церковь. Приказано было волочить ее на рогожныхъ носилкахъ. Она и тутъ притворялась разслабленною, не могущею ни рукою, ни ногою двинуть и сама на носилки не ложилась. Старицы Алексѣевского монастыря, выводимыя изъ терпѣнія ея притворствомъ, даже дерзостно заушали ее, говоря; „горе намъ! что намъ дѣлать съ тобою; сами мы видимъ, что ты здорова и весело бесѣдуешь съ своими, а какъ мы придемъ звать тебя на молитву, ты внезапно, какъ мертвая, станешь; и должны мы трудиться, переворачивать тебя, какъ мертвое тѣло“, — „О старицы бѣдныя, давала имъ отвѣтъ княгиня, зачѣмъ напрасно трудитесь; развѣ я васъ заставляю; вы сами безумствуете, все шатаетесь. Я и сама плачу о васъ, погибающихъ. Какъ я пойду въ вашъ соборъ, когда тамъ у васъ поютъ не хваля Бога, но хуля, и законы его попирая....“

Скрывшіяся старицы Морозовой, конечно, очень горевали обо всемъ, что случилось и плакали объ ней, какъ младенцы, разлученные съ матерью. Но скоро, съ небольшимъ черезъ недѣлю, онѣ нашли случай повидаться съ нею на заднемъ крыльцѣ по-

дворянъ, въ утаенномъ мѣстѣ, „еже ходити ту человекомъ на облегченіе чреву“.

Сюда то пришла одна изъ старицъ, Елена. „Возлюбленная! сказала ей Морозова; ничто меня не опечалило такъ въ эти дни, какъ разлука съ вами. Ни отгнаніе изъ дому, ни царскій гнѣвъ, ни властелинское цѣззаніе, ни юзы, ни стража, — все это мнѣ любезно о Христѣ. Но очень мнѣ прискорбно, что уже больше недѣли, незнаю-невѣдаю, гдѣ вы. Ради-Бога не покиньте меня, не уѣзжайте изъ Москвы, оставайтесь здѣсь. Небойтесь. Уповаю на Христа, покроетъ васъ. О родныхъ такъ не богѣзную, какъ о васъ. Все я могу перетерпѣть, только одной разлуки съ вами не могу перенести“.

Морозова чувствовала, что ей для укрѣпленія необходима была почва; а крѣпкою почвою для ея подвига были тѣ же старицы, къ которымъ она такъ привыкла, и которые, оставаясь въ Москвѣ, могли во многомъ ей помочь. Нашли же они средство побесѣдовать съ ней.

Одна изъ нихъ Марья, дворянскаго роду Даниловыхъ¹, еще во время первыхъ дѣйствій царскаго гнѣва, умыслила было бѣжать, но была поймана въ *Подонской странѣ* (на Дону), привезена обратно въ Москву, подверглась тому же испытанію и также крѣпко поревновала, похваляя предъ всѣми древнее благочестіе и отвергаясь принять новины. Ее посадили, окопавши, предъ стрѣльцкимъ приказомъ².

Быть можетъ этотъ самый случай заставлялъ Морозову советовать своимъ духовнымъ сестрамъ оставаться лучше въ Москвѣ, гдѣ гораздо легче было имъ скрываться отъ властей.

Между тѣмъ къ заключенной часто ѣздили для увѣщанія Іларіонъ митрополитъ рязанскій. Но бесполезны были всякія увѣщанія. Видя себя „желѣзы тяжкими обложену и неудобствомъ стула томиму“, она радовалась и объ одномъ только скорбѣла, о чемъ и писала къ наставницѣ своей матери Меланіи. „Увы мнѣ, мати моя! говорила она въ письмѣ. Неисполняя я дѣла ино-

¹ Марья Герасимовна жена Акинѣя Ивановича Данилова, стрѣльцкаго полковника.

² Марія же тамо сѣдючи и буду прінимаше болѣе обою сестеръ; безстудніи воины пакости твораху ей невѣжествомъ; прихождаху же къ ней и попы никоніанскіе, которые много ее смущали, укоряли раскольницею, принуждали вкреститься 3 персты, даже будто бы ломали ея персты, складывающе щепоть ..

ческаго! Какъ я могу теперь поклонны земныя власть! Охъ люто мнѣ грѣшницѣ! День смертный приближается, а я, унылая, въ лѣнноти пребываю! И ты, радость моя, вмѣсто поклоновъ земныхъ благослови мнѣ Павловы узы Христа ради поносить; да еще, если изволишь, благослови мнѣ масла коровья и молока и сыра и яицъ воздержаться, да не праздно мое иночество будетъ и день смертный да не похитить меня не готову. Одно только постное масло повели мнѣ ѣсть“. Мать Меланія въ отвѣтъ подавала ей благословеніе на *страданіе*, и говорила: „стань доблестно, Господь да благословитъ тебя юзы, Его ради, носить; и пойдѣ, какъ свѣча, отъ насъ къ Богу на жертву. О брашнахъ же, — все кушай, что прилучится“. Понятно, почему не могли дѣйствовать на страдальцу никакія увѣщанія. Она была отдѣлена отъ своихъ, была въ заточеніи, но на самомъ дѣлѣ она не разлучалась съ своею средою, она могла даже переписываться съ Меланіею. Ниже увидимъ, что не одни старцы поддерживали и разжигали своею помощію ея фанатизмъ. Хорошо понимали это и власти и всетаки вовремя не могли найти примую виновницу ея несчастія, эту Меланію. Такъ еще была сильна въ обществѣ приверженность къ древнему благочестію, которая одна только и могла такъ заботливо оберегать наиболѣе замѣтныхъ его представителей и проповѣдниковъ.

Само собою разумѣется, что много помогали Морозовой и ея братья. Къ нимъ-то и обратился царь, желая хорошо разузнать всѣ подробности дѣла и отыскать мать Меланію. Ѳеодоръ Пропьевичъ, лишившись со смертію царицы Маріи Ильичны важной должности ея дворецкаго, оставался еще думнымъ дворяниномъ и былъ въ повѣзжанахъ на свадьбѣ царя съ Нарышкиною, въ 1671 г. — „Ты всѣ тайны своей сестры знаешь, скажи мнѣ, гдѣ Меланія?“ спросилъ его государь. Но пособникъ своей сестрѣ не далъ надобнаго отвѣта. Оба брата были удалены изъ Москвы, Ѳеодоръ въ степь, въ Чугуевъ; Алексѣй на Рыбное, якобы на воеводство, а въ самомъ дѣлѣ, въ заточеніе, повѣствуетъ сказатель Ѳеодосіина житія. Ѳеодоръ на своей волости столько обогатился, что и своихъ рублей тысячу прожилъ.

Сына Морозовой, отрока Глѣба Ивановича, государь берегъ, ибо въ это время онъ оставался единственнымъ представителемъ знатнаго и очень любимаго царемъ рода Морозовыхъ. Но отрокъ, разлученный съ матерью, отъ многой печали, заболѣлъ. Царь прислалъ къ нему лѣкарей; а они такъ его улѣчиша,

сказываетъ составитель житія, что въ малыхъ дняхъ и гробу предаша. Сказать о смерти сына былъ посланъ къ несчастной матери священникъ „попъ никоніанскій“, который, желая по-дѣйствовать на заключенную страхомъ, отнесъ это событіе къ Божію наказанію за ея отвращеніе отъ истиннаго пути, и сказалъ ей текстъ 108 псалма: „еже положитеся дому ея пусту и живущаго не имѣти“. Премудрая разумница не внимала и не буести. Услыхавъ о смерти сына, пала на землю предъ образомъ, плача и рыдая, умиленнымъ гласомъ вѣщала: „увы мнѣ, чадо мое! погубили тебя отступники!“ И долго голосила надгробныя пѣсни, такъ что слышавшіе сами рыдали отъ жалости. „Помнишь ли, какъ бывало! писалъ къ ней впослѣдствіи Аввакумъ, — уже некого чотками стегать и не на кого поглядѣть, какъ на лошадей поѣдетъ, и по головамъ некого погладить! Миленькой мой государь! Въ послѣднее увидѣлся съ нимъ, егда причастилъ его!“

Со смертію молодого Морозова дѣйствительно домъ ихъ запустѣлъ до конца. Имѣніе, вотчины, стада коней, было роздано боярамъ; а вещи, золотыя, серебряныя, жемчужныя и отъ дорогихъ камней были распроданы. Такъ говоритъ сказатель житія. Онъ же повѣствуетъ, что при этомъ въ одной палатѣ множество золота нашли, „заздано въ стѣнѣ“, — кладъ, спрятанный вѣроятно еще предками Морозовыхъ, что было въ бычачѣ въ старое, тревожное и опасное время. Крестьянинъ зарывалъ свои сокровища въ землю, бояринъ замуровывалъ ихъ въ каменныхъ стѣнахъ своего дома.

Однакожь не все изъ имѣнія подверглось опальному расточенію. Одинъ вѣрный рабъ Морозовой, Иванъ, по ея повеленію, припряталъ нѣкія дорогія вещи у вѣрнаго человѣка, но былъ преданъ своею женою, былъ пытанъ и мученъ, огнемъ жженъ шесть разъ; но все перетерпѣлъ и наконецъ былъ сожженъ въ Боровскѣ съ другими ревнителями древняго благочестія.

Послѣ того царь, какъ бы сжалился надъ заключенною и повелѣлъ отдать ей двухъ рабынь, чтобы послужили ей въ заключеніи, Анну Аммосову, а другую Стефаниду, прозываемую Гнѣва, которыя съ великою радостію пошли служить боярынямъ, потому что были ея единомышленницы. Княгиня, сестра Морозовой, не получила подобнаго облегченія въ своей участи; но за то Богъ послалъ ей честнѣйшую отъ рабынь, боярскую дочь Акулину, которая сама наложилла на себя этотъ подвигъ,

пожелавъ служить ей, приходя и отходя, а впоследствии постриглась и наречена Анисія. Она тоже находилась подъ началомъ матери Меланіи и твердо укрѣплялась въ своихъ мысляхъ писаніями Аввакума, который умѣлъ цѣнить въ ней боярское происхожденіе, какъ важную авторитетную общественную опору, для большаго утвержденія и распространенія своихъ ученій.

Несчастныя ревнительницы древняго благочестія изъ такой знатной и высокой среды, конечно обращали на себя общее вниманіе. Особенно важно и дорого было ихъ ревнованіе для ихъ единомышленниковъ, которые находили въ ихъ подвигѣ сильную точку опоры, сильный и яркій примѣръ при распространеніи своихъ заблужденій въ народѣ, и потому естественно должны были всѣми средствами помогать ихъ подвигу, бодрствовать надъ ними со всѣхъ сторонъ. Видимо, что посредствомъ старицъ и служанокъ, несчастныя жертвы, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ этимъ темнымъ міромъ и получали оттуда непрестанныя „укрѣпленія“, стоять и страдать за правду, за *старое преданіе отеческое*, до конца. Этими-то путями Морозова успѣла въ своемъ заточеніи причаститься отъ странствующаго попа—инока Іова Льговскаго.

Этотъ Іовъ происхожденіемъ былъ изъ Литвы, отъ родителей шляхетскихъ рожденъ. Въ 1611 г., когда Филаретъ Никитичъ, отецъ царя Михаила, тогда митрополитъ ростовскій, находился въ польскомъ плѣну, Іовъ, еще юноша, былъ имъ пріобрѣтенъ, жилъ потомъ при его кельѣ, облеченъ въ иноческій образъ и посвященъ во іерея, во время уже патріаршества Филарета. Потомъ онъ былъ отпущенъ на собственное жительство: гдѣ похочетъ, да соберетъ себѣ духовная чада и научить иноческой философіи. Съ тѣхъ поръ Іовъ сдѣлался скитальцемъ, основывая по временамъ монастыри, и въ томъ числѣ Льговъ (1669 г.).... Преходя, крѣясь по мѣстамъ, во время гоненій на старовѣрство, онъ подконецъ удался къ Дону и при рѣкѣ Чирѣ основалъ новый монастырь, поставленіе котораго запечатлѣлъ своею смертію, проживъ больше ста лѣтъ ¹. Этотъ-то скиталецъ, находясь тогда въ Москвѣ, и былъ проведенъ къ Морозовой.

Очень милостивъ былъ къ ней, караулившій ее стрѣлецкій голова. Она умолила его пустить къ ней старца, сказавшій,

¹ Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій въ пользу раскола. I, 269.

такъ: „былъ въ дому моемъ, въ одномъ изъ нашихъ селъ, нѣкій священникъ; была милость наша къ нему. Теперь, я слышала, онъ здѣсь; жаль мнѣ его, старика, позволю повидаться съ нимъ, если будетъ твоя милость къ нашему убожеству“. И вотъ пришелъ старецъ, бѣлѣющимъ образомъ, т. е. переодѣвшись, подать ей безцѣнный бисеръ. Іовъ такъ былъ умиленъ ея страданіемъ, что послѣ не могъ безъ слезъ вспоминать объ этомъ.

Тѣми же путями Морозовой представился случай повидаться и съ сестрою. Однажды, когда, разумѣется, предварительно все было улажено, Урусова сказала своей начальницѣ, у которой жила въ кельѣ: „Госпожа! ты знаешь, какъ болитъ сердце матери о дѣтихъ; знаешь и то, что я оставила ихъ Христа ради. Пустя меня въ домъ мой; поцѣлую я ихъ и утѣшу и сама утѣшусь, и еще до вечера возвращусь сюда; никто не будетъ знать объ этомъ, только ты да я.... Теперь полдень, а игуменья въ гостяхъ и старицы разошлись, и людей на монастырѣ мало; а я фатою покрывшись, пройду, и никто не узнаетъ меня“. Сверхъ чаянія начальница отпустила ее. Велѣла ей только оставить образъ Богородицы, какъ бы въ залогъ того, что она воротится. „Знаю, какъ ты любишь образъ Владычицы нашей, оставь мнѣ его здѣсь и иди съ миромъ: Она Помощница возвратитъ тебѣ сюда“. Княгиня вышла. На дорогѣ — навади бѣсъ нѣкихъ злыхъ человѣкъ — ее сочли за бѣглую и хотѣли было взять. Она смѣло защитилась. Потомъ встрѣтилась, (безсомнѣнія, по уговору), съ Еленою, которая вѣроятно все это и устроила, и вмѣстѣ пошли на Печерское подворье. Дворница дала знать Морозовой объ ихъ приходѣ; та выслала рабу свою Анну, вмѣсто которой, въ обмѣнъ, возвратилась къ ней уже сестра-Урусова. На крыльцѣ мимо ногъ караульщика прошла, который подумалъ, что таже Анна идетъ. „И бесѣдоваша любезно мученица со исповѣдницею“. Но позавидовалъ дьяволъ; у караульныхъ стрѣльцовъ сдѣлалась тревога. Они догадывались, что дѣло не ладно. Голова, упрошенный Морозовою, успокоилъ ихъ, и велѣлъ только гостей ночевать: „я ночью выпущу ее тихонько“, объяснилъ заступникъ. Такимъ образомъ тревога послужила еще къ большей радости сестеръ. Всю ночь онѣ ликовали, бесѣдуя. Къ свѣту Урусова ушла, а Елена опять проводила ее до монастыря.

Но гораздо важнѣе было то, что страдальцы неоставлялъ своими поученіями и ободреніями ихъ духовный отецъ—Аввакумъ. Время отъ времени, изъ своего далекаго заточенія, онъ присылалъ имъ посланія и всегда возвышалъ ихъ подвигъ въ превыспреннихъ изреченіяхъ. Такъ; провѣдавъ, о разсказанныхъ уже нами событіяхъ, онъ шлетъ къ нимъ письмо, въ которомъ спрашиваетъ Θεодосію, жива ли она: „Еще ли ты дышешь, или сожгли, или удавили тебя?“ и за тѣмъ восторгается ихъ подвигомъ, называетъ ихъ супругами нерасторженными, ластовицами сладкоглаголивыми, маслинами, свѣтильниками предъ Богомъ на земли стояще! подобными Еноху и Іліи: *женскую немощь отложивше и мужескую мудрость воспріявше*, діавола побѣдиша, мучителей посрамиша; именуетъ ихъ свѣтилами великими, солнцемъ и луною Русской земли, двумя зарями, освѣщающими весь міръ на поднебеснѣй, красотою церкви, похваляю мучениковъ, радостью праведныхъ, веселіемъ святителей, вертоградомъ эдемскимъ и тому подобными вычурными и выспренними именами. „Невѣдаю какъ назвать“, восклицаетъ онъ въ заключеніе. „Умъ мой не обыметъ подвига вашего и страданія. Подумаю, да лише руками возмахну. Какъ такъ, государыни, изволили съ такія высокія степени сступить и въ безчестіе вринутися? Воистину подобно сыну Вожію: отъ небесъ сступилъ, въ нищету нашу облечеся и волею пострадалъ“. Затѣмъ онъ уничижаетъ себя, дабы еще сильнѣе выставить высоту подвига боярынь; вспоминаетъ о великой чести Морозовыхъ, печалится о смерти ея сына Ивана, утѣшаетъ ее, что такъ Богу надобно, а потомъ, напоминая о Ѳедорѣ юродивомъ, дѣлаетъ ей приведенное нами выше замѣчаніе о бабьемъ умѣ. „Мучьтесь за Христа хорошенько, не оглядывайся назадъ; спаси Богъ.... не стужите о бездѣлицахъ вѣка сего. И тово полно: побоярила, надобе попасть въ небесное боярство....“

Въ этомъ же самомъ письмѣ дѣлаетъ особую приписку Ѳеодосѣ Прокопьевнѣ другой ревнитель стараго благочестія, пустынный обитель Соловецкой, Епифаній, который по всему вѣроятію, также былъ ея наставникомъ во время пребыванія своего въ Москвѣ.

„О свѣты мои, новыя исповѣдницы Христовы! восклицаетъ онъ къ нимъ, — потерпимъ мало, да великая воспріимемъ.... Свѣтъ моя государыня! люблю я правило ночное и старое пѣніе. А буде обленишься на ночное правило, тотъ день оканнивой плоти

и ѣсть не давай: не игрушка душа, что плотскимъ покоемъ ее подавлять. Да переставай ты и медокъ попивать; намъ иногда случается и воды въ честь, да живемъ же. Али ты насъ тѣмъ лучше, что боярыня? Да одинако намъ Богъ распростре небо, еще же луна и солнце всѣмъ сіяють, такожде и вся прозябающая по повелѣнію владычню служатъ, тебѣ не больши и мнѣ не меньши; а честь прелетаетъ. Единъ честенъ тотъ, кто ночью возстаетъ на молитву, да медокъ перестанетъ, въ квасъ прижѣшивая, пить.... Мнѣ мнится, облѣнилася ты на ночную молитву, того ради тебѣ такъ говорю съ веселіемъ (т. е. шутя, о медкѣ).... Дніе наши не радости, но плача суть.... и ты, государыня, плачи суетнаго житія своего и грѣховъ своихъ, понеже призвалъ тя Богъ въ домовое строеніе и разсуженіе; но и возвеселися, егда въ нощи, возставъ, совершиши 300 поклоновъ и 700 молитвъ, веселіемъ и радости духовныя и меня грѣшнаго помини тутъ.... Еще же глаголю: аще и вси добродѣтели сотворишь, рцы душѣ своей: „ни что же-благо сотворишь, ниже начашъ добро творити“. Нощію возставай: не людемъ приказуй будить, но сама восприни отъ сна безъ лѣности и припади и поклонися сотворшему тя. А въ вечеру мѣру помни сидѣть; поклоны, егда метаніе на колѣну твориши, тогда главу въ прямъ держи; егда же великій (поклонъ) прилучится, тогда главою до земли; а ночью триста метаній на колѣну твори. Егда совершиши сто молитвъ, стоя, тогда: „слава и нынѣ, аллилуія“ и тутъ три поклоны великіе бывають....“ Дальше слѣдуютъ наставленія также о поклонахъ ¹.

Такими-то поученіями и Аввакумовскими льстивыми восхваленіями постоянно ободрялись и укрѣплялись эти бѣдныя женщины. Съ авторитетомъ духовнаго отца и его сподвижниковъ конечно ни что не могло соперничать въ ихъ убѣжденіи.

Общество тогдашней Москвы также не могло оставить этой любопытной исторіи безъ вниманія. Многіе соболѣзновали несчастной судьбѣ сестеръ. Тотъ же Михаилъ Алексѣевичъ Ртищевъ ², уговаривавшій прежде Морозову, пріѣхалъ однажды къ княгинѣ Урусовой и, стоя у ея окна, съ умиленіемъ сказалъ:

¹ Письма напечатаны въ приложеніяхъ къ статьѣ, *Боярыня Морозова*, г. Тихонравова; Русскій Вѣстникъ 1865 г. № 9.

² Въ статьѣ г. Тихонравова сказано, что это былъ сынъ царя, Михаилъ Алексѣевичъ (стр. 30, 35); но у царя Алексѣя не было сына Михаила. Біографъ Морозовой именуетъ здѣсь Ртищева, не обозначая фамиліи.

„удивляетъ меня ваше страданіе; лишь одно смущаетъ меня: не вѣдаю, что за истину ли терпите“. Этими словами вполне обрисовывается колебаніе тогдашнихъ умовъ, которымъ на самомъ дѣлѣ трудно было выяснитъ себѣ настоящій смыслъ дѣла. Особенно же городъ былъ взволнованъ именно дѣяніями княгини Урусовой, о которыхъ говорено выше. На нашъ теперешній взглядъ, всѣ эти сцены, конечно, по меньшей мѣрѣ достойны сожалѣнія. Но въ вѣкъ всеобщаго суевѣрія и всяческаго суесвятства дѣло это казалось весьма серьезнымъ. Это была одна изъ формъ юродства, предъ которымъ тогдашніе умы останавливались съ уваженіемъ, и даже съ благоговѣйнымъ почтеніемъ, не взирая на вопіющія несообразности подобныхъ подвиговъ вообще съ нравственнымъ достоинствомъ человѣка. У того вѣка было всемогущее слово: Христа ради, которое хотя и понятое самымъ матеріальнымъ смысломъ, всегда освящало и покрывало эти младенчествующія представленія о святости нравственныхъ подвиговъ человѣка. Терпѣть, страдать, быть попиуму, уничижать себя Христа ради, въ какихъ бы формахъ такіе дѣянія ни обнаруживались, но если они почему либо освящались великою святинею этого слова, — они всегда привлекали къ себѣ и умъ, и сердце народа, воспитаннаго въ духовной своей сферѣ аскетическими идеалами, вообще идеалами мученичества.

Множество вельможныхъ женъ и простыхъ людей стекалось въ Алексѣевскій монастырь смотрѣть, „како влачаху княгиню на носилѣхъ“. Особенно вельможные удивлялись ей и собогѣзовали о ней, какъ о своей сродницѣ. Видя все это, склоняясь жалостію о страданіи такой вельможной женщины, а вмѣстѣ съ тѣмъ смущаясь, что „сіе влаченіе“ служить еще болѣе къ прославленію ея терпѣнія, умная игуменья монастыря обратилась къ патріарху Питириму и рассказала, что у нихъ въ монастырѣ дѣлается и какова княгиня и за какую вину сидитъ. Съ именемъ княгини неразлучно припомнилось и имя Морозовой. „Я вспомню объ этомъ царю“, отвѣтилъ патріархъ. „Великій государь! говорилъ онъ потомъ царю, совѣтую тебѣ, боярыню ту Морозову, вдовиду—кабы ты изволилъ опять домъ ея отдать и на потребу ей дворовъ бы сотницу крестьянъ далъ, а княгиню тоже бы князю отдалъ; такъ бы дѣло-то приличіе было; потому что женское нѣтъ дѣло: много оны смыслятъ“. — Я бы давно это сдѣлалъ, отвѣтилъ государь; но не знаешь ты лютости этой жены. Нельзя тебѣ и рассказать, сколько она мнѣ наругалась

и теперь ругается. Кто мнѣ столько зла и великаго неудобства показалъ? Если не вѣришь моимъ словамъ, самъ испытай; призови и вопроси, тогда узнаешь ея крѣпость. Какъ начнешь ее испытывать, тогда вкусишь ея *прямости*. А потомъ я исполню все, что повелитъ твое владычество: неослушаюсь твоего слова“.

Видимо патріархъ, а вмѣстѣ и царь желали покончить это дѣло, смущавшее всю Москву. Опять во 2 часъ ночи взяли Морозову и съ юзами и, посадивши на дровни, повезли въ Чудовъ монастырь подъ охраной стрѣleckаго сотника. Въ соборной палатѣ былъ патріархъ, митрополитъ Павелъ и иные власти и „отъ градскихъ начальникъ не мало“. Предстала Морозова, нося на выи оковы желѣзны. „Дивлюсь я, какъ ты возлюбила эту цѣпь и не хочешь съ нею разлучиться“, сказалъ ей патріархъ. Обрадованнымъ лицомъ и веселящимся сердцемъ отвѣтила она: „воистинну возлюбила, и не только просто люблю, но еще и не довольно насладились возжеленнаго зрѣнія сихъ оковъ. Какъ могу не возлюбить ихъ! Такая я грѣшница и для Божіей благодати сподобилась видѣть на себѣ, а вмѣстѣ и носить Павловы узы, да еще за любовь Единородного Сына Божія“. Патріархъ сталъ увѣщевать ее, говоря, что бы оставила свое безуміе и нелѣпое начинаніе, пожалѣла бы себя, невозмущала бы своимъ противленіемъ царскую душу, и присоединилась бы къ церкви, исповѣдавшись и причастясь св. таинъ. — „Некому исповѣдаться и не отъ кого причаститься“, отвѣчала Морозова. Поповъ много на Москвѣ, сказалъ патріархъ. — „Много поповъ, но истиннаго нѣтъ“, возразила Морозова. — „Я самъ, на старости, потружусь о тебѣ, самъ тебя исповѣдаю и причащу, продолжалъ патріархъ. Морозова отреклась и отъ этой высокой чести, сказавши: „ты мнѣ говоришь: самъ, но я не понимаю, что ты говоришь. Чѣмъ ты отъ нихъ отлпченъ, если согласишь тоже, что и они. Когда ты былъ Крутицкимъ митрополитомъ, жилъ за одно съ отцами преданія нашей русской земли, и носилъ клобучекъ старый, тогда ты былъ намъ отчасти любовенъ; а теперь ты восхотѣлъ волю земнаго царя творить, а небеснаго царя и создателя своего презрѣлъ и возложилъ на себя рогатый клобукъ римскаго папы: и потому мы отвращаемся отъ тебя. И не утѣшай меня твоимъ словомъ: я самъ! я не требую твоей службы“.

Во все время этой бесѣды Морозова не хотѣла стоять предъ властями; ее поддерживали сотникъ стрѣлецкій и стрѣльцы; она висла у нихъ на рукахъ и въ такомъ положеніи говорила съ патріархомъ.

Все обнаруживало болѣзненное разстройство ея ума, — такъ по крайней мѣрѣ это понялъ патріархъ и рѣшился въ исцѣленіе помазать ее священнымъ масломъ, „да прійдетъ въ разумъ, се бо, якоже видимъ, умъ погубила“. Патріархъ облачился и готовился совершить помазаніе. Но Морозова, увидавши его наѣзреніе, встала на ноги и приготовилась „яко борецъ“. Митрополитъ хотѣлъ приподнять треуха на ея головѣ, дабы удобнѣе было помазать; но она отринула его руку и воскликнула: „отойди, зачѣмъ дерзаешь неискусно, хочешь коснуться нашему лицу? нашъ чинъ можно тебѣ разумѣть“. Отринувши помазаніе, она вопила къ патріарху: „не губи меня грѣшницу отступнымъ своимъ масломъ! и позвяцавъ цѣпями, продолжала: „для чего эти оковы? я, грѣшница, цѣлый годъ ихъ ношу, именно потому, что не повинуюсь, не хочу присоединиться ни къ чему къ вашему. А ты весь мой недостойный трудъ однимъ часомъ хочешь погубить. Отступи, удались; не требую вашей святости никогда“.

Биографъ рассказываетъ, и конечно баснословитъ, что послѣ того ее называли исчадіемъ ехиднинымъ, вражью дочерью, страдницею, что не для чего ей больше жить, на утро страдницу въ срубъ.... Будто бы затѣмъ повергли ее на землю, такъ что казалось голова ея расколется; что поволокли ее по полатѣ, — чаятъ, что желѣзнымъ ошейникомъ шею ей на двое перервутъ и главу ей съ плечъ сорвутъ; что по лестницѣ всѣ ступеньки она главою своею сочла“. На тѣхъ же дровняхъ ее привезли обратно на подворье въ 9 часу ночи.

Въ ту же ночь и тѣмъ же порядкомъ происходило увѣщаніе княгини Урусовой и Марьи Даниловой, при чемъ, по рассказу биографа, *трихборница* княгиня, отрицаясь помазаніемъ масломъ, еще дивнѣйши сотвори. Увидя Патріарха идущаго къ ней съ масляною спицею, она мгновенно сняла съ своей головы покрывало, опростоволосилась и воскликнула: „о безстыдніи и безумніи! что вы дѣлаете? не видите развѣ, какова я есть?“ т. е. въ какомъ срамномъ видѣ; и тѣмъ устыдила властей и миновала помазаніе.

На другой день, во 2 часъ ночи, онѣ всѣ три, вѣроятно порознь, были перевезены на ямской дворъ. На томъ дворѣ было собрано множество людей. Посадили ихъ въ избѣ темной и тѣсной, такъ что сначала, сидя по угламъ, въ темнотѣ, между множествомъ народа, онѣ и не знали, что находятся вмѣстѣ, въ одной избѣ. Онѣ догадывались, что привезли ихъ на пытку; но думали также, что можетъ быть хотятъ послать ихъ куда нибудь въ заточенье. Подконецъ Морозова поняла, что ихъ ожидаетъ непремѣнно пытка и провѣдавъ, что и родная ея двоюница находится тутъ же, а между тѣмъ невозможно бесѣдовать съ ними и укрѣпить ихъ на терпѣніе,—подала имъ знакъ, позвяцавши оковами и сказавши мысленно: „любезныя мои сострадалицы! вотъ и я тутъ съ вами. Терпите, свѣты мои, мужески и обо мнѣ молитесь“. Книгинѣ она смогла даже и руку протянуть сквозъ утѣсненіе людское, и сжала ея руку весьма вѣрнѣ, говоря: „терпи, мать моя, терпи“.

Ихъ начали пытать. У пытки присутствовали Кн. Иванъ Ворытинскій, Кн. Яковъ Одоевскій, Василій Волинскій. Въ первыхъ была приведена къ огню Марья Данилова: обнажили ее до пояса, руки назадъ завязали и подняли на стряску и, снявъ съ дыбы, бросили на землѣ. Потомъ повели княгиню. Увидавши, что треухъ ея покрытъ цвѣтною тканью, крикнули ей: зачѣмъ такъ дѣлаешь; ты въ опалѣ царской, а носишь цвѣтное? „Я предъ царемъ не согрѣшила“, отвѣчала княгиня. Покровъ съ треуха содрали и бросили ей одинъ исподъ (подкладку). Точно также и ее обнажили до пояса, подняли на стряску съ завязанными назадъ руками, и, снявши съ древа, вергоша на землѣ тутъ же, подлѣ Даниловой. На послѣдокъ привели къ огню и Морозову. Началъ говорить ей кн. Ворытинскій многая словеса: „Что это ты дѣлаешь, отъ славы въ безславіе пришла? подумай, кто ты и отъ какого рода! Все это приключилось тебѣ отъ того, что принимала въ домъ Кипріана и Федора юродивыхъ и прочихъ таковыхъ; ихъ ученія держалась, потому и царя прогнѣвала“.

Отвѣчала Морозова: „невелико наше благородіе тѣлесное и слава человѣческая суетна на землѣ; и все, о чемъ ты говоришь,—все это тлѣнно и мимоходяще. Послушай, что я скажу тебѣ: помысли о Христѣ, кто Онъ и чей Сынъ и что сотвори; если не знаешь, я расскажу тебѣ: Онъ Господь нашъ, Сынъ Божій, оставившій небеса для нашего спасенія, и жившій во

плоти на землѣ всегда въ убожествѣ; послѣ распятъ былъ отъ жидовъ; такъ и мы всѣ отъ васъ мучимы. Тому ты не удивляешься; а наше мученіе есть уже ничто“.

Тогда власти повелѣли ее связать: „рукавами срачицы ея увиша поконецъ сосецъ и руки на опако завязавъ“, повѣсили на стряску. Она не умогла и укоряла „лукавое ихъ отступление“. За то держали её на стряскѣ долго и висла съ полчаса и ремнемъ руки до жилъ протерли. Послѣ сняли ее и положили рядомъ съ сестрами. На снѣгу нагими спинами съ выломанными назадъ руками лежали они часа три. И иныя казни имъ творили: „плаху мерзлую на перси клали и устрашая къ огню приносили, хотя жечь“. Данилову, кромѣ того, положили при ногахъ Морозовой и Урусовой, били въ пять плетей немилостиво, въ двѣ перемѣны, первое по хребту, второе—по чреву. Думный дьякъ примолвилъ при этомъ боярынямъ: если и вы не покаетесь, и вамъ тоже будетъ. Морозова, видя безчеловѣчіе и многія раны на Маріи, и кровь текущую, прослезилась и сказала дьяку: это ли христіанство, чтобы такъ человѣка мучить! ¹ Наконецъ въ десятомъ часу ночи развели ихъ по своимъ мѣстамъ.

На утро „сотвори царь сидѣніе думати о нихъ“, а на Болотѣ срубъ поставили, потому что въ думѣ предлагали Морозову предать сожженію, да бояре не потянули; а Долгорукій малыми словами, да многое у нихъ пресѣкъ. Между тѣмъ боярыня готовилась уже къ смерти, три дня не ѣла хлѣба и воды не пила. А мати Меланія на Болотѣ у сруба была и пришедъ въ тотъ же день къ боярынь, цѣловала язвы рукъ ея и говорила: „уже и домъ тебѣ готовъ, вельми добре и чинно устроенъ и солагою цѣлыми снопами уставленъ; уже отходишь ты къ желаемому Христу, а насъ сиротами оставляешь!“ Морозова благословила у ней. Мать съ рыданіями ушла отъ нея и направилась къ Урусовой. Тамъ, у окна стоя, смотря на княгиню и обливаясь слезами, она причитала: „гости вы у насъ любезныя! нынче или завтра вы пойдете ко Владыцѣ; но обаче идите симъ путемъ, не сомнѣваясь. Когда предстанете престолу

¹ Сказатель житія, между прочимъ, присовокупляетъ: Марія же по преставленіи бѣшенія, полотенцо, вода по спинѣ своей, все смочила кровію и посла Іоакимову своему (мужу). Въ третій же день со спины струи веіе спадоша, яко чешуя и просиша у нея мученицы и не хотѣ дати за смиреніе; послѣднѣ, принуждена, даде имъ и прочимъ....

Вседержителя, не забудьте и о насъ въ скорбяхъ нашихъ“. Но мы видѣли, что сожженіе, если оно и въ дѣйствительности предполагалось, не должно было совершиться, потому что бояре не потянули.

Черезъ три дня послѣ пытки царь присылалъ будтобы къ Морозовой стрѣлцаго голову съ такими словами: „мати праведная Феодосья Прокопьевна, вторая ты Екатерина мученица! прошу тебя я самъ, послушай совѣта моего, хочу я тебя въ прежнюю твою честь возвести; дай мнѣ такое приличіе, ради людей; чтобъ видѣли, что не даромъ тебя взялъ,—не крестися тремя персты, но только, руку показавъ, поднеси на три тѣ перста. Мати праведная Феодосья Прокопьевна, вторая ты Екатерина мученица! послушай, я пришлю за тобою каптану свою дарскую (возокъ) и съ аргамаками своими, и придутъ многіе бояре и понесутъ тебя на головахъ своихъ. Послушай мати праведная! я самъ царь кланяюся главою моею, сдѣлай это“.

Конечно такое посольство есть чистая выдумка, но оно-то и показываетъ, что со стороны государя и властей употреблены были на самомъ дѣлѣ всѣ мягкія и кроткія мѣры, чтобы убѣдить Морозову и вывести ее изъ заблужденія. Однакожъ ничто не дѣйствовало и она постоянно отвергала всѣ предложенія покинуть свое безуміе. На счетъ каптаны и аргамаковъ она отвѣтила: поистинѣ эта честь мнѣ не велика. Было все это и мимо прошло, ѣзживала въ каптанахъ и въ каретахъ, на аргамакахъ и бахматахъ.... Вотъ, что для меня велико и поистинѣ дивно:—если сподоблюсь огнемъ сожженія, въ приготовленномъ вами срубѣ на Болотѣ. Это мнѣ преславно, ибо этой чести никогда еще не испытала....“

Ее перевезли въ Новодѣвичъ монастырь, подальше отъ города, чтобы отлучить ее отъ своихъ, и велѣли держать подъ крѣпкимъ началомъ и влечить къ церковнымъ службамъ. Въ этомъ случаѣ, подобно Урусовой и боярыня веліе мужество показала и привлекала многихъ къ зрѣлищу своего терпѣнія.

Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ повторились тѣже сцены, что и въ Алексѣевскомъ. И сюда пріѣзжало любопытствовать, подъ видомъ молюбы, такое множество вельможныхъ женъ, что монастырь бывалъ заставленъ рыдванами и каретами. А кто былъ надобенъ и любезенъ Морозовой, изъ своихъ, и здѣсь нашелъ къ ней прямую свободную дорогу: прихождаху къ ней и утѣшаху страдальческое ея сердце.

Вскорѣ однакожъ, чтобы и здѣсь прекратить вельможные приѣзды, царь повелѣлъ перевезти ее снова въ Москву, въ слободу Хамовники, къ старостѣ на дворѣ; а тотъ ей обрадовался радостію великою, потому что, вѣроятно, былъ такой же ревнитель древняго благочестія. И наставница Меланія, и служительница Елена сюда ходили еще свободнѣе и ликовали сообща, со многими слезами.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что единомышленники Морозовой не переставали дѣйствовать за нее и во дворцѣ. Для нихъ очень важно было, если она, такая сановитая и извѣстная особа, запечатлѣтъ мученическою публичной смертію, каково напр. сожалѣніе въ срубѣ, свою преданность „старому православію“ древнему благочестію; не менѣе важно было и то, если она останется, хотя бы и опальною, но все таки знатною боярынею, которая такъ твердо стоитъ за это благочестіе. Тогда въ ея лицѣ и ея связяхъ они всегда находили бы себѣ необходимую поддержку. Возвратить Морозовой ея старое положеніе, при дворцѣ и въ обществѣ, съ сохраненіемъ всего смысла ея новой роли, было, какъ можно полагать, не малою заботою всѣхъ ревнителей упомянутаго благочестія. Ихъ ходотайства проникли наконецъ въ теремъ царевенъ. Старшая сестра царя Алексѣя, царевна Ирина Михайловна начала по праву старшей сестры *дятьчить* царю о Морозовой. „Зачѣмъ, братецъ, не въ лѣпоту творишь, говорила она, и вдову эту бѣдную помыкаешь съ мѣста на мѣсто. Не хорошо, братецъ. Достойно было попомнить службу Борисову и брата его Глѣба (бояр. Морозовыхъ)“. Онъ же, зарыча гнѣвомъ великимъ, отвѣтилъ: „добро, сестрица, добро. Коли ты дятьчишь объ ней, тотчасъ, тотчасъ, готово у меня ей мѣсто“. Хорошо понимая, вѣроятно, въ чемъ дѣло, онъ повелѣлъ перевести страдальцу въ Боровскъ въ жестокое заточеніе. Ее посадили тамъ въ острогъ, въ земляную тюрьму. Но и здѣсь она встрѣтила одну изъ своихъ, инокиню Іустину, за то же страдавшую. Вскорѣ потомъ въ эту же тюрьму перевели и княгиню Урусову и Марью Данилову — и бысть имъ всѣмъ совершенная радость, которая могла поддерживаться еще и тѣмъ, что и въ этомъ жестокомъ заключеніи, они все таки постоянно сообщались съ своими. Мужъ Даниловой, Акинѣй помогалъ имъ тѣмъ, что стрѣleckихъ сотниковъ, которые отправлялись изъ Москвы ихъ караулить, онъ зазывалъ прежде въ свой домъ и углаживалъ (и угощеніемъ и дарами), чтобы не свирѣпы были;

кромѣ того онъ посылавъ въ Боровскъ своего племянника Родіона, который въ темницѣ бывалъ множицею. И другіе многіе тамъ бывали, какъ напр. Елена. И наставница Меланія не однажды посѣтила заключенныхъ. Сюда явилось къ нимъ и новое посланіе Аввакума, написанное даже по образцу посланій апостольскихъ. Изобразивъ преждебывшее красное, но тлѣнное житіе боярыни, онъ останавливается съ новыми восхваленіями на настоящемъ ея подвигѣ, превозноситъ ихъ терпѣніе на пыткахъ: „Что воздамъ вамъ, земніи ангели, небесніи челоуѣцы?“ снова называетъ ихъ выспренными именами, святыми, блаженными, мученицами, исповѣдницами, столпами непоколебимыми, каменіями драгими: акиномъ, измарагдомъ, асписомъ; трисіятельнымъ солнцемъ, немерцающими звѣздами и т. п.: и заключаетъ: „ну, госпожи мои, свѣты! Запечатлѣмъ мы кровію своею нашу православную христіанскую вѣру со Христомъ Богомъ нашимъ, Ему же слава во вѣки. Аминь“.

Вскорѣ лукавый позавидовалъ; начальники узнали обо всемъ и прислали указъ розыскать: кто къ нимъ ходитъ и какъ доходятъ. Памфила нѣкогого, боровитина, пытали, спрашивали гдѣ Родіонъ, а Памфилъ ничего не открылъ. Однажды лежа, а крови его текуще, онъ говорилъ своей женѣ: „Агрипина! Теперь хорошо стало, свободно, отнеси свѣтамъ тѣмъ поскорѣ луку печенаго рѣшето“. Вотъ какія были его вины. Памфила и съ женою послѣ сослали въ Смоленскъ.

Между тѣмъ Родіонъ съ стрѣleckими сотниками не переставалъ помогать узникамъ, доставляя случаи видѣться съ своими. Часто онъ тосковалъ по наставницѣ. Морозова чувствуя скорый конецъ своему подвигу, писала къ ней: „умилосердися, посѣти въ останочное (время)!“ Просила ее взять съ собою и большаго брата, который составилъ и сказаніе о ея жизни.

Это было 11 генв. Они пришли въ 3 часъ ночи. Съ несказанною радостію встрѣтила ихъ Морозова, называла по этому случаю тюрьму свою „пресвѣтлою темницею“, а наставницу именовала равноапостольною и апостоломъ. Говорила: „зачѣмъ, свѣтъ мой, насъ птенцовъ своихъ надолго не посѣщаешь; невозможно намъ безъ твоего наказанія жизнь свою добре пражити!“ и лобызала ея руку. Бесѣдовали они съ нею всю ту ночь. На разсвѣтъ братъ большой и Родіонъ ушли, а Меланія съ Еленою остались на весь день. На другой вечеръ мужчинъ опять долженъ былъ провести къ нимъ сотникъ; но сотникъ не при-

шелъ; это ихъ обезпокоило, однако въ полночь они нашли возможнымъ явиться въ тюрьму, гдѣ на прощаньи учительница сказывала поученіе. На этотъ разъ она дѣлала за что-то имъ упрёки, просила исправиться; какія-то узы брани бѣсовской ихъ связали. Быть можетъ онѣ слабели уже въ своей настойчивости и помышляли о возвращеніи къ своему прежнему положенію. „Если не освободитесь отъ этихъ узъ, окончила наставница, то не помогутъ вамъ и ваши желѣзные узы“. Когда говорила имъ наставница, Морозова держала ее лѣвую руку, а Урусова правую, и, плача, онѣ непрестанно лобызали эти руки.

Видя все это, самъ сказатель житія дивился ихъ разуму; особенно любви и терпѣнію боярыни Морозовой, какъ она смирялась, слушая поученіе; а не повинна ли въ чемъ же, прибавляетъ онъ въ заключеніе.

Такъ прошла зима. Но въ Москвѣ узнали это послабленіе стрѣleckаго караула: воскури дьяволъ бурю велию. На Ѳоминой недѣлѣ былъ внезапно присланъ подъачій Павелъ. Съ великою свирѣпостію прийдя въ темницу, онъ обобралъ все у заключенныхъ, всякія потребности: и брашно-снѣдно, самое скудное, лишнія одежды, малыя книжицы, самыя иконы, писаны на малыхъ доскахъ, — все отнялъ. Былъ большой розыскъ между стрѣльцами о томъ, кто носилъ въ тюрьму потребное, кто допускалъ приходящихъ. Иные повинились, что и сами носили и приходящихъ пускали. И были сотникамъ бѣды великія. О Петровѣ дни былъ присланъ розыскивать дьякъ Кузмищевъ, который Іустину сжегъ въ срубѣ; а для боярынь устроилъ новую темницу, выкопавши ее въ землѣ еще глубже первой; Марью же Данилову перевелъ въ тюрьму, гдѣ злодѣи сидятъ.

Съ этого времени прерваны были ихъ сношенія съ единомышленниками и заключеніе ихъ въ дѣйствительности стало лютымъ и жестокимъ.

Онѣ сидѣли въ глубокой темницѣ, во тѣмъ несвѣтимой; страдали отъ задухи земныя; отъ спершагося земнаго пару дѣлалась имъ тошнота; сорочекъ ни перемѣнять, ни мыть было нельзя; въ верхней худой одеждѣ, которую нельзя было скинуть отъ холода, развелось множество насѣкомыхъ, надававшихъ имъ ни днемъ покою, ни ночью сна. Не оставлено было имъ даже и четоковъ или лѣстницъ, взаимъ которыхъ онѣ навязали 50 узловъ изъ тряпницъ и по тѣмъ узламъ, ~~бѣ~~ на перемѣнахъ, совершали свои изустныя молитвы. Давали имъ только пищу,

„премудрости учительницу, сирѣчь зѣло малу и скудную“: когда сухариковъ пять-шесть дадутъ, тогда воды не даютъ, пить; а когда пить дадутъ, тогда ѣсть не спрашивай.... Иногда яблоко одно или два подадутъ, иногда огурчиковъ малую часть; — но это дѣлали уже изъ жалости стрѣльцы, да и то тихонько другъ отъ друга.

Среди такихъ лишеній княгиня черезъ два съ половиною мѣсяца скончалась. Отъ великаго голода она совсѣмъ ослабѣла, не могла ни цѣпи носить, ни стула цѣпнаго двинуть; стоя, не въ силахъ была молиться и молилась, лежа или сидя. Предъ смертью она просила сестру отпустить ее по закону христіанскому. „Отпой мнѣ отходную: что ты знаешь, ты говори, а что я припомню, то я сама проговорю“. И обѣ они служили отходную одна надъ другой, мученица надъ мученицею, въ темной темницѣ, отпѣвала канонъ; узница надъ узницею изроняла слезы, одна въ цѣпи, возлежа и стоняше, другая въ цѣпи предстоя и рыдаше.

Въ Москвѣ думали, что со смертію сестры, Морозова, быть можетъ, оставитъ свое безуміе и возвратится на путь истины. Съ этою мыслью послали къ ней инока—старца, увѣщевать ее. „Доблестный же адамантъ“, услышавъ намѣреніе инока, покачала головою и глубоко вздохнувъ, сказала ему: „о глубокое неразуміе, о великое помраченіе! какъ вы не поймете этого: когда я и въ дому своемъ была, живши во всякомъ покоѣ, и тогда не хотѣла пристать къ вашей лжи и нечестію, держалась крѣпко православія; не пожалѣла не только имѣнія, но не устрашилась пойти и на страданіе о имени Господни. Потомъ и въ началѣ моего подвига, когда меня заковали и многое уничиженіе мнѣ показывали, я не отступала. Нынѣ ли, когда я вкусила столько сладкихъ подвиговъ, хотите меня отлучить отъ добраго и прекраснаго моего Владыки. Уже 4 года ношу эти желѣза, и радуюсь, и не перестаю лобызать эту цѣпь, поминая Павловы узы. Вслѣдъ за моею возлюбленною сестрой, я и сама готовлюсь скоро отойти туда. Отложите всю надежду отлучить меня отъ Христа. И не говорите мнѣ объ этомъ. Я готова умереть о имени Господни“.

Старецъ будто бы умилился и прослезился, назвалъ ихъ дѣла блаженнымъ и просилъ, чтобы она „потщилась началу ко-
нечъ совершить“. На мѣсто умершей сестры къ ней перевели **Дарью** Данилову. Послѣ того стала изнемогать и **Феодосья** Про-

копьевна. Предъ концомъ призвала она одного изъ стрѣльцовъ и начала ему говорить: есть ли у тебя отецъ и мать? живы они или умерли? если живы, помолимся объ нихъ; если умерли, помянемъ ихъ. Умилосердись, рабъ Христовъ! Очень изнемогла я отъ голода и хочу ѣсть. Помилуй меня, дай мнѣ калачика. — Боюсь господа, отвѣтилъ воинъ. — Ну, хлѣбца. — Не смѣю. — Ну мало сухариковъ. — Не смѣю. — Ну принеси мнѣ яблоко или огурчиковъ. — Не смѣю, былъ отвѣтъ.

И сказала она: добро, чадо! Благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако! Если невозможно тебѣ это, то, прошу тебя, сотвори послѣднюю любовь: убогое это тѣло мое покройте рогожкой и положите меня подлѣ сестры, неразлучно.

На послѣдокъ, чувствуя уже приближеніе своей смерти, она упросила воина вымыть ей грязную сорочку, сказавши: „вотъ хочетъ Господь взять меня отъ этой жизни! Не подобаетъ мнѣ, чтобы это тѣло въ нечистой одеждѣ легло въ нѣдрахъ своей матери земли“. Скрывъ подъ полою, воинъ снесъ сорочку на рѣку и тамъ, моя водою это малое платно, лице же свое слезами омывалъ, помышляя о прежнемъ величествѣ боярыни и о теперешней ея нуждѣ, какъ Христа ради терпитъ, а къ нечестію приступить не хочетъ и для того умираетъ. А всѣмъ было извѣстно, что еслибы хотя мало съ ними сообщилась, то больше прежняго была бы прославлена!

Съ перваго на второе число ноября Морозова тихо скончалась въ своей темницѣ. Въ ту самую ночь мать Меланія, находившаяся гдѣ то въ пустынѣ, видѣла Федосью Прокопьевну во снѣ, облеченную въ схи́му и въ куко́ль, зѣло чуденъ, и сама она была свѣтла и радостна и въ веселости красовалась въ куколѣ, обзирая, всюду и руками вода по одеждамъ, удивляясь красотѣ своихъ ризъ. Непрестанно она лобызала образъ Спасовъ, стоявшій близъ нея и цѣловала кресты на схи́мѣ.

Покойницу по ея завѣщанію скоронили подлѣ сестры, обвивъ тѣло въ рогожу. Черезъ мѣсяцъ скончалась и Марья Даниловна. До сихъ еще поръ памятно народу ихъ дѣло.

„П. М. Строевъ, посѣтившій Боровскъ въ 1820 году, видѣлъ на городищѣ у острога камень, къ которому Боровскіе жители имѣютъ особенное почтеніе, даже кланяются ему до земли¹, рассказывая, что подъ нимъ погребены двѣ княжны, сожжен-

¹ А мы слышали, что служивали надъ нимъ иногда и ванихиды.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличается подвигъ Софьи — царевны. Но не должно думать, что ея подвигъ пролагалъ какой либо новый путь жизни, открывалъ новую силу развитія. Напротивъ, онъ воплощалъ въ себѣ тѣже византійскія начала жизни, служилъ тѣмъ же византійскимъ идеаламъ, только въ другой сферѣ.

Время Софьи на самомъ дѣлѣ было византійскимъ временемъ въ нашей исторіи. Къ концу XVII ст. Московскій Дворъ на самомъ дѣлѣ представилъ зрѣлище Двора Византійскаго, а Москва уподобилась Константинополю, въ вѣка его общественныхъ и политическихъ смутъ. Тогда и въ Москвѣ въ богатыхъ хоромахъ и въ бѣдныхъ избахъ, на улицахъ и площадяхъ, повсѣмъ стогнамъ града, раздавались горячіе толки и споры, сужденія и разсужденія о томъ, какъ вѣровать, какъ спасти себя; толковали и спорили о правой вѣрѣ, о старомъ благочестіи и о новомъ нечестіи; о томъ, какъ складывать персты, сколько разъ говорить аллилуія, сколько просфору употреблять въ служеніи, сколько концовъ должно имѣть изображеніе креста, какъ писать имя Іисусъ, каковы должны быть архіерейскіе клобуки и жезлы, какъ должно звонить на колокольныхъ и т. д. Доходили и до превысшреннихъ вопросовъ: начали даже св. Троицу четверить, отдѣляя особый престолъ, четвертый, для Спасителя. И точно также, какъ въ Византіи, повсюду слышались ярыя анафемы другъ другу. „Что се Господи будетъ! восклицали иные въ недоумѣніи. Тамъ на Москвѣ клятвы всѣ власти налагаютъ на меня за старую вѣру.... И здѣсь у насъ между собою стали клятвы, и свои други меня проклинаятъ, за несогласіе съ ними въ вѣрѣ же....“¹

Современникъ этой эпохи Симеонъ Полоцкій говоритъ между прочимъ: „не тако ли у насъ нынѣ дѣется: нынѣ разглагольствуютъ о богословіи мужіе, разглагольствуютъ и отроки, бесѣдуютъ въ лѣсахъ дивніи челоуѣцы, препираются на торжищахъ скотопродатели, да не скажу въ корчемницахъ пьяные. Напослѣдокъ и буія женишца (женщины) словопрѣніе дѣютъ безумное, мужемъ своимъ и церкви пререкающе....“²

Въ царскомъ дворцѣ копошились подземныя, тайныя козни, интриги, поднимались мгновенно и мгновенно падали и погибали

¹ Дьяконъ Ѳеодоръ въ письмѣ противъ Аввакума.

² Вечера душевная, Приб. л. 5—7.

ли люди; неистовствовали стрѣльцы въ самыхъ внутреннихъ конюшняхъ Двора, совершая убійства у самаго его крыльца; неистовствовали ревнители стараго благочесія въ самой Грановитой Палатѣ, ведя съ патріархомъ торжественный публичный споръ о вѣрѣ, въ присутствіи царицы и царевенъ.... Словомъ сказать, въ это время византійская идея торжествовала въ Москвѣ со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ видахъ.

Къ довершенію изумительнаго подобія съ Византіей и въ Москвѣ въ образѣ царя является постница дѣвица, и тутъ же съ нею является цѣлый рядъ дѣлъ и событій, съ полнѣйшимъ отпечаткомъ своихъ византійскихъ первообразовъ.

Византійская культура понятій и здѣсь выростила свой плодъ, царевну Софью, которая по идеалу византійскихъ женщинъ снѣлою рукою взялась дѣлать царское дѣло.

У царя Алексѣя Михайловича осталось большое семейство: три сестры, потомъ два сына и шесть дочерей отъ первой супруги, сынъ и двѣ дочери отъ второй, которая осталась вдовою. Въ сущности, вся эта семья распадалась на два рода, по происхожденію царицъ. Старшее племя принадлежало роду Милославскихъ, младшее -- роду Нарышкиныхъ. Старшее племя было сильнѣе и по своему составу, и по возрасту лицъ, и по числу, и по характеру приближенныхъ людей, обыкновенно все царскихъ родственникововъ, а также родственникововъ этимъ родственникамъ и т. д. Младшее племя было слабѣе, потому что по молодости положенія не успѣло еще пустить во дворцѣ и государствѣ такихъ широкихъ и глубокихъ корней, связей, на какихъ давно уже держался родъ Милославскихъ. На сторонѣ Милославскихъ, кромѣ того, было право старшинства; наследниками престола являлись двое сыновей Милославской, старшихъ по возрасту, Федоръ и Иванъ. Но и тотъ и другой были слабы здоровьемъ, а Иванъ былъ слабъ и умомъ. Такимъ образомъ право родового старшинства должно было уступить праву государственныхъ интересовъ и наследіе престола по необходимости клонилось на сторону Нарышкиныхъ, на сторону здороваго и умнаго ребенка, царевича Петра, у котораго къ тому же была мать и мать — царица Наталья, по смыслу своего положенія все такъ старшая во всей царской оставшейся семьѣ, старшая своимъ царственнымъ вдовствомъ, не только въ своемъ, но и въ другомъ, чужомъ родѣ.

Къ несчастію это именно обстоятельство и послужило сѣмиемъ нескончаемой вражды и ненависти между двумя родами. Для Милославскихъ царица Наталья Кирилловна была уже тѣмъ ненавистна, что она была имъ мачиха, а мачиха въ родовомъ быту по естественной причинѣ всегда становилась какъ бы поперекъ дороги для дѣтей и родичей первой жены, всегда вносила охладу въ любовь отца къ старой семьѣ, по той причинѣ, что являлась представителемъ и естественнымъ покровителемъ своей новой семьи. Здѣсь къ источнику одной нераздѣльной семейной любви сходились два другъ другу чуждыхъ рода, которые вѣчно и боролись за свое право стоять ближе къ этому источнику. Около царскаго престола такимъ образомъ собралось въ это время достаточно обоюдной вражды и ненависти. Всталъ родъ на родъ и начались усобицы. По законному порядку царское наслѣдство получилъ старшій изъ сыновей Ѳеодоръ Милославскихъ. Подземныя, никѣмъ невидимыя силы дворскихъ интригъ тотчасъ и обнаружили свое дѣйствіе. Нарышкины подверглись гоненію, отъ нихъ отнятъ былъ самый сильный человѣкъ изъ родственниковъ, бояринъ Матвѣевъ. Царицу и съ малолѣтнимъ царевичемъ намѣревались даже совѣсть выселить изъ Кремля, т. е. изъ государева дворца.

Само собою разумѣется, что Ѳеодоръ упразднилъ бы значеніе и вліяніе и того и другаго рода, если бы царствовалъ долго, ибо въ такомъ случаѣ родъ его царицы, новый родъ, постепенно вытѣснилъ бы прежнихъ старыхъ дворскихъ родичей. Но онъ, какъ мы сказали, былъ слабъ здоровьемъ и умеръ преждевременно, оставивъ 15-лѣтнюю вдову, царицу Марфу Апраксиныхъ.

Наслѣдство по порядку старшинства должно было перейти къ царевичу Ивану Милославскихъ, слабому и здоровьемъ, и умомъ. Тогда уже не родъ Нарышкиныхъ, въ это время безсильный, а здравый разумъ боярства и дворянства опредѣлилъ быть на царствѣ царевичу Петру, а не Ивану, тѣмъ болѣе, что и самъ болѣзненный Иванъ съ охотою отказался царствовать.

Все это было обдуманно, конечно, не въ тотъ одинъ часъ, когда скончался царь Ѳеодоръ. Объ этомъ думали и гадали еще при его жизни, видя безнадежное его положеніе. Но такъ думала одна сторона, держа въ умѣ вмѣстѣ съ личными и общіе выгоды царства; другая сторона, родъ Милославскихъ думалъ иначе и также, предугадывая событія, готовился заранѣе защищать свои выгоды и права.

ченіе въ государствѣ, чего никогда не бывало и никогда не могло быть въ обыкновенное время, о чемъ невозможно было и подумать, о чемъ никогда не могли думать и сами царевны. Но такова сила историческихъ обстоятельствъ. Они дѣлаютъ иной разъ чудеса. Государственная смута выдвигаетъ впередъ, на первое мѣсто именно то, что такъ заботливо и попечительно, съ такими авторитетными поученіями цѣлые вѣка пряталось назадъ, подальше отъ людскихъ глазъ. Государственная смута выдвигаетъ впередъ, на первое мѣсто, запятанный въ глубинѣ двора дѣвичій теремъ, даетъ ему небывалый политическій смыслъ, успѣваетъ водворить этотъ смыслъ въ дѣвичьемъ умѣ, въ томъ именно умѣ, который никогда и ни въ какомъ случаѣ и не признавался за умъ, которому внимать было стыдомъ и посрамленіемъ для всякаго мужчины, т. е. для ума настоящаго. „Да что на тебя дивить? У бабы волосы долги, да умъ коротокъ!“ писалъ Аввакумъ къ своей возлюбленной ученицѣ боярыни Морозовой. И вдругъ этотъ короткій умъ становится умомъ цѣлаго событія, нѣсколькихъ событій, умомъ всего государства. Какъ же не подивиться этому! Государственная смута создаетъ дѣвичьему терему положеніе, о какомъ никогда не могли мечтать всѣ Аввакумы нашей старины. И теремъ самъ чувствуетъ, что такое положеніе ему по плечу, что достаетъ у него силы удержать за собою это положеніе. Словомъ сказать, дѣвичій теремъ какъ бы въ отщепеніе за свое удаленіе отъ живой жизни перемудряетъ мудрость цѣлыхъ вѣковъ, выступаетъ на сцену исторіи и мутитъ царствомъ; производитъ въ государевомъ дворѣ революцію, становится заводчикомъ неслыханнаго кроворазлитія и въ 1682 г. во время стрѣлцкой казни бояръ, и въ 1698 г. во время царской и боярской казни стрѣльцовъ.

Въ теремѣ дочерей царя Алексѣя было шесть дѣвицъ, уже возрастныхъ, стало быть способныхъ придавать своему терему разумное и почтительное значеніе. Въ годъ смерти ихъ брата, царя Федора, когда теремъ явно выступилъ впередъ, старшей царевнѣ Евдокіи было уже 32 года, младшей Θεодосіи 19 лѣтъ. Средній возрастъ принадлежалъ, по порядку старшинства, третьей царевнѣ Софѣ; ей было около 25 лѣтъ. Второю по старшинству Марѣ было 29 лѣтъ, четвертою—Екатериною 23 года, пятою—Марѣ 22 года. Все такія лѣта, которыя полны юношеской жизни, юношеской жажды. Естественно было встрѣтить въ эти лѣта и юношескую отвагу, готовность выр-

ваться изъ кѣтки на свободу, если не полную готовность, то немудреную мечту о томъ, что жизнь на волѣ была бы лучше монастырской жизни въ теремѣ. Вѣдь жили же люди свободно, такіе же православные, такіе же дѣвы, на пр. въ древнемъ Цареградѣ: такіе же дѣвы управляли тамъ государствомъ. Сестры царевны это знали. Они не могли этого не знать, потому что весь кругъ ихъ познаній, ихъ начитанности заключался именно только въ знакомствѣ съ византійскою исторіею и литературою. Уставъ каждагодневной жизни требовалъ чтенія, какъ душеполезнаго подвига. Кромѣ поученій на каждый день, онѣ читали житія; и конечно житія св. женъ были для нихъ несравненно и назидательнѣе, и любопытнѣе другихъ житій. Здѣсь онѣ знакомились не только съ иноческими идеалами, но и вообще съ условіями, мотивами, формами, порядками и событіями византійской жизни. Въ это время онѣ должны были особенно хорошо знать византійскую исторію, ибо въ міру двигался расколъ, шли непрестанные толки и споры о вѣрѣ, которые очень часто утверждали свои положенія на этой исторіи. На каждомъ шагѣ приходилось если не читать, то слышать о томъ или другомъ событіи этой исторіи, о той или другой исторической личности. Припомнимъ, что въ 1682 г. царевны сами ходили разсуждать съ раскольниками о дѣлахъ вѣры въ Грановитую Палату. Знакомые терему люди, въ числѣ которыхъ находился, напр. такой знатокъ тогдашней книжности, какъ Сильвестръ Медвѣдевъ, не говоря уже о его учителѣ, Симеонѣ Полоцкомъ, который, какъ увидимъ ниже, едва ли не былъ главнымъ просвѣтителемъ терема, — всегда съ роболѣпіемъ готовы были и указать и рассказать все то, что было нужно, или что возбуждало особое любопытство. Съ большою вѣроятностью возможно полагать, что теремъ часто разсуждалъ о томъ, какъ жила и что дѣлавали когда-то въ Цареградѣ тамошніе цари и царицы. Подражаніе Цареграду обнаруживалось во многомъ. Отецъ царевенъ Алексѣй Михайловичъ, даже въ украшеніяхъ своего дворца прямо бралъ за образецъ дворецъ Цареградскій: и у него также, какъ у тамошнихъ царей, по сторонамъ трона, лежали рыкающіе львы¹. Все это было, конечно, вычитано въ *царствыи* историческихъ книгахъ. Немудрено что, подражая формамъ быта, подражали и византійскимъ поступкамъ, тѣмъ болѣе,

¹ Дом. бытъ царей т. I, стр. 150, 356.

что вся культура знанія или образованности шла оттудаже, вся выработка мысли и даже воображенія была построена по византійскимъ началамъ. Къ этому приводила вся наша старая книжность, чтеніе и ученіе.

Византійская литература и исторія воспитывала умы, оправдывая или обличая поступки и подвиги своими примѣрами, направляя самую жизнь къ своимъ идеаламъ. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ справлялись съ нею, какъ съ мудрою совѣтницею. Такимъ образомъ умы терема были по необходимости исполнены понятій и идеаловъ византійскихъ. При жизни отца, въ теремѣ, конечно, господствовали одни только постническіе идеалы. Тѣ же идеалы остались бы господствующими и при жизни брата, т. е. до конца, еслибъ этотъ братъ, царь Ѳеодоръ, обладалъ прочнымъ здоровьемъ, былъ бы проченъ на царствѣ. Но именно болѣзненное и безнадежное состояніе его здоровья и было причиною, что идеалы терема устремились къ другимъ дѣламъ. Болѣзнь царя подавала не малый поводъ и не однимъ царевнамъ размышлять о томъ, что будетъ съ царствомъ или иначе, что будетъ съ людьми приближенными, къ царскому родству Милославскихъ. Болѣзнью Ѳеодора почва Милославскихъ колебалась. Единымъ прибѣжищемъ оставался цвѣтущій здоровьемъ и возрастомъ теремъ. Можно съ большою основательностью думать, что въ виду такихъ обстоятельствъ еще при жизни Ѳеодора по терему стала ходить византійская мысль о возможности при слабомъ и неспособномъ братѣ править государствомъ способной сестрѣ. Мысль очень смѣлая для русской жизни, но она твердо опиралась на авторитетъ той же исторіи, которая укрѣпила въ этой русской жизни и самый идеалъ терема. При томъ знакомая исторія указывала превосходный образъ для подражанія, какъ нельзя лучше подходившій ко всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, сохранявшій въ своихъ чертахъ все то, чего требовали и умъ, и нравъ, и все благочестіе вѣка. Таковъ именно былъ образъ византійской царевны Пульхеріи.

Пульхерія была дочь императора Аркадія и Евдокіи, гонительницы Іоанна Златоуста. По смерти отца она осталась съ малолѣтнимъ братомъ Ѳеодосіемъ и тремя сестрами. Въ первое время государствомъ управлялъ пѣстунъ царя-отрока, персіянинъ Антиохъ, который однакожъ по неизвѣстнымъ причинамъ вскорѣ былъ удаленъ и правительницею явилась Пульхерія, девятнадцатилѣтняя дѣвица, принявшая вмѣстѣ съ тѣмъ и ти-

туль Августы. Она управляла имперією изящно, какъ свидѣтельствуя лѣтописцы, и воспитывала брата въ благочестіи и во всякихъ добродѣтеляхъ. Великая набожность и благочестіе были наилучшими украшеніями ея царственного сана.

Подражая идеаламъ иночества, она дала обѣтъ сохранить до конца дней свою дѣвственность, чему послѣдовали и ея сестры.

Царскій дворецъ такимъ образомъ сталъ уподобляться монастырю. Царевна строила церкви, богадѣльни, больницы, монастыри, опредѣляя имъ изъ царской казны пристойное и довольное содержаніе. Братъ Θεодосій, достигшій уже возраста, былъ мало способенъ къ царскимъ дѣламъ и постоянно нуждался въ опеку, а потому правленіе государствомъ оставалось въ рукахъ Пульхеріи почти во все время его долгаго царствованія. Она его женила на одной афинянкѣ Евдокіи. Наилучшая характеристика его царскихъ дѣлъ заключается въ слѣдующемъ анекдотѣ. Онъ имѣлъ обычай подписывать свои указы, не читавши, отъ чего, конечно, людямъ много бѣдъ бывало. Сестра много разъ вразумляла его, но напрасно. Чтобы нагляднѣе показать ему, къ чему ведетъ эта царская лѣнь и небрежность, она однажды подала ему для подписи указъ, въ которомъ царь отдавалъ сестрѣ въ рабство свою жену — царицу. Указъ, по обыкновенію, былъ подписанъ. Пульхерія взяла къ себѣ Евдокію, какъ рабу, „сребромъ купленную“. Царь оскорбился и зѣло вознегодовалъ на такое насиліе сестры. Но ему былъ поданъ имъ подписанный указъ. Съ тѣхъ поръ Θεодосій оставилъ свое безуміе, говоритъ лѣтописецъ.

Впослѣдствіи интриги евнуховъ, а можетъ быть и царицы Евдокіи успѣли посорить брата съ правительницею и она была изгнана изъ царскихъ чертоговъ; но это продолжалось не долго. Она снова возвратилась во дворецъ и управляла царствомъ до самой кончины брата. Послѣ Θεодосія царство уже по праву долгаго правительства принадлежало ей. Но въ то время, и въ Византіи еще не было обычая, чтобы женщина, а тѣмъ болѣе дѣвица, прямо заступала мѣсто и лицо императора. Опасаясь нарушеніемъ этого обычая возбудить толки и неудовольствіе въ народѣ и желая однакожъ сохранить за собою царственное положеніе, Пульхерія избрала въ императоры, т. е. избрала себѣ въ мужа одного изъ бояръ, начальника императорской гвардіи, Маркіана, человека простаго, но весьма достойнаго, и благочестиваго. Она предложила ему императорскій

санъ и свою руку подъ клятвою „соблюсти дѣвственную чистоту неосквернену“. Въ то время ей было уже 54 года. Такимъ образомъ до конца дней она осталась дѣвою непорочною.

Обстоятельства этой византійской исторіи во многомъ сходились, какъ упомянуто, съ обстоятельствами, въ которыхъ находилась въ описываемое время исторія Московская, и идеалъ царевны Пульхеріи долженъ былъ особенно привлекать умы московскихъ царевенъ, точно также посвящавшихъ дни свои благочестивымъ подвигамъ и иноческому безбрачію. Было очень много родственнаго въ положеніяхъ лицъ, отдаленныхъ другъ отъ друга слишкомъ на двѣнадцать вѣковъ. Здѣсь, на самомъ дѣлѣ, въ живыхъ подвигахъ и поступкахъ, высказывалась та великая истина, что сѣмена извѣстной умственной и нравственной культуры, въ какое бы время они не были положены въ почву народнаго развитія, рано ли, поздно ли, всегда должны вырастить свои плоды. Древнерусскій и собственно московскій теремъ былъ именно такимъ плодомъ. Его сѣмена конечно жили еще въ то время, когда и русскаго имени не слышалось на землѣ. Перенесенныя вѣтромъ цивилизации въ эту простую, непосредственную почву, которая именовалась Русскою землею, они медленно, но неизмѣнно росли, развивались и воспроизвели жизненные формы, во всемъ подобныя своимъ первообразамъ.

Примѣръ благочестивой Пульхеріи былъ силенъ именно по особенной нравственной чистотѣ, по особенному благочестію, какъ представлялся ей образъ лѣтописцами. Этотъ самымъ наиболѣе и оправдывалось подражаніе ему.

Когда стало всѣмъ извѣстно, что молодой царь долго не проживетъ, мысль воплотить на дѣлѣ исторію Пульхеріи должна была получить рѣшительное направленіе. Теремъ долженъ былъ показать всѣмъ, что онъ не только существуетъ, но и имѣетъ право присутствовать въ великую минуту государственнаго событія, что онъ не только членъ семьи, но и ревнитель государственнаго дѣла. Первый шагъ однакожъ былъ очень труденъ. Требовалась сильная и смѣлая дѣвичья рука, которая могла бы отпереть эти замкнутыя вѣками теремныя замки, отворить эти заржавѣвшія теремныя двери. Теремъ былъ силенъ своею ненавистью къ мачихѣ и ко всему ея роду; онъ воспитался въ дворской подземной борьбѣ, стало быть его герои, за исключеніемъ развѣ одной только старшей сестры Евдокіи, обладали достаточною энергіею и вовсе не походили на смирен-

ныхъ и кроткихъ монастырокъ, что они и доказали впоследствии. Но смѣлая для потаенныхъ подвиговъ, онъ робѣли всенародныхъ очей, имъ страшно было выйти на площадь, страшно было откинуть свою постническую фату и смѣлыми глазами взглянуть прямо въ лицо міру, мірскимъ дѣламъ. Между тѣмъ въ этомъ заключался весь смыслъ перваго подвига.

Страшно было потому, что убѣжденіе стараго вѣка почитало такой подвигъ великимъ позоромъ, великимъ соблазномъ и поношеніемъ, не только для царскаго дома, но и для всей Палаты, и для всего народа. Требовалось большого и очень хитраго ума, чтобы не уронить самое дѣло и провести его до конца, нисколько не оскорбляя общественной совѣсти. Теремъ выставилъ именно такой умъ. Герой явился въ лицѣ средней царевны Софьи.

Теремъ началъ обнаруживать свои стремленія самымъ незамѣтнымъ образомъ. Онъ выразилъ непомѣрное горе о болѣзни брата — царя и безпрестанно посылалъ спрашивать о состояніи его здоровья, присовокупляя къ этому свои скорби о томъ, что не можетъ видѣть больного, помогать ему, служить у его постели; что въ такое время разлука съ любимымъ братомъ очень огорчаетъ и печалитъ сестеръ и особенно Софью, сильнѣе другихъ заявлявшую о своей привязанности къ брату. Въ такое именно время и небыло ни малѣйшихъ основаній отказывать желанію сестры. Это было бы безчеловѣчно. Такимъ образомъ двери терема растворяются и Софья является у постели больного, ходитъ за нимъ, не отлучается отъ него ни на шагъ, сама подаетъ ему всѣ лѣкарства. Такой шагъ изъ терема, по крайней мѣрѣ съ виду не только никого не могъ смущать, но и возвышалъ добродѣтели царевны. Необыкновеннаго и необычнаго въ этомъ случаѣ было только то, что царевна по необходимости являлась предъ ближними боярами и всѣми ближними людьми, которые окружали больного.

Предсмертная болѣзнь Федора продолжалась недолго. 16 апрѣля 1682 г., въ день свѣтлаго Воскресенія, онъ еще совершалъ торжественный выходъ къ заутрени въ Успенскій Соборъ, а 27 числа къ вечеру его уже не стало. Погребеніе по обычаю того времени совершилось на другой же день. По такому же обычаю, принятому въ царскомъ дворцѣ, царскій гробъ всегда провожали только вдовствующая царица и государь наслѣдникъ. Остальные члены царскаго семейства прощались съ покойни-

комъ во дворцѣ и въ соборѣ на погребеніе никогда публично не выходили. На похоронахъ царя Алексѣя присутствовали только его сынъ Ѳеодоръ, наследникъ царства, (котораго при этомъ, вѣроятно за болѣзнь, несли въ креслахъ комнатные столыники) и вдова умершаго царя, царица Наталья Кириловна, которую несли въ санихъ дворяне.

Точно также на погребеніи царицы, бывалъ одинъ государь и изъ сыновей „объявленный“ наследникъ престола. Такъ въ 1669 г. марта 3, за гробомъ царицы Марьи Ильичны шелъ только царь и царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, за годъ передъ тѣмъ всенародно объявленный наследникомъ престола. Другіе царевичи Ѳеодоръ и Иванъ и всѣ царевны, сестры и дочери царя, не слѣдовали за гробомъ матери и оставались въ это время въ своихъ хоромахъ.

Покрайней мѣрѣ такъ объ этомъ свидѣлствуютъ современные разрядныя записки, вопреки словамъ Котошихина, который вообще говоритъ, что на провожаніи бывали всѣ члены царскаго семейства. Но такъ какъ это провожаніе было церемоніальнымъ всенароднымъ выходомъ, а на подобныхъ выходахъ по свидѣтельству тѣхъ же официальныхъ записокъ дѣти и всѣ семейные государя никогда не являлись, и только крайній случай царской смерти давалъ мѣсто въ такой церемоніи одной вдовствующей царицѣ, о чемъ тѣ записки всегда и упоминаютъ, то слова Котошихина можно объяснить лишь тѣмъ, что онъ не разумѣлъ здѣсь выхода публичнаго.

Вѣрно одно, что въ такихъ церемоніяхъ присутствовали только царь и царевичъ наследникъ. Старый ~~чинъ~~ двора, чинъ всей публичной его жизни никого изъ домашняго міра не допускалъ на подобные публичные, официальные и церемоніальные выходы.

На погребеніи царя Ѳеодора долженъ былъ присутствовать избранный въ самый часъ его кончины десятилѣтній царь, Петръ Алексѣевичъ. По необходимой причинѣ, по случаю его малолѣтства, его сопровождала вдовствующая царица-мать, Наталья Кириловна. Пятнадцатилѣтнюю вдову умершаго царя, царицу Марѳу Матвѣевну Апраксиныхъ, несли въ санихъ столыники, до Краснаго крыльца, а потомъ дворяне. Но рядомъ съ избраннымъ царемъ, также церемоніально, по царски, вышелъ на провожаніе и теремъ въ лицѣ царевны Софьи. Подвигъ былъ очень смѣлый и дерзкій, даже наглый, ниспровергавшій старыя обычаи и позорившій ~~чинъ~~ благочестивый ~~чинъ~~ жизни царскаго

дворца. Но для терема онъ былъ неизбѣжнымъ, настоятельно необходимымъ послѣдствіемъ всего того, что постоянно и давно тамъ готовилось. Царица Наталья Кириловна конечно не смогла вынести такой новины, прямо, въ виду всего боярства и всего народа, издѣвавшейся надъ достоинствомъ ея особы, какъ и надъ достоинствомъ малолѣтнаго царя. Лицо дочери царевны, въ этомъ случаѣ, заслоняло своимъ царскимъ выходомъ лицо матери-вдовы. Кромя того, этотъ подвигъ Софьи обнаруживалъ въ полной мѣрѣ, какъ твердо и неуклонно она рѣшалась вести борьбу съ мачихою, идти къ своей властолюбивой цѣли. Когда гробъ поставили на уготованномъ мѣстѣ среди храма, говоритъ современная записка, царь съ матерью, подѣловавъ мощи, изволилъ идти къ себѣ и у обѣдни и на отпѣваньи не былъ. До конца службы и церемоніи оставались только царица Марѳа и царевна Софья. Теремъ пришелъ въ смятеніе отъ такого поступка царицы Натальи и въ лицѣ старшаго поколѣнія, отъ тетокъ Анны и Татьяны, выслалъ ей поученіе, что брату такъ дѣлать негодится и не прилично. Нарушая самъ дѣдовскіе обычаи и старое приличіе, теремъ зорко сторожилъ за ихъ исполненіемъ на противной сторонѣ. Рассказываютъ, и это очень вѣрно, что Софья, провожая брата изъясняла свое горе страшнымъ воплемъ и, идя съ похоронъ, также вопила и причитала предъ народомъ, что „извели покойнаго брата злые люди“, остались мы теперь круглыми сиротами, нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, и ни какого заступника; брата нашего Ивана на царство не выбрали. Умплосердитесь надъ нами сиротами! если въ чемъ провинились мы предъ вами, отпустите насъ живыхъ въ чужіе земли, къ королямъ христіанскимъ ...“¹. Все это было въ порядкѣ тогдашнихъ обычаевъ и вопить на похоронахъ съ причитаньями было прямымъ долгомъ всѣхъ горевавшихъ о покойникѣ. Это было надгробное слово покойнику, гдѣ обыкновенно выставлялись ярко всѣ его добродѣтели и все горе оставшихся по немъ родныхъ. Послѣ похоронъ двери терема затворились и онъ замолкъ. Но онъ умѣлъ пнымъ образомъ разговаривать съ народомъ и особенно со стрѣльцами, сила которыхъ была такъ ему надобна. По городу пошли слухи, одни возмутительнѣе другихъ. Между прочимъ тайкомъ рассказывали, что будтобы братъ царицы Натальи, Иванъ Ки-

¹ Исторія Россіи Соловьева, XIII, 339.

риловичъ Нарышкинъ, только что возвращенный во дворецъ изъ опалы, надѣвалъ на себя царскую порфиру, діадиму и корону, садился на тронъ, говорилъ, что ни къ кому царскій вѣнецъ такъ не пристанетъ, какъ къ нему, что въ этомъ положеніи застала его царица Марѳа и царевна Софья; начали его упрекать за неслыханную дерзость, при царевичѣ Иванѣ; что онъ, соскочивъ съ трона, кинулся на царевича, схватилъ его за горло и чуть не задушилъ ¹.

Подобными сплетнями теремъ очень долго мутилъ царство и вызвалъ наконецъ страшную, безчеловѣчную грозу Петра, порѣшившаго съ ними въ 1698 году. Мысль терема быстро росла, распространялась, наполняла умы стрѣleckихъ сходокъ, охватила почти все слободское населеніе Москвы. Съ небольшимъ черезъ двѣ недѣли слово стало дѣломъ. 15 мая стрѣльцы во всемъ своемъ ополченіи съ копьями, бердышами, ружьями, пушками, стали у царскаго дворца предъ Краснымъ крыльцомъ и потребовали на расправу ненавистныхъ имъ, а главное ненавистныхъ и опасныхъ терему, бояръ и другихъ самовниковъ, особенно родство Нарышкиныхъ. Вышелъ на крыльцо малолѣтній царь Петръ съ матерью царицею, вышелъ царевичъ Иванъ, изъ за котораго и дѣло начиналось, будто онъ задушенъ Нарышкиными; вышелъ святѣйшій патріархъ. Но не здѣсь находилась точка тяготивія стрѣльцовъ; не эти лица могли понятно говорить съ ними; не къ нимъ стрѣльцы и пришли хвалиться своею службою. Тамъ, внутри царскихъ хоромъ, находилась другая, невидимая власть, призвавшая ихъ на собственную защиту и дѣйствовавшая на нихъ, какъ бы электрическимъ токомъ. Передъ тою властью они пришли заявить свою службу и заявили ее: чудовищнымъ кроворазлитіемъ. Имя той власти было—*царевна*. Какъ еще недавно велико было слово *царь*, такъ теперь въ той же мѣрѣ стало великимъ слово *царевна*. Оно теперь повелевало царствомъ, спасало и губило людей. Однимъ этимъ именемъ былъ спасенъ, напр., какъ чужой совсѣмъ челоуѣкъ, Датскій резидентъ въ то самое время, въ которое гибли на копьяхъ сторонники Нарышкиныхъ. „Не трогайте. Это посланникъ. Онъ говорилъ съ *царевною*“, — кричали безпрестанно провожавшіе его стрѣльцы своимъ товарищамъ и тѣмъ вывели его изъ бѣды.

¹ Исторія царств. Петра, г. Устрялова, I, 31.

Понятно, что въ двѣ или три недѣли поднять такимъ образомъ стрѣльцовъ было невозможно и нѣтъ сомнѣнiя, что теремъ при помощи хорошихъ пособниковъ, какимъ, напр., былъ Ив. Мих. Милославскiй, сочинилъ эту плачевную трагедiю въ теченiи всего царствованiя старшаго брата. Воплотивъ мысль терема въ дѣло, стрѣльцы на другой день пришли тоже съ оружiемъ уже не къ Красному крыльцу, а къ Постельному, находившемуся на внутреннемъ царскомъ дворѣ, т. е. пришли поближе къ терему являть ему свою службу. „И выходили къ нимъ говорить государыни царевны, чтобъ они, помня крестное цѣлованье, такъ къ нимъ въ домъ ихъ государевъ не приходили съ невѣжествомъ“. Хорошо было невѣжество! Иванъ Нарышкинъ, котораго требовали теперь стрѣльцы не былъ сысканъ въ это время и царевны упросили оставить дѣло до утра. На третiй день, 17 мая, стрѣльцы, по уговору, явились снова на Постельное крыльцо бесѣдовать съ теремомъ: и къ нимъ выходили говорить государыни царевны. Выдуманный царь Нарышкинъ былъ выданъ, пытанъ, изрубленъ на части и черепъ его взоткнутъ на копьѣ.

На четвертый день, 18 мая, стрѣльцы явились безъ ружья, потому что оружiемъ все уже было сдѣлано, и били челомъ великому государю, т. е. десятилѣтнему Петру, для формальности и (на самомъ дѣлѣ) государынямъ царевнамъ, чтобъ Кирилу Нарышкина, царскаго дѣда, постричь. — 19 мая стрѣльцы выпросили заслуженныя деньги 240 т. и награду по 10 руб. на человека, да пожитки побитыхъ бояръ. — 20-го били челомъ, чтобъ сослать въ ссылки Лихачевыхъ, Языковыхъ и др., а главное, родъ всѣхъ Нарышкиныхъ.

Такъ постепенно, шагъ за шагомъ, теремъ очищалъ себя нѣсто и пролагалъ дорогу къ царственной власти, истребляя или удаляя враждебныхъ и потому опасныхъ для него людей. Стрѣльцы служили дѣйствительно очень усердно и стояли наградъ.

23 мая они пришли на Красное крыльцо и черезъ боярина князя Холмскаго обѣщали царевнамъ, чтобъ въ Московскомъ государствѣ были два царя, царевичъ Иванъ, какъ братъ старшiй, да будетъ черныи: царь Петръ, братъ меньшiй, да будетъ белыи, второй. А кто не захочетъ такъ учинить, то будетъ опять нѣтъ ни малый. Царевны указали собрать Думу и сойтись въ Грановитой палатѣ помыслить объ этомъ

великомъ дѣлѣ. Собралась немедленно дума, говорили много, призвали патріарха съ чиновнымъ духовенствомъ и выборныхъ отъ дворянъ и слободъ, и опять „о томъ бысть многое глаголаніе“. Одни говорили, что двумъ царямъ въ одномъ государствѣ быть трудно; другіе, ораторы отъ терема, доказывали, что дѣло будетъ полезное во многихъ отношеніяхъ, приводили примѣры изъ исторіи, что по два царя бывали, во Египтѣ Фараонъ и Юснѣ, въ Греческомъ царствѣ Василій и Константинъ, также два брата Онорій и Аркадій, дѣти Феодосія Великаго. Византійскія мысли подпирались конечно и византійскими примѣрами, хотя и не совсѣмъ складными. Въ виду стрѣлцкой угрозы: *кто не захочетъ* — конечно ни кто и не противорѣчилъ ораторамъ терема. Всѣ согласились и возвѣстили избраніе звономъ въ большой колоколъ и благодарственнымъ молебномъ, во время котораго оба царя стояли въ соборѣ на царскомъ мѣстѣ и слушали многогласіе.

24 мая царица Софья выборныхъ стрѣльцовъ призвала и службу ихъ похвалила, а впередъ де за ихъ службу милость будетъ. Однакожь, новонареченный царь Иванъ вовсе не думалъ царствовать первымъ, главнымъ. Вѣроятно онъ высказывалъ это, вѣроятно съ нимъ соглашались и другіе члены царской семьи, особенно старшее племя терема, старшія царицы — тетки. Требовалось укрѣпить его мысли, убѣдить его въ необходимости царствовать совмѣстно съ братомъ, что лучше всего было совершить посредствомъ тѣхъ же стрѣльцовъ съ указаніемъ на волю самаго Провидѣнія.

25 мая стрѣльцы опять пришли во дворецъ и возвѣстили Хованскому наединѣ, что постельница царицы Марѣи Алексѣевны говорила, будтобы царь Иванъ Алек. болѣзнуетъ о своемъ государствѣ, что его выбрали; да и царицы о томъ сѣтуютъ, и потому они стрѣльцы хотятъ видѣть ихъ государскія очи. Выбравъ по человѣку изъ полку, ихъ допустили въ царскія хоромы, гдѣ, въ присутствіи царицы, царь Иванъ пожаловалъ ихъ въ руки. Царицы службу ихъ похваляли и спрашивали, зачѣмъ пришли? Стрѣльцы объявили о словахъ постельницы, вопрошая, по чьему наущенію она то говорила. Царицы отвѣтили, что они съ нею съ какими словами не посылали нигуда. Стрѣльцы царицамъ извѣстили, чтобы въ ихъ государскихъ палатахъ никакого смятенія не было, и чтобы государь царь Иванъ на отеческомъ престоли государствовалъ

первенствомъ, а братъ его, чтобъ былъ вторымъ царемъ. Царевны тѣ слова слышали радостно и изволили говорить: „дай Боже смиреніе, а тому де быть можно“,—и стрѣльцовъ за тѣ рѣчи милостиво похвалили. Царь Иванъ тутъ же сказалъ: „желаніемъ, чтобъ быть первымъ царемъ, онъ не желаетъ; но въ томъ буди воля Божія; что Богъ восхощетъ, то и сотворитъ“. Царевны на эти слова прибавили: „въ томъ де воля Божія есть и впредъ будетъ: а они де выборные не собою то говорятъ, но Богомъ они въ томъ наставляемы“.

Какъ скоро утвердилось первенство старшаго брата, то вмѣстѣ съ тѣмъ утвердилось и первенство царевнѣ, единоутробныхъ сестеръ его, надъ ихъ мачихою Натальею Кириловною.

26 мая первенство Ивана утвердилось оофициальнымъ путемъ, соборне. Послѣ того очень естественно было, за малолѣтствомъ братьевъ, правленіе вручить царевнѣ Софѣ, какъ наиболѣе способной представительницѣ первенства старшаго царя. Такъ рѣшено было общимъ голосомъ двора и по челобитью всего народнаго множества.

Царевна по рускому обычаю и приличію много отказывалась, а потомъ согласилась, и „ради государственнаго правленія“, указала боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ видѣть всегда свои государскія пресвѣтлыя очи и о всякихъ государственныхъ дѣлахъ докладывать себѣ и за тѣми дѣлами изволила она государыня сидѣть съ боярами въ палатѣ. И (29 мая) для совершеннаго въ правленіи утвержденія, и во всякихъ дѣлахъ постоянной крѣпости, въ указахъ съ именами братьевъ царей повелѣла писать и свое имя ¹. Когда все устроилось и утвердилось, дворъ принесъ поздравленіе царевнѣ, конечно, вмѣстѣ и съ царемъ Иваномъ.

Теремъ восторжествовалъ. Царемъ стала дѣвица. Дѣвица, вмѣсто монастыря, попала на тронъ, вмѣсто схимы, облеклась въ порфиру. Царь-дѣвица становится государственнымъ, оофициальнымъ лицомъ; какъ царь является на публичныхъ церемоніальныхъ выходахъ. А такъ какъ публичные церемоніальные выходы царя совершались большею частію по случаю церковныхъ празднествъ и разныхъ годовыхъ церковныхъ торжествъ, то дѣвица и на этихъ празднествахъ и въ самомъ храмѣ, во время торжественной службы, или крестнаго хода,

¹ Собраніе Записокъ, Туманскаго, V, 203.

становится изъ мірскихъ первымъ челоѣкомъ. Ей воздаютъ подобающія почести. Такіе небывалые подвиги въ публичной жизни московскаго двора начались было почти съ первыхъ же дней по воцареніи въ государствѣ терема. 11 іюня 1682 г. царемъ слѣдовало торжественно проводить образъ Знаменія Богородицы, посылаемый въ полки въ Казань. Цари вышли и рядомъ съ ними вышла и царевна Софья. Безъ всякаго сомнѣнія малолѣтнихъ царей понудили выйти именно для того, чтобы возможно было выйти и царицѣ, показать себя царскимъ чиномъ всенародному множеству. 16 іюня, вѣроятно по случаю наступавшей коронаціи, оба царя, ~~царевны~~, царица Наталья Кириловна ходили всѣмъ пѣшкомъ на богомолье въ Новодѣвичій монастырь, что также было не совсѣмъ обыкновенно. Никогда небывало, чтобы царевны, т. е. теремъ, — шествовалъ *торжественно* пѣшкомъ по московскимъ улицамъ. А въ этомъ случаѣ теремъ-то и былъ главнымъ лицомъ выхода; ибо цари какъ малолѣтние служили здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, только какъ бы царственною хоругвию въ торжественномъ выходѣ. Царица же сопровождала сына, отъ котораго въ подобныхъ обстоятельствахъ она никогда неотлучалась.

Но еще необычайнѣе поступилъ теремъ, когда онъ вышелъ въ Грановитую Палату спорить съ раскольниками о Вѣрѣ. Это было вскорѣ послѣ упомянутаго пѣшаго богомолья, именно 5 іюля. Событіе въ полной мѣрѣ византійское, какъ мы упомянули.

Въ Грановитой Палатѣ теремъ сѣлъ председателемъ собора, онъ сѣлъ на тронъ. Для двухъ царей тогда было устроено два царскихъ мѣста. На этихъ двухъ царскихъ мѣстахъ возсѣли, на первомъ, старшее племя терема царевна — тетка Татьяна Михайловна; на второмъ, младшее — царевна Софья Алексѣевна. Между ними, промежъ царскихъ мѣстъ сидѣла самая старшая царевна Анна Михайловна, какъ свидѣтельствуется очевидецъ, старовѣръ Савва Романовъ. Подъ ними на креслахъ съ правой стороны отъ царицы сѣли царица Наталья Кириловна, а потомъ царевна Марья Алексѣевна; дальше стояли бояре; съ лѣвой стороны отъ царицы Софьи, въ переднемъ углу палаты, сидѣлъ на креслахъ же святѣйшій патріархъ и власти. Царевна Софья стало быть заняла самое видное мѣсто въ палатѣ; оттого Савва, указывая это сидѣнье, начинаетъ порядокъ мѣстъ съ нея ¹. Казалось бы на первомъ мѣстѣ подобало си-

¹ Исторія царств. Петра, г. Устрялова I, 288.

дѣтъ матерой вдовѣ покойнаго царя Алексѣя, старшаго брата царицы Татяны и отца царицы Софьи, при томъ эта вдова, носившая предъ царицами старшинство мужа, была вмѣстѣ съ тѣмъ и мать царствующаго царя. Но въ государствѣ царствовалъ тогда теремъ, царствовали не цари, а царицы, оттого этотъ именно смыслъ тогдашней исторіи и обнаруживался повсюду, во всякомъ событіи. О царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ старовѣръ Савва говоритъ, что она будто бы три раза присылала къ нимъ, съ приказомъ, чтобъ ни въ соборную церковь, ни въ Грановитую на соборъ они не ходили, чтобъ былъ соборъ или на Лобномъ мѣстѣ, или въ Кремлѣ на площади, промежъ соборовъ. Они дѣйствительно и не хотѣли идти въ Грановитую палату; но патриархъ объяснилъ имъ, что „здѣсь де, въ Грановитой, будетъ царица и царицы, а тамъ (на площади) имъ быть *ззорно* предъ всѣмъ народомъ“, на что старовѣры отвѣчали: „царицамъ государынямъ до того дѣла нѣтъ, достоятъ тутъ царямъ быть, а не царицамъ“. Но съ тѣмъ же предложеніемъ вышелъ къ нимъ и князь Хованскій, увѣряя, что ничего особаго для нихъ старовѣровъ, не случится, что царицы государыни хотятъ тутъ же быти, а здѣсь (на площади) имъ быть зѣло *ззорно*.

Можно, однакожъ догадываться, что необычайные поступки терема производили не совсѣмъ хорошее впечатлѣніе въ народѣ. На томъ же самомъ соборѣ, когда оскорбленная царица Софья, сказавши въ угрозу: „пойдемъ изъ царства всѣ вонъ“, встала съ царскаго престола и съ иконою въ рукахъ отошла съ сажень прочь, а Палата выразила готовность умереть, головы свои положить за царствующій домъ, то иные стрѣльцы тутъ же возгласили: „пора государыни давно вамъ въ монастырь! Полно царствомъ-те мутить! Намъ бы здорово были цари государи, а безъ васъ пусто не будетъ“. И бысть ей *ззорно* вельми и съ великими стыденіемъ сѣде на царское мѣсто, говоритъ Савва. Послѣ такихъ отзывовъ *ззорное* поведеніе терема, конечно, должно было скорѣ присмирѣть. На это указываетъ по крайней мѣрѣ то обстоятельство, что по „умирненіи міра“, по окончаніи стрѣлецкихъ смутъ, почти цѣлые три года теремъ уже не выходилъ на улицу, нигдѣ не являлся предъ глазами всенароднаго множества. Его руководитель царица Софья, снова начала свои публичные выходы, кажется не раньше 1685 г. Въ этомъ году генваря 15—21 она ѣздила съ царемъ Иваномъ

къ освященію большей церкви въ Воскресенскомъ монастырѣ, (Новый Іерусалимъ) на Истрѣ, а 5 іюля явилась съ царями въ Успенскій соборъ къ молебну, праздновать годовщину побѣды надъ раскольниками. Затѣмъ ея выходы годъ отъ году учащаются и въ послѣдній 1689 годъ становятся обыкновенными ¹.

Съ 1685 г. она постепенно, все больше и больше входитъ въ обрядную роль царя, т. е. принимаетъ публичные знаки подобающихъ царю почестей, даже явно требуетъ такихъ почестей; старается при всякомъ торжественномъ случаѣ занять первенствующее царское мѣсто; всегда выходитъ на церковныя праздничныя службы или вмѣстѣ съ братомъ, царемъ Иваномъ, или же съ обоими царями, если выходитъ и другой братъ, Петръ; — иногда шествуетъ въ одной каретѣ съ царемъ Иваномъ. Но нерѣдко она и одна, какъ царь, совершаетъ церемониальный открытый выходъ въ соборъ къ церковной службѣ, соблюдая въ точности всѣ обрядныя дѣйствія: принимаетъ отъ патріарха благословеніе, знаменуется (молится) у мѣстныхъ иконъ и становится, хотя и на царицыномъ мѣстѣ, но съ открытыми запонами или занавѣсами, что и придаетъ этому женскому мѣсту значеніе уже мѣста царскаго. Даже и въ то время, когда въ соборъ идутъ царь Иванъ съ царицею и царевны, она, чтобы выдѣлиться отъ семьи, идетъ особо и входитъ въ церковь особыми и при томъ главными дверями, западными, тогда, какъ тѣ входятъ обыкновенно южными, а царевны даже сѣверными ². На службѣ, напр. у панихиды, когда не требовалось стоять на царскихъ мѣстахъ, Софья всетаки становилась подлѣ царей, именно съ лѣвой стороны, въ то время какъ царица становилась обыкновенно вдали, за царицынымъ мѣстомъ. На панихидахъ патріархъ творить и ей поклонъ, на равнѣ съ царемъ. На праздничныхъ служеніяхъ патріархъ и архіереи кадятъ ее. Однажды она даже и гнѣвалась за то, что ее обошли съ кадиломъ. Вотъ что записано между прочимъ въ уставѣ Успенскаго собора: Въ 1685 г. въ предпразднество Успенію Богородицы на всеошномъ: „царь былъ Іоаннъ Алексѣвичъ и царевна; выходъ былъ со звономъ.... Въ началѣ про-

¹ Въ этомъ году, царевна послала уже ко Вселенскимъ Патріархамъ просить, чтобы могла она носить царскую корону, т. е. короноваться, возложить на себя царскій санъ. Туманскаго, Записки VI, 255.

² Визіюшкин, ч. X; 287; ч. XI, 164, 200, 256, 370, 424.

тономъ кадилъ царя, а послѣ патріарха, потомъ царевну по 3; и послѣ державу (царскую) потомъ посохъ (скиптръ) и начинаеть. И по началѣ кадитъ архіереевъ и всю церковь; и паки кадитъ образы и государя и патріарха: *царевны не кадили, за то былъ мѣлъ*. На „Господи воззвахъ“ — протодіакону указалъ кадитъ въ началѣ государя и себя, потомъ царевну и державу и посохъ и архіереевъ и, окаяя всю церковь, паки образы царя и царевну и потомъ патріарха....“ Очень естественно, что соборный уставъ, могъ ошибаться въ своихъ порядкахъ по новостямъ и небывалости дѣла.

Во „многочѣтномъ поздравленіи“, въ *титлѣ* (титулѣ), архидіаконъ *кличеть* царей и Софію въ одной статьѣ, вмѣстѣ, а потомъ царицъ и царевенъ, особо. Въ пятницу на первой недѣлѣ великаго поста въ соборѣ патріархъ по обычаю освящалъ коливо или *кутью*, которая въ это время освящалась уже на четырехъ блюдахъ, три государскихъ да четвертое патріаршее; изъ государскихъ два блюда назначались для двухъ царей и третье, особое, для Софьи.

Царевна являлась торжественно, по царски, и въ крестныхъ ходахъ, особенно въ монастыри Новодѣвичій и въ Донской; присутствовала по царски на освященіи новыхъ церквей; совершала торжественные отпуски войска въ походы, и встрѣчи изъ походовъ, сопровождая при этомъ полковыя иконы. Въ дни царскихъ именинъ она вмѣстѣ съ царемъ Иваномъ жаловала боярство и служилое дворянство, дѣнковъ и гостей водкою, въ передней палатѣ ¹.

Само собою разумѣется, что во Дворцѣ теремъ царевенъ пользовался еще большею свободою. Здѣсь въ это время онѣ были полновластными хозяевами всего дома, свободно отворяли всѣ двери, даже свободно отпиралъ сундуки съ царскою казною и бралъ казны, сколько было надобно. Извѣстно, что напр., въ 1685—1686 гг. изъ новгородскаго приказа царевны Софьи, Екатерина, Θεодосія брали деньги не одинъ разъ; для Софьи, отпущено однажды 2000 руб. ² Въ прежнее время царевны получали деньги на свои необходимыя надобности или изъ рукъ царицы или изъ рукъ государя; были, такъ сказать, въ дѣтской зависимости отъ отца и матери, или же отъ царя—брата и вообще

¹ Древн. Визл. X, 424; XI, 24. Дворц. Разряды IV, 397.

² Исторія Россіи, г. Соловьева XIV, пр. 190.

отъ хозяина дома. Большія деньги, въ родѣ тысячи, онѣ получали, и то только старшія царевны, въ какихъ либо чрезвычайныхъ случаяхъ, въ видѣ дара. Такъ, напр., по случаю смерти царицы Марьи Ильичны Милославскихъ, царь Алексѣй „велѣлъ поднести по приназу покойной царицы“ царевнамъ, своимъ сестрамъ, а ея золовкамъ, Иринѣ, Аннѣ, Татьянѣ, по тысячѣ рублей¹. Но при Софѣ теремъ уже не затруднился брать казну собственными руками. Была своя воля. Онѣ не затруднились выбирать себѣ надобныя вещи и изъ царскихъ кладовыхъ. Въ расходныхъ запискахъ Оружейнаго приказа читаемъ слѣдующее: въ 1684 г. іюля 2, великая государыня благородная царевна Екатерина Алексѣевна изволила быть въ Оружейной Большой казнѣ; а за нею государынею были *стольники*: Александръ Ивановъ Милославской, Михайло Васильевъ Собакинъ, Антипа Ларионовъ Пятово; *дѣвицы*: Марья Ивановна Шеина, карлица Прасковья Иванова. И указала имъ къ себѣ государынѣ въ хоромы взнестъ оружейной брони: карабинецъ варядной, саблю-полоса булатная, саблю такуюжъ; 2 лука турецкихъ, ножъ булатный, 2 ножа стальные“². Подобное оружіе вносилось въ комнаты къ царевнамъ не одинъ разъ. Нельзя не думать, что онѣ брали оружейную царскую казну для подарковъ и въ награду своимъ приверженцамъ. Изъ приведенной записки мы видимъ также, какимъ образомъ царевны совершали свои дворцовые комнатные выходы; за ними слѣдовали *стольники* (*пажи*) и *дѣвиды*, а также и неизмѣнная сопутница карлица.

Въ 1685 г. царевны выстроили себѣ трехъ-этажныя каменные палаты и великолѣпно ихъ украсили живописью, о чемъ мы говорили въ первомъ томѣ этого сочиненія³. Въ нижнемъ этажѣ этихъ палатъ устроена тогда особая палата, „гдѣ сидѣтъ съ бояры, слушать всякихъ дѣлъ“, т. е. устроена и въ дѣвичьемъ терему думная боярская комната. Въ этихъ палатахъ, въ числѣ разныхъ живописныхъ изображеній, находились также и

¹ Расх. Кн. Тайнаго приказа 7178 г. марта 10.

² Расходъ оружейной брони съ 13 іюня 1682 г. отпускаемой въ хоромы къ царямъ и царевнамъ, и выдаваемой по указу разнымъ лицамъ, при сидѣннхъ боярина и Оружейничаго Петра Вас. Шереметева. Столбцы Арх. Ор. Пал.

³ Для царицы Натальи Кирилловны съ сыномъ Петромъ тогда были выстроены хоромы деревянными. — Дом. бытъ царей т. I. 65, 134.

персоны благовѣрныхъ царевенъ, которыя сначала изобразили было себя въ *порфирахъ*, но потомъ, вѣроятно одумались, вслѣдствіе какихъ либо дворскихъ толковъ, и велѣли написать вмѣсто порфиръ *шубки* съ кружевы обнизыми и съ каменья ¹.

Очень понятно, что, когда теремъ сталъ владыкой царскаго дома, около него должна была собраться толпа искателей его милости и устроителей своего благополучія. Царевенъ, какъ подобало, окружила лестъ тогдашней учености и книжности въ лицѣ придворнаго *учителя* Симеона Полоцкаго и достойнаго его ученика Сильвестра Медвѣдева съ ихъ друзьями. Царевнамъ, какъ и въ прежнее время ихъ отцу, а потомъ брату, эти придворные стихотворцы писали *на виршахъ* поздравленія и привѣтствія, нѣчто въ родѣ одъ, въ которыхъ непомѣрно восхваляли ихъ высокія достоинства, дарованія и добродѣтели. Такія вирши писались каллиграфически на особыхъ разцвѣченныхъ красками листахъ и царевны помѣщали ихъ въ своихъ комнатахъ на стѣнахъ, въ рамкахъ, вмѣстѣ съ фризскими листами (эстампами). Мы видѣли уже (томъ I, стр. 170), что подобныя „поздравленія“ царевны Софьи и царевны Θεодосіи, висѣли въ комнатахъ у Софьи.

Должно замѣтить, что теремъ, еще при жизни брата царя Θεодора, вошелъ уже въ непосредственныя сношенія съ учеными и книжными людьми и именно съ Симеономъ Полоцкимъ, который и безъ того былъ очень близокъ царскому семейству. Вотъ что онъ пишетъ въ своемъ „врученіи“ или посвященіи царевнѣ Софѣ сочиненной имъ книги, катихизиса, подъ заглавіемъ „Вънецъ Вѣры“, которая однако послѣ заподозрѣна была въ неправославіи.

О благороднѣйшая царевна Софѣя,
Ищещи премудрости выну небесныя.
По имени твоему (Софѣя—мудрость) жизнь твою ведеши:
Мудрая глаголеши, мудрая дѣеши....
Ты церковныя книги обыкла читати
И въ отеческихъ свитцѣхъ мудрости искати....

Затѣмъ Полоцкій объясняетъ, что царевна, узнавши о томъ, что сочиняется эта новая книга, „возжелала сама ее созерцати и еще въ черни бывшу (черновую) прилежно читати“; потомъ,

¹ Арх. Оп. Пал. № 263.

убѣдившись, что книга и въ духовности полезна, велѣла устроить ее чисто, т. е. переписать набѣло, устроить ее въ книжный видъ, въ которомъ авторъ и подноситъ ее царевнѣ. Само собою разумѣется, что тутъ же авторъ вручаетъ и себя милостямъ царевны и по этому случаю восхваляетъ милосердіе, говоритъ, что оно елей и что елей мудрымъ дѣламъ необходимъ бываетъ.

Мудрѣйшая ты въ дѣвахъ! убо подобаетъ
 Да свѣтильникъ сердца твоя свѣтъ сіять:
 Обилуя елеемъ милости къ убогимъ,
 Сію спряжа доброту къ инымъ твоимъ многимъ.
 Но и сопряга еси, ибо серебро, злато, —
 Все обратила еси милостивѣй на то,
 Да нищимъ расточиши, нишамъ даеши,
 Молитвъ о отцѣ твоимъ теплымъ требуеши.
 И азъ грѣшникъ многажды сподобихся взяти,
 Юже ты милостыню велѣ щедро дати....¹

Это поднесеніе книги происходило еще при жизни царя Федора, не позже 1678 года, ибо стихотвореніе внесено Полоцкимъ въ особый сборникъ, риѣмологіонъ — стихословъ, составленный въ этомъ году. Тогда Софѣ было около 20 лѣтъ; такъ рано она уже является начитанною и знакомою съ книжными людьми.

Ученикъ Полоцкаго Медвѣдевъ также не одинъ разъ восхвалялъ царевну подобными же виршами, которыя иногда бралъ цѣликомъ у своего учителя. Между прочимъ въ 1685 г. онъ написалъ *врученіе* премудрой царевнѣ привилегіи на академію, длинное посланіе о высокомъ значеніи науки, о необходимости водворить ее на Руси; о томъ, что сама мудрость — Софья царевна только и была способна совершить это великое дѣло.

Мудрости бо ти нима подадеша,
 Грекомъ Софія мудрость наречеша:
 Тебѣ бо слично науки начати,
 Яко премудрой оны совершати....

Далѣе авторъ говоритъ, что, какъ Ольга свѣтъ вѣры явила, такъ и царевна хочетъ явить Россіи свѣтъ науки; что она первая здѣсь мудра явилась; что предивно Господь ее избралъ пра-

¹ Лѣтописи Русской Литературы и Древности г. Тихомирова VI, 86.

вить царствомъ, которое отъ всѣхъ бѣдствій она хранитъ, какъ зеницу ока; что многіе прежде жили въ Россіи князи и цари, но ни одному Богъ не далъ дара „мудрость Россамъ показать“; и т. д.

Наконецъ ее возвеличили сопровожденіемъ семи даровъ Духа Святаго. Эти дары были описаны съ величайшею лестію въ особой книжкѣ: „Дары Духа Святаго“, съ приложеніемъ гравированнаго изображенія царей и царевны, и на другомъ листѣ кн. Голицына и иныхъ персонъ. Затѣмъ явился особый гравированный портретъ царевны съ аллегорическими изображеніями такихъ же даровъ, сирѣчь добродѣтелей. Въ книжкѣ описаны слѣдующіе дары: мудрость, разумъ, совѣтъ, крѣпость, благочестіе, видѣніе въ законѣ Господнемъ и страхъ Господень. На портретѣ изображены, вверху разумъ, по сторонамъ: благочестіе и цѣломудріе, щедрота и правда, великодушіе и *надежда божественная* (т. е. вѣроятно надежда устроить себя на царствѣ окончательно). Въ описаніи дара мудрости книжка говоритъ между прочимъ, что когда въ 1682 г. былъ мятежъ (стрѣлецкій), то ни кто не могъ его усмирить, а царевна могла бы еще въ началѣ его остановить, но не хотѣла противиться изволенію Божьему, прозрѣвая „якою кончиною ова я мятежъ имѣла утолиться; въ молитвахъ неусыпающихъ въ то время трудилася, просила у Бога милости въ его отмщеніи за грѣхи мирскія....“ Въ предисловіи говорится, что „иный весь вѣкъ свой трудится, дабы малую якую часть мудрости постигнулъ; но тебѣ — съ именемъ дана есть мудрость Духомъ Святымъ, ибо имя твое ничто иное не знаменуетъ, точію мудрость“; что еще въ царствованіе своего отца Алексѣя царевна прославилась во всемъ государствѣ, иные говорили о ней, что будетъ мудра паче всѣхъ мудрыхъ, иные — что своею мудростію на весь свѣтъ разширитъ Россійское государство, иные говорили, что она возвыситъ славу христіанскую, покоритъ гордость поганскую“. И правду всѣ говорили, прибавляетъ сочинитель, обращаясь къ царевнѣ: ты не только ихъ мысли исполнила, но и еще больше прославилась; и еслибъ кто древняго вѣка началъ чуда славить, первое бы явилось ему чудо, твоя мудрость и т. д.

Книжка издана въ Черниговѣ въ 1688 г.; особый портретъ печатанъ въ Москвѣ. Все это были затѣи втораго друга царевны, Шакловитаго, конечно, при ея одобреніи. Медвѣдевъ въ надписи къ портрету равняетъ ее Семирамидѣ, Елисаветѣ Британской, Пульхеріи.

Должно думать, что и другія сестры царевны принимали живое участіе въ сношеніяхъ и бесѣдахъ съ тогдашними учеными людьми.

Мы уже замѣтили, что церковная начитанность была насущною потребностью того времени и особенно для терема, ставшаго во главѣ тогдашнихъ общественныхъ движеній, получившаго въ свои руки царскую власть и тѣмъ самымъ сосредоточившаго около себя, все то, что по своему образованію стояло тогда впереди. Общество книжныхъ людей, сблизившееся съ теремомъ, должно было по необходимости внести въ него свое вліяніе, поднять уровень его начитанности и образованности. Нельзя при томъ отрицать, что въ настоящемъ случаѣ, черезъ тѣхъ же ученыхъ, невидимымъ ни для кого путемъ дѣйствовало отчасти католическое іезуитское направленіе, которое въ этомъ теремѣ вѣроятно и надѣялось свить себѣ прочное и покойное гнѣздо. Для него особенно и было необходимо, чтобы теремъ въ дѣйствительности шелъ впереди общества по своему образованію, получавшему подъ вліяніемъ католичества особый складъ, какимъ на самомъ дѣлѣ и отличалось образованіе царевенъ, одобрявшихъ такія книги, каковы напр. были катихизисъ Полоцкаго: „Вънецъ Вѣры“, заподозрѣнный, какъ мы упомянули въ неправославіи. Католическое направленіе мнѣніи принималось царевнами, конечно, вполне безсознательно, но охотно по той причинѣ, что давало, болѣе и всетаки благочестивый просторъ для ихъ дѣйствій; по крайней мѣрѣ оно освобождало ихъ отъ излишне суровыхъ и строгихъ запрещеній стараго Домостроя.

Однакожъ домашняя свобода терема не простиралась дальше тѣхъ шаговъ, которые указывалъ тотъ же Домострой, и которые вполне одобряли особенно католическія идеи. Другими терема являлись попы (у царевны Екатерины костромской попъ Григорій Елисеевъ), дьяконы (у царевны Марѣи дьяконъ Иванъ Гавриловичъ), пѣвчіе, также разные старцы и старицы, богомолицы, нищіе и т. п. Это было самое приличное и обыкновенное общество всякаго терема въ допетровскомъ быту. Въ царскомъ теремѣ оно пріобрѣло даже и политическое значеніе, ибо посредствомъ этого общества теремъ владѣлъ народными умами, направлялъ эти умы къ своимъ цѣлямъ, очень долго шутилъ всѣмъ царствомъ. Теремъ въ извѣстные дни, на память родителей, давалъ по обычаю особые пиры этому об-

ществу, извѣстные въ официальныхъ запискахъ того времени подъ именемъ *кормки мышицы*. Посредствомъ этой кормки и разныхъ другихъ обрядныхъ дѣйствій комнатной жизни заводились надобныя терему связи съ *міромъ*, съ свѣтомъ, съ свѣтскими, мірскими людьми. Здѣсь-то и гнѣздились всѣ интриги государственныя и домашнія, въ которыхъ теремъ показалъ себя великимъ искусникомъ. Черезъ нищихъ и старицъ опъ велъ переписку съ стрѣльцами, распускалъ по городу сплетни, мутилъ государствомъ, что вполне было доказано стрѣлецкимъ розыскомъ 1698 г. Вообще теремъ умѣлъ дѣло дѣлать и концы хоронить. Какъ воспитана была въ этомъ отношеніи его мысль, лучше всего видно изъ его наставленій своимъ агентамъ, которыя давалъ онъ во время стрѣлецкихъ розысковъ 1698 г.

Царевна Екатерина Алексѣевна, по случаю этихъ розысковъ, очень хлопотала о томъ, чтобы близкіе къ ней ея дворовые люди, которые были замѣшаны или могли быть замѣшаны въ этомъ дѣлѣ, не выболтали чего о ея сношеніяхъ съ упомянутымъ костромскимъ попомъ или съ *мимъ*, какъ она часто обозначаетъ эту личность, о ея перепискѣ съ *мимъ* и вообще обо всемъ томъ, что открытъ она очень страшилась. Съ этою цѣлью она написала бывшей своей постельницѣ Марѣ Протопоповой самыя подробныя наставленія, какъ и что говорить взятымъ къ розыску людямъ. Эти наставленія очень любопытны: онѣ обнаруживаютъ значительную опытность царевенъ въ веденіи своихъ потаенныхъ дѣлъ и вводятъ насъ въ кругъ мелочныхъ домашнихъ интересовъ терема. Слѣдствіемъ однакожъ было доказано, что „царевна не разъ посылала за попомъ на Кострому своихъ постельницъ, тайно принимала его въ своихъ хоромахъ, дарила ему деньги, дворцовую серебрянную посуду, находила случай переписываться съ нимъ, когда у козватъ ея стоялъ караулъ, и утѣшалась въ своемъ заточеніи его предсказаніями. „Ничего не бойся, сказывалъ онъ ей чрезъ посланнаго, ничего тебѣ не сдѣлаютъ; я знаю по планетамъ, что будетъ, худо или добро“¹. Но участія царевны въ заговорѣ не открыто.

Въ своихъ наставленіяхъ она писала слѣдующее: „Помагуи, для Бога, матка моя, създи ты сего дня или утре съ матерью своею къ Сорокину въ домъ, только ночью будетъ съ нею видѣться, да и молви ты тихонько съ Вахромеевною“², чтобы

¹ Исторія Царств. Петра В. г. Устрялова III, 238.

² Домна Вахромеева содержалась подъ карауломъ у Сорокина въ томъ,

мать твоя не вѣдала: такъ ей молвь: для де Бога не торопись, молись Богу. Будетъ де тебя спросятъ: почему де ты *попа* знаешь? — Такъ бы молвила: какова *попа*? Буде скажутъ какова, такъ бы молвила: кто *сказываетъ*, что я его знаю? — Буде старлица (попавшаяся на слѣдствіе) станетъ про меня что говорить, что будто ко мнѣ хаживала: одно бѣ крѣпко въ томъ стояла, что „не знаю, ни вѣдаю и не хаживала къ ней“. — А буде уже не возможно того не сказать ей, что *сво* не знаетъ, такъ бы только сказала (за нужду, буде старлица въ чемъ уличить), что она гдѣ ее съ нимъ видала, такъ бы къ тому слову сказала: только изъ знакомства, что онъ *прихаживалъ* къ Марѣ Ивановнѣ¹ и бывалъ челомъ о скуѣѣ, такъ иное сама не выдетъ на лѣстницу, да меня *высылала* сказать ему, что скажетъ: добро, пошлю къ патріарту побить челомъ. А больше того не знаю ни чего, хотя уже умереть. Много бы словъ тѣхъ не плодила. — Буде и про то станутъ спрашивать, что почто ты прежде сего *ѣздила* на Кострому? — Такъ бы сказала: *ѣздила* я въ монастырь въ Нерехту съ милостынею; въ тотъ годъ недородъ былъ хлѣбу: такъ де старлица, бывала у царевны и гдѣ бывала постельница, такъ де она была челомъ, что съ голоду они пропадаютъ; такъ де царевна Софія послала денегъ на хлѣбъ.... Чтобъ не торопилась; буде спросятъ, такъ бы и *сво* *сказывала*; а буде не спросятъ, такъ бы не говорила.... А про нынѣшнее буде спросятъ: почто ты *ѣздила* на Кострому? такъ бы сказала, что къ свекру и свекрови *ѣздила* видѣться. И про то буде спросятъ: *вѣдаетъ* ли царевна, что ты *поѣхала*? такъ бы сказала, что не вѣдала.... Буде спросятъ о томъ, *прихаживала* ль къ намъ коли? одно бы говорила, что не хаживала.... и про письма ни про какія поминать ей не вели, ни про *несю*. Хоть и спрашивать станутъ про письма, что не *нашивала* какихъ писемъ? одно: что не *нашивала*, хоть умереть готова. — Буде и про то спросятъ: не *теривалась* ты какихъ писемъ? — Ничего, хоть умереть готова, что *ничего* не знаю, ни вѣдаю. Лучше, *однова* *стерпѣнь*, *помилуй* Богъ! Авось о этомъ и не спросятъ у нее. Ты ей *ростолкуй* хорошенько, только *мошно*; поговори ты съ нею: буде про *сво* не станутъ спрашивать, такъ бы и не заводила про *сво* говорить сама“.

что она отъ царевны къ *располъ* съ Верху письма *нашивала* и по того *располу* на Кострому *ѣзживала*.

¹ Верховая боярыня Марья Ивановна Вѣликина (?).

„И мужъ бы ея Вахромеевной не сказывалъ того, что она къ намъ хаживала, и что мы вѣдаемъ, что они поѣхали къ Костромѣ; чтобъ въ одно слово говорили, что жена, тобъ и мужъ сказалъ. А какъ въ словахъ разобьются, такъ худо будетъ. И про тобъ не сказывалъ, что мужъ-отъ Вахромеевнина въ ту пору, какъ мы сидѣли заперты въ Верху лѣтась, такъ онъ отъ *попа* прихаживалъ съ словами къ Вахромеевной, и письмо однова принесъ къ ней; чтобъ этого не сказалъ. Вѣдь нѣтъ этому свидѣтеля: только они два. Только мочно, мужу Вахромеевнину это молвь ты, чтобъ про сіе не поминалъ, ни про деньги, что съ ними къ попу послали денегъ 10 рублей; (будто) онъ давно просилъ, будто у него то занимовалъ. Ужъ ты вычитай хорошенько письма. Да только мошно, этакъ про все Вахромеевной молвь ты, какъ писано: буде о чемъ спросятъ, такъ бы этакой отвѣтъ давала; а буде не спросятъ о чемъ, такъ бы и не поминала. А хотя и про иное про што и спросятъ, такъ бы, нѣтъ доводчика, такъ можно въ томъ словѣ умереть“.

„Пуще всего, писемъ чтобъ не поминала.... Для Бога, ты этихъ словъ никому не сказывай, о чемъ писано, что съ ними говорить; не вѣрь ни въ чемъ, никому, ни родному. И Даръвъ бѣ кто молвилъ, чтобъ не торопилась, чтобъ писемъ не поминала, что ко мнѣ писывали. Также бы, любо спросятъ про то: не выдавали *попа* въ Верху? такъ бы сказала, что одно, что хочу умереть, ни знаю, ни вѣдаю.... Буде и прото спросятъ; не хаживалъ ли кто къ намъ сюды бабъ и мужиковъ? крѣпкобъ говорили, что никакъ.... ни кто не хаживалъ.... Пожалуй, для Бога, прикажи всѣмъ имъ, которые сидятъ, какъ здѣсь писано, чтобъ ни себя, ни меня, ни людей не погубили. Молились бы Богу, да Пресвятой Богородицѣ, да Николаю чудотворцу; общались бы, что сдѣлать. Авось ли Господъ Богъ всѣхъ насъ избавитъ отъ бѣды сея! — Пошли ты по Толочанова, да распроси ты хорошенько про старицу и про то, что она доводитъ въ чемъ на *попа*, и на царицу, и на меня. Довѣдайся о всемъ, да отпиши. А какъ Василей на переѣзду придетъ въ четвергъ, такъ съ нимъ въ ту пору писемъ не посылай, осматриваютъ ихъ. Помилуй Богъ, какъ найдутъ.... Призови ты къ себѣ завтра Агафью Измайловскую.... Ты ей молвь: что де ты хоронишься? отъ чего? До тебя де и дѣла нѣтъ. А воли бы де и дѣло было, гдѣ де ухорониться отъ воли Божіей!... Ты молвь ей: помилуй де Богъ отъ того! А какъ бы де взяли,

такъ бы де вы, чаю, все выболтали: какъ хаживали, и какъ что, и какъ царевенъ видали. Не уморя де для Бога! хотъ бы де взяли и вамъ бы де должно за нихъ, государынь, и умереть. Не поминай де ты и про то, что письма отъ Татьяны и отъ Дарьи нашивали. Вѣдь де нѣтъ свидѣтеля на то.... Ономедни съ нею посылала денегъ два рубли на подворье, запито въ мѣшкѣ, *къ нему*. И про этобъ не сказывала: нѣту на это свидѣтелей; отнюдь бы не сказывала, что къ намъ хаживала.... Опять повидайся ты съ Яшкою.... Я велѣла къ тебѣ имъ захватъ. Разговорись съ нимъ, какъ его имали, въ чемъ? Да и про то молвь: помилуй де Богъ! Какъ бы стали растранивать, такъ бы де вы много наболтали. Вамъ бы де и умереть надобно за нихъ; вѣдь де нѣтъ свидѣтелей прямыхъ. Будетъ де и присылали про то: что какіе горшки вживали? такъ де (бы) сказали, что въ Верху варили *ходатая*; а про иное бъ и не поминали. Хотябъ де и спросили: что не вживалили де писемъ? такъ бы де сказали: хотъ умереть въ томъ, что не знаемъ ничего, ни вѣдаемъ. А буде не спросятъ, такъ нечего и говорить ни про что, о чемъ не спрашиваютъ. Поговори имъ гораздо отъ меня про сіе: хотъ бы умереть, а словъ бы не было: нѣтъ свидѣтеля. А для того про это пишу: ради всякаго времени. Иногда и не въ томъ попадутся, въ дѣлѣ, а про иное наболтаютъ. И Дарьѣ про то молвь, чтобъ не сказывали тѣхъ врагъ, что про старца Агафѣя ей сказывала и куды де она Васку посылала. О чемъ не спрашиваютъ, не вели того вратъ; о чемъ и спрашиваютъ, такъ въ чемъ нѣтъ свидѣтелей, такъ нечего и говорить. Чтобъ моего имени не поминали. И такъ намъ горько и безъ этого!¹

Да, въ это время, въ это послѣднее время теремной жизни вообще, терему дѣйствительно было горько. Искоренія старыхъ друзей терема, стрѣльцовъ, Петръ вмѣстѣ съ тѣмъ разрушалъ мало по малу и самое зданіе терема.

Извѣстно, что послѣ стрѣleckаго розыска царевна Софѣя и Марѣя были пострижены въ монахини, одна въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ и прежде содержалась, другая въ Успенскомъ дѣвичьемъ, въ Александровской Слободѣ. Предъ вельями Софѣи по повелѣнію царя было повѣшено 195 человекъ стрѣльцовъ. У самыхъ оконъ висѣли трое съ челобитными въ рукахъ.

¹ Исторія царств. Петра В., III, 408.

Князю Ромодановскому царь далъ собственноручное наставленіе: кого пропускать къ Софѣ: „Сестрамъ, кромѣ свѣтлой недѣли и праздника Богородицына, который въ іюлѣ живетъ (храмовой праздникъ монастыря), не ѣздить въ монастырь въ иные дни, кромѣ болѣзни (Софьиной). Со здоровьемъ (спрашивать о здоровѣ) посылать Степана Нарбекова или сына его, или Матюшкиныхъ; а иныхъ, и бабъ и дѣвокъ не посылать; а о пріѣздѣ брать письмо у князя Ѳедора Юрьевича (Ромодановскаго). А въ праздники, бывъ, не оставаться; а если останется, до другаго праздника не выѣзжать и не пускать. А *плечи въ монастырь не пускать*: поютъ и старицы хорошо, лишь бы вѣра была, а не такъ, что въ церкви поютъ: *спаси отъ бѣды*, а въ паперти деньги на убійство даютъ“.

Въ февралѣ 1700 года, приводя въ новый порядокъ расходы дворца, Петръ коснулся и кормки нищихъ. По расчетамъ оказалось, что царица Марѳа на поминаненіи покойнаго мужа, царя Ѳедора, кормила въ 5 дней 300 нищихъ; столько же кормила царица Прасковья по мужу, царю Ивану; царица Татьяна Михайловна кормила въ 9 дней 200 человѣкъ, царица Евдокья Алексѣевна съ сестрами въ 7 дней 350 ч.; даже царица Наталья Алексѣевна кормила въ 4 дня 200 человѣкъ. Всего кормилось въ извѣстные дни поминаненія у 5 комнатъ 1371 ч., питья и запасовъ выходило въ годъ на 143 р. 26 ал. 3 денги. На подлинной вѣдомости объ этой статьѣ дворцоваго расхода Петръ собственноручно написалъ: „си денги раздать нищимъ по улицамъ, а въ Верхъ ихъ (нищихъ) небрать, для того, что *вытерки то колятъ*“¹.

Что именно сказано въ этой тайнописи, за неимѣніемъ ключа, мы объяснить не можемъ. Но этимъ указомъ окончательно и навсегда нищіе отдалялись отъ дворцовыхъ комнатъ; старому домострою такимъ образомъ наносился самый чувствительный ударъ, ибо старый домострой всю добродѣтель свою полагалъ именно въ такихъ формахъ благочестія.

¹ У Туманскаго, Росс. Magazinъ, I, 421, напечатано: *витебки тамъ сколятъ*. Мы пользовались спискомъ этой разметной книги, относящимся къ половинѣ XVIII ст.

Теремъ царствовалъ, конечно, по той только причинѣ, что на лицо не было царя: одинъ былъ неспособный, другой малъ возрастомъ. Какъ только выросъ и укрѣпился малолѣтний царь, тогда и окончилась воля царь-дѣвицы. Первая рѣшительная встрѣча двухъ соперниковъ, какъ и слѣдовало ожидать, произошла на церковномъ торжествѣ, ибо на этихъ торжествахъ царскій санъ и государева особа обозначались для всенародныхъ очей несравненно виднѣе; а слѣд. и несравненно виднѣе обнаруживалось зазорное совиѣстничество двухъ царственныхъ особъ. Софья очень хорошо понимала значеніе этихъ царскихъ выходовъ и не пропускала случая показаться народу въ царственномъ величіи. Выходы ея становились годъ отъ году чаще. Обыкновенно она выходила вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ и по всему вѣроятію даже и вынуждала его, постоянно больного, сопутствовать ей въ этихъ торжественныхъ шествіяхъ. Въ иное время, особенно въ послѣдній годъ, она и одна являлась на этихъ выходахъ. Царь Петръ появлялся на церковныя торжества изрѣдка, въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Онъ не тѣмъ былъ занятъ, да вѣроятно по возможности избѣгалъ и зазорнаго для себя совиѣстничества съ ненавистницею сестрою.... Но скрытая, подземная борьба обнаруживалась даже и въ этихъ богомольныхъ дѣйствахъ двухъ соперниковъ: царевна время отъ времени приказывала пѣть въ соборѣ канонъ: „многими содержимъ напастьми“, словами котораго желала выразить свое положеніе и отношеніе къ петровской партіи. Петръ въ послѣдніе года, 1688 и 1689, одинъ являлся въ соборъ къ „умовенію ногъ“, тоже, по всему вѣроятію, давая чувствовать своимъ присутствіемъ при этомъ церковномъ дѣйствѣ, какъ онъ понимаетъ свои къ ней отношенія.

Въ 1689 г. іюля 5, царевна праздновала годовщину о побѣдѣ на раскольщиковъ. Наканунъ она одна слушала всенощную на Троицкомъ подворьѣ, въ церкви Чуд. Сергія, а въ самый день съ царемъ Иваномъ выходила къ обѣдѣ въ Успенскій соборъ и слушала благодарный молебенъ объ этой побѣдѣ съ прибавленіемъ упомянутаго канона „за прошеніе царевны“. 7 іюля вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ она праздновала въ соборѣ память Филиппа митрополита.

8 іюля, въ понедѣльникъ, слѣдовало праздновать явленію Казанской иконы Пресв. Богородицы съ крестнымъ ходомъ въ Казанскій соборъ въ память избавленія Москвы отъ Ляховъ,

въ 1612 г. Въ этотъ праздникъ цари поднимали въ крестный ходъ иконы и изъ своихъ Верховыхъ, дворцовыхъ церквей, отъ Спаса за Золотою рѣшеткою, за которыми шествовали торжественно сначала въ Благовѣщенскій, а потомъ въ Успенскій соборъ, а отсюда сопровождали крестный ходъ до Казанской церкви и слушали тамъ обѣдню. Царь Петръ пріѣхалъ къ празднику изъ села Коломенскаго. Надо замѣтить, что въ этомъ ходу царевна еще ни разу не участвовала въ прежнее время. Когда оба царя пошли съ Верху, изъ дворца, за образами, то и царевна въ тоже время принесла образъ „о Тебѣ радуется“, который, вѣроятно по особому обѣщанію, былъ поновленъ къ этому дню и украшенъ новымъ окладомъ¹. Нельзя было не выразить царевнѣ своего обрадованія, потому что въ это время съ торжествомъ побѣдителя приближался къ Москвѣ изъ Крымскаго похода кн. В. В. Голицынъ.

Съ именемъ Голицына для царевны соединилось на этотъ разъ много радостей. Онъ разгромилъ Перекопскаго царя; крайней мѣрѣ такъ онъ самъ писалъ о себѣ и прославлялъ и возвеличивалъ свой выдуманный подвигъ даже на всю Европу. Конечно, его успѣхъ возвеличивалъ личность правительницы, высоко ставилъ ея управленіе государствомъ; придавалъ ея лицу мужественныя самостоятельныя черты дѣятельнаго и счастливаго государя. Надо было употребить всѣ средства, чтобы поднять въ общественномъ мнѣніи этотъ крымскій подвигъ на самыя высокія ходули. Кн. Голицынъ и обнаружилъ въ этомъ дѣлѣ великое умѣнье. Затѣмъ его присутствіе въ Москвѣ очень было необходимо по обстоятельствамъ царевниной борьбы съ братомъ Петромъ. Этимъ крымскимъ подвигомъ она и хотѣла усмирить невыгодную о себѣ молву со стороны братниной партіи; въ немъ она пріобрѣтала самое побѣдоносное и вполне достойное оружіе противъ своихъ враговъ.

Но кромѣ политическихъ причинъ ея радости, существовала особая и главнѣйшая, сердечная, причина, которая должна была дѣйствовать еще живѣе. Голицынъ былъ другомъ царевны и ея наперсникомъ. Разлука съ нимъ уже давно ее томила. Она объ этомъ не разъ писала къ нему въ письмахъ, скрывааемыхъ отъ людей посредствомъ потаенной цифирной азбуки. Два такихъ письма, сохранившіеся счастливымъ случаемъ и открытые

¹ Древн. Визл. X, 362.

г. Устряловымъ, относятся именно къ тому времени, о которомъ мы говоримъ. Царевна поздравляетъ въ нихъ своего друга съ побѣдою, которую разумѣется приписываетъ милосердію Божию, и присовокупляетъ: „чево отъ вѣка не слыхано, ни отцы наши повѣдаша намъ такова милосердія Божія; нехуже Израильскихъ людей, продолжаетъ она, извелъ васъ Богъ изъ земли Египетской, тогда чрезъ Моисея, нонѣ чрезъ тебя, душа моя.... Свѣтъ мой, братецъ, Васенька, здравствуй, батюшка мой, на многія лѣта и паки здравствуй Божією (милостію) и Пресвятыя Богородицы и твоимъ разумомъ и счастьемъ, побѣдивъ агаряны, подай тебѣ Господи и впредъ враги побѣждати. А мнѣ, свѣтъ мой, вѣры не имѣется, что ты къ намъ возвратишься; тогда вѣры пойму, какъ увижу во объятіяхъ своихъ тебя, свѣта моего.... Свѣтъ мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многія лѣта!... Батюшка мой, радость моя, свѣтъ очей моихъ, мнѣ вѣры не имѣтца, сердце мое, что тебя, свѣтъ мой, видѣть. Великъ бы мнѣ день той былъ, когда ты, душа моя, ко мнѣ будешь. Еслибы мнѣ возможно было, я бы единымъ днемъ тебя поставила предъ собою“. И самъ Голицынъ видимо очень желалъ своего возвращенія въ Москву и потому просилъ друга—царевну, чтобъ она помолилась. На первый разъ царевна, кажется, не совсѣмъ такъ поняла его просьбу. „А что, свѣтъ мой, пишешь, чтобы я помолилась“, отвѣчаетъ царевна и присовокупляетъ въ сомнѣніи: „будто я, вѣрно, грѣшная предъ Богомъ и недостойна; однакоже дерзаю, надѣясь на его благоутробіе, если и грѣшная. Ей всегда того прошу, чтобы свѣта моего въ радости видѣть“. Въ другой разъ она писала: „что ты, батюшка мой пишешь о посылкѣ въ монастыри, все то исполнила, по всѣмъ монастырямъ бродила сама пѣша.... что пишешь, батюшка мой, чтобъ я помолилася: Богъ, свѣтъ мой, вѣдаетъ, какъ желаю тебя, душа моя, видѣть; и надѣюсь на милосердіе Божіе, велитъ мнѣ тебя видѣть, надежда моя.... А я, батюшка мой, здорова, твоими молитвами, и всѣ мы здоровы. Аще дастъ Богъ увижу тебя, свѣтъ мой, о всемъ своемъ житіѣ скажу; а вы, свѣтъ мой, не стойте, подите помалу, и такъ вы утрудилися. Чѣмъ вамъ платить за такую нужную службу, наипаче всѣхъ твои, свѣта моего, труды. Еслибъ ты такъ не трудился, никтобъ такъ не сдѣлалъ“.

Теперь весьма понятно съ какимъ особеннымъ желаніемъ царевна хотѣла присутствовать въ торжественномъ крестномъ

ходъ къ Казанской. Она праздновала побѣду надъ врагами и разными напастями во всѣхъ смыслахъ.

Дворцовый выходъ совершился въ полномъ составѣ. Въ Успенскомъ соборѣ цари и царевна приложились къ иконамъ и св. мощамъ при пѣніи многолѣтія, послѣ чего должно было идти за св. иконами и крестами въ церковь къ Казанской. Тогда, говорятъ, царь Петръ сказалъ сестрѣ, чтобъ она въ ходъ не ходила. Какъ она ему отвѣтила, мы не знаемъ. Но дѣло кончилось тѣмъ, что въ ходъ не пошелъ только самъ Петръ.

Царевна съ братомъ Иваномъ торжественно вышла за крестами изъ собора и сопровождала ихъ до мѣста; а Петръ проводилъ кресты только до Архангельскаго собора, вошелъ въ эту царскую усыпальницу, помолился у св. иконъ и у мощей благовѣрнаго царевича Димитрія и „изволилъ съ Москвы итти въ тоже вышеупомянутое село Коломенское“. Къ сожалѣнію въ дворцовой разрядной запискѣ объ этомъ событіи, въ оригинальномъ столбцѣ, послѣ этихъ самыхъ словъ слѣдуетъ утрата нѣсколькихъ листковъ¹, такъ что мы незнаемъ, въ чемъ заключались дальнѣйшія подробности ея повѣствованія, именно относительно царевны Софьи.

Но царевна продолжала свои выходы еще съ большею настойчивостью. 14 іюля она одна ходила ко всенощной въ церковь св. Владиміра, что въ Садѣхъ, 15 іюля въ самый праздникъ св. Владиміра она одна изволила быть въ той же церкви на освященіи и у обѣдни. 18 іюля вечеромъ ходила въ село Покровское и вскорѣ возвратилась оттуда, вѣроятно по той причинѣ, что въ это время къ Москвѣ подошелъ съ полками кн. Голицынъ. На другой день 19 іюля происходила торжественная встрѣча побѣдоносному войску, при чемъ царевна уже безъ малѣйшаго зазора справила эту встрѣчу во всемъ подобно самому царю. Воеводамъ велѣно было впередъ себя отпустить къ Москвѣ св. крестъ и полковыя св. иконы, которые были съ войсками въ походѣ. Въ восьмомъ часу утра царевна изволила

¹ Дворц. разряды IV, 458. Замѣчительно, что въ подобныхъ актахъ, касающихся этой смутной эпохи, мы постоянно, и въ самыхъ важныхъ мѣстахъ, встрѣчаемъ такіе же утраты. Такъ, напр. значительная часть предсмертнаго показанія Шакловитаго (Устряловъ, II, 77), тоже утратилась. Какъ будто по всѣмъ этимъ документамъ ходила какая-то одна рука, истреблявшая все, что должно было выяснять и обнаруживать въ настоящемъ видѣ отношенія Софьи къ Петру и къ своимъ друзьямъ.

идти въ церковь Тихона (у Арбатскихъ воротъ); отслуживъ тамъ молебенъ и продолжала шествіе къ Серпуховскимъ воротамъ, у которыхъ за городомъ и встрѣтила св. иконы. Помолившись и приложившись къ иконамъ, она „жаловала къ рукѣ“ бояръ и воеводъ, кн. Голицына съ товарищи, и изволила спросить ихъ о здоровьѣ. Отъ Серпуховскихъ воротъ за иконами она шла въ Кремль, въ сопровожденіи тѣхъ же походныхъ бояръ и воеводъ, а также и бояръ, окольничихъ, думныхъ людей, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, дьяковъ, гостей и приказныхъ людей, которые сопутствовали ей на выходѣ. Впереди иконъ шли ратные люди: ротмистры, полковники, стольники, стряпчіе, лорутчики, хорунжіе, дворяне, жильцы и иныхъ чиновъ, по 5 и по 6 человекъ въ рядъ, въ саадакахъ и въ сабляхъ и съ инымъ оружіемъ. У дворца шествіе встрѣтилъ царь Иванъ; послѣ чего царевна прошла дальше, черезъ свой государской дворъ, въ соборную церковь, гдѣ патріархъ совершилъ благодарственный молебенъ, послѣ котораго царевна проводила полковую святую къ себѣ во дворецъ и тамъ ее оставила въ одной изъ верховыхъ церквей. Затѣмъ въ Передней палатѣ вмѣстѣ съ братомъ она торжественно жаловала къ рукѣ всѣхъ походныхъ воеводъ и дьяковъ, и всѣхъ начальныхъ ратныхъ людей, при чемъ боярамъ сказана была похвальная рѣчь.

23 іюля въ 6 часу утра царевна ходила къ обѣднѣ въ Новодевичій монастырь и служила тамъ торжественный молебенъ „Смоленской Божіей Матери о ихъ государскомъ многолѣтнемъ здравіи и о всякомъ благополученіи и воздавали хвалу о побѣдѣ враговъ, проклятыхъ агаринъ“. У молебна были кн. Голицынъ и всѣ воеводы и ратные начальные люди. Послѣ молебнаго пѣнія, царевна угощала воеводъ фряжскими винами, а ратныхъ людей водкою.

25 іюля, по случаю именинъ царевны Анны, она опять угощала въ Передней водкою все боярство и дворянство и полковыхъ людей.

Между тѣмъ развязка потаенной борьбы съ братомъ близилась къ концу. Софья вела уже рѣшительные переговоры съ стрѣльцами. 27 іюля, на праздникъ иконы Смоленской Богородицы Одигитріи (путеводительницы, крѣпкой помощницы) она ходила, по обычаю въ Новодевичій монастырь ко всенощной, окруженная пятисотными и пятидесятиниками отъ всѣхъ стрѣleckихъ полковъ; по окончаніи службы, въ 4 часу ночи, подо-

зававъ стрѣльцовъ, царевна жаловалась имъ на царицу Наталію Кирилівну: „И такъ бѣда была, говорила Софья, да Богъ сохранилъ; а нынѣ опять бѣду зачинаетъ. Годны ли мы вамъ? Буде годны, вы за насъ стойте; а буде не годны, мы оставимъ государство“. Стрѣльцы отвѣчали: „воля ваша! Мы повелѣніе твое исполнять готовы; что велишь дѣлать, то и станемъ“. — „Ждите повѣстки“, сказала царевна. 4 августа ночью она переговаривалась съ стрѣльцами въ верхнихъ хоромахъ, у самаго терема, и говорила имъ: „Долголь намъ терпѣть? Ужъ житья нашего не стало отъ Бориса Голицына (кравчаго у Петра) да отъ Льва Нарышкина. Царя Петра они съ ума споили; брата Ивана ставятъ ни во что; комнату его дровами закидали; меня называютъ дѣвкою, какъ будто я не дочь царя Алексѣя Михайловича; князю Василью Васильевичу (Голицыну) хотятъ голову отрубить, а онъ добра много сдѣлалъ: польскій міръ учинилъ.... Радѣла я о всячинѣ, и они все изъ рукъ тащатъ. Можноль на васъ падѣяться? Надобныль мы вамъ? А буде не надобны, мы пойдемъ себѣ съ братомъ, гдѣ кельи искать“. Такой же разговоръ съ стрѣльцами по ночамъ у своего терема она вела во все это тревожное время ¹. Между тѣмъ Петръ еще 25 іюля передвинулся изъ Коломенскаго въ Преображенское; 4 августа отпраздновалъ въ Измайловѣ именины своей жены, царицы Евдокіи Лопухиныхъ, а въ полночь на 8 августа принужденъ былъ, спасаясь отъ убійства, внезапно ускакать въ Троицкій монастырь; „изволилъ идти для моленія въ Троицкій монастырь“, какъ отмѣчаетъ дворцовая разрядная записка.

Въ то самое время, какъ Петръ безъ оглядки торопился добраться скорѣе до монастыря, чтобы найти себѣ за его стѣнами безопасное мѣсто, благочестивая царевна, окруженная стрѣльцами, слушала акафистъ ² въ церкви Казанской Богоматери, а вѣрнѣе упомянутый выше канонъ: „многими содержимъ напастьми“. На самомъ же дѣлѣ подъ этимъ благочестивымъ обликомъ она вела рѣшительный заговоръ противъ брата и его семьи. Во дворцѣ и между стрѣльцами въ это время распространялся уже слухъ, что въ эту ночь придутъ изъ Преображенскаго потѣшныя конюхи и побьютъ царя Ивана и всѣхъ его сестеръ, слѣд. распространялся слухъ о нашествіи Петра

¹ Исторія царств. Петра, г. Устрялова, II, 51.

² Исторія царств. Петра В., II, 59.

на теремъ. 9 августа царевна съ братомъ Иваномъ служила панихиду въ Архангельскомъ соборѣ по своимъ государскихъ родителяхъ, а потомъ одна ходила и въ Вознесенскій монастырь и тамъ также служила панихиду у гробовъ царицъ. Приближались обстоятельства очень трудныя и опасныя; они-то и заставляли царевну обращаться къ памяти родителей, въ это не обыкновенное для подобныхъ моленій время. 11 августа вечеромъ она торжественно въ сопровожденіи боярства и дворянства, проводила изъ дворца въ Донской монастырь чудотворную икону Донской Богоматери, которая сопутствовала полку въ крымскомъ походѣ и оставалась еще пока до дворцъ. Тамъ она слушала всенощную; а на другой день, 12 августа, ходила туда къ ранней обѣднѣ. 14 и 15 августа, по случаю празднованія Успенію совершены были обычные праздничные торжественные выходы въ Успенскій соборъ ко всенощной и къ обѣдни, въ присутствіи бояръ, думныхъ и ближнихъ людей. 17 августа царевна ходила молиться въ Новодѣвичій монастырь. 18 и 19 числа совершила съ братомъ празднованіе Донской Богородицѣ съ обычнымъ крестнымъ ходомъ въ Донской монастырь.

26 августа вечеромъ она опять ходила молиться въ Новодѣвичій монастырь, оставалась тамъ всю ночь и воротилась въ Москву за часъ до свѣта. Всѣ эти благочестивыя ночныя бдѣнія совершались однакожъ съ тою цѣлью, чтобы свободнѣе вести переговоры съ стрѣльцами, ибо стрѣльцы всегда непремѣнно сопровождали царскую особу, особенно въ ночныхъ выходахъ.

Наконецъ, 29 августа, царевна сама уже рѣшилась отправиться въ Троицкій монастырь къ разгнѣванному брату Петру. За 2 часа до вечера она отслушала въ Успенскомъ соборѣ напутственный молебенъ; оттуда ходила молиться у родительскихъ гробовъ въ Архангельскій соборъ и въ Вознесенскій монастырь, молилась въ Чудовъ монастырь, на Троицкомъ подворьѣ и въ приходской церкви Вознесенія на Никитской. „И изъ той церкви изволила она великая государыня взять чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы Казанскія и быть въ соборной церкви Казанскія Богородицы, что въ Китаѣ (городѣ), а отъ той церкви, съ тою святою иконою, итти въ Троецкой Сергіевъ монастырь“. Ее сопровождали бояре, околыничіе, думные дворяне, стольники и стряпчіе. Извѣстно, что Петръ воротилъ ее изъ этого похода, грозя, что если пойдетъ, то „поступлено будетъ съ нею нечестно“. Она воротилась въ Москву 31 августа въ

7 часу ночи, по нашему счету во второмъ пополудни, и 1 сентября, съ рѣшимостью поднять на Петра все государство. Но черезъ недѣлю, 7 сентября, была сама отрѣшена отъ владѣнья царствомъ ¹.

(Открывъ на-лицо всѣ ея замыслы, Петръ написалъ письмо къ старшему брату Ивану: „сестра наша царевна Софья Алексѣевна государствомъ нашимъ начала владѣть своею волею, и въ томъ владѣнн, что явилось особамъ нашимъ противное и народу тягость и *наше терпѣнне*, о томъ тебѣ, государь, извѣстно. А нынѣ злодѣи наши Федька Шакловитый съ товарищи... умышляли о убивствѣ надъ нашимъ и матери нашей здоровьемъ... А теперь, государь братецъ, настойтъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли есми въ мѣру возраста своего, а третьему *засорному лицу*, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужскими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволимъ; на тобѣ и твоябѣ, государя, моего брата, воля склонилася, потому что учала она въ дѣла вступать и въ титлахъ писаться собою безъ нашего изволенія; къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ, для конечной нашей обиды, хотѣла вѣнчаться. Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, *тому засорному лицу* государствомъ владѣть мимо насъ!“

Этимъ словами Петра о засорномъ лицѣ древній русскій вѣкъ высказывалъ свой приговоръ женской личности вообще и подвигу царевны въ особенности. Помимо всѣхъ преступныхъ замысловъ, этотъ подвигъ былъ самъ по себѣ засоренъ и несомвѣстимъ ни съ какимъ положительнымъ идеаломъ вѣка. Срамно было мужскимъ особамъ, въ общественномъ дѣлѣ, стоять рядомъ съ личностью дѣвицы, а еще болѣе: находиться въ ея обладанн, въ ея волѣ. Не преступнымъ только являлось ея лицо, но и засорнымъ, на что особенно и указываетъ оскорбленный Петръ. „Пора, государыня, давно вамъ въ монастырь!“ мыслилъ древній вѣкъ, въ лицѣ ея же пособниковъ стрѣльцовъ, опредѣляя тѣмъ истинное назначеніе для дѣвичьей личности, если она лишалась почему либо возможности пристроить свою судьбу къ личности мужской, какъ было именно въ царскомъ быту.

¹ Дворц. разр. IV, 482 и др.

Дѣвица-царевна, какъ и всякая честная вдова, слѣд. вообще женская личность, сама по себѣ, — по смыслу своего положенія въ обществѣ, была монастырка, постница, пустынница. Въ этомъ заключалось ея истинное призваніе, т. е. въ этомъ состояла идея ея общественнаго положенія. Вотъ почему и домъ вдовы и теремъ дѣвицы мало по малу всегда неизмѣнно превращался въ монастырь. Другой образъ жизни также неизмѣнно ставилъ ея личность въ положеніе зазорное для общественныхъ глазъ. Другой образъ жизни, хотя бы самый скромный, но только самостоятельный, былъ уже отрицаніемъ постническаго идеала и являлся непростительнымъ нигилизмомъ. Въ существенномъ смыслѣ зазорнымъ нигилизмомъ являлось не худое поведение, а всякій признакъ независимаго, самостоятельнаго отношенія къ обществу, что осуждалось еще больше, и сильнѣе, чѣмъ худое поведение. Худое поведение судилъ Богъ, всегда милосердо отпускающій грѣхи. Самостоятельное поведение судило общество, никогда не прощающее явнаго отступничества отъ его идеаловъ. Поэтому житейскіе грѣхи можно было всегда прикрыть постническою мантиею, лишь бы не видало ихъ общество. Но грѣхъ личной независимости и самостоятельности прикрыть было не возможно; ни какой мантии для этого не существовало. Въ этомъ случаѣ была неизбежна и совершенно необходима прямая, открытая и притомъ богатырская, т. е. петровская борьба съ тѣмъ же обществомъ; борьба, недопускавшая ни какихъ сдѣлокъ, ни какихъ колебаній, уступокъ, ни какихъ мирныхъ переговоровъ. Быть можетъ у Софіи-царевны досталобы и ума и смѣлости выйти и на этотъ путь; но у ней не доставало главнаго: живой вѣры, что этотъ путь столько же святъ; живой вѣры въ ту истину, что общество спасается не постническимъ идеаломъ, а идеаломъ полной, всесторонней свободы. Она же не искала настоящей свободы, а искала лишь приличной формы, приличной по мнѣнію вѣка одежды для своего дѣвическаго своеволія; потому она вовсе не была способна съ рѣшимостью отступить отъ завѣтнаго постническаго идеала и стремилась устроить не общественную, но лишь свою личную свободу по его же византійскимъ образцамъ. Она способна была явить русскому міру только фарисейскій видъ того же постничества. А это были старые мѣхи, которые уже не годились для новаго вина, т. е. для новыхъ началъ развитія, какихъ неуклонно требовало русское общество, вся русская жизнь, во всемъ своемъ составѣ и

который способенъ былъ насадить и водворить только Петръ, стремившійся на прямой путь свободы гражданской и человеческой.

Весьма понятно, чѣмъ должны были казаться Петру всѣ эти богомольные постническіе подвиги царевны и ея сестеръ, весь этотъ старый домострой жизни, прикрывавшій своими досточтимыми формами самыя растлѣнные нравственные начала.... Очень понятно, почему постническій идеалъ сталъ для него съ этого времени особенно ненавистенъ, почему онъ относился къ нему съ самымъ полнѣйшимъ отрицаніемъ и почему въ послѣдующее время употреблялъ всякія средства, чтобы окончательно его уронить и осмѣять въ общественномъ мнѣніи, устраивая съ этою цѣлью потѣшныя дѣйства извѣстнаго князь-папы или Пресбургскаго патріарха и жестоко стѣсняя и преслѣдуя ревностныхъ поборниковъ сказаннаго идеала, всякихъ его выражителей и изобразителей, начиная отъ старцевъ — пустосвятовъ, юродивыхъ, нищихъ и т. д., и оканчивая крутыми старовѣрами, которые въ истинномъ смыслѣ были произведеніемъ Домостроя и потому такъ крѣпко и стояли за старое благочестіе.

Не добрую славу оставилъ по себѣ теремъ Софьи и въ народѣ. Правду или неправду старовѣры въ тихомолку говорили: „царевна Софья, была блудница и жила блудно съ боярами, да и другая царевна, сестра ея.... и бояре ходили къ нимъ и робятъ тѣ царевны носили и душили, и иныхъ на дому кормили....“ (Исторія Россіи, г. Соловьева, XVII, 227).